

ЛЕОН ТАРГУИД

И
Т-216

Первый
Джек

Леон Тарфиад

ЧЕРНЫЙ
ДЖЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОО "ЭСБИ"
Новосибирск
1994

ББК 84.4 Вл
Г 20

Г-216

Ответственный за выпуск книги В.П.Тарасов

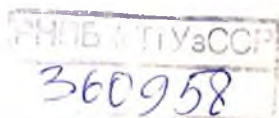
Леон Гарфилд. Черный Джек

Первое издание: "Longmans Young Books", 1968.

Всего до 1987 г. 12 переизданий.

Перевод с английского Гобузова А.П.

Художник Наталья Фадеева

Леон Гарфилд

Г 20 Черный Джек. — Повесть. / Перевод с английского
Гобузова А.П. — Новосибирск: ТОО "ЭСБИ", 1994. —
240с.

ISBN 5 — 85933 — 003 — 0

4804010000
Г----- без объявл. — 94
2ДЗ(03) 94

ISBN 5 — 85933 — 003 — 0

© Издательство ТОО "ЭСБИ", 1994 г.

© Гобузов А.П., перевод, 1994 г.
© Фадеева Н.А.,
иллюстр., оформление, 1994 г.

От редакции

(Предисловие к английскому изданию)

Молодой Бартоломью Доркинг стоял в темной комнате и безмолвно смотрел на гроб, в котором лежал только что казненный страшный убийца, неподвижный, словно каменное изваяние. Вдруг он заметил, что глаза мертвеца открыты и смотрят прямо на него леденящим душу взором, полным мольбы. Негодяй был жив! Таким образом жизнь гнусного убийцы оказалась связана с судьбой молодого подмастерья, вынужденного помогать ему из страха перед ужасными злодеяниями, которые могут свершиться, если убийца вновь окажется среди людей.

Перипетии этой чудовищной истории протекали извилистыми путями в одной из страшнейших частей старого Лондона. В этой истории описаны бродячие цирки и частные сумасшедшие дома, в которых на цепи, в пустых камерах сидят забытые всеми параноики. Из одного из таких домов молодой Толли спасает Белли, сумасшедшую девушку, которая в действительности совсем не сумасшедшая.

Леон Гарфилд родился в 1921 году в Брайтоне и там же получил образование. Его недолгие занятия искусствоведением были прерваны разразившейся второй мировой войной, во время которой он служил в санитарных войсках. После войны он работал техником в больничной лаборатории, но литературный успех дал ему возможность отдавать писательству больше времени, чем прежде. Он женат, у него есть дочь. Они живут в Хайгейте, в той части Лондона, которая не раз описана во многих его рассказах.

Посвящается Грэйс Хогарт

1. Мертвец

а свете существует немало необычных способов зарабатывать на жизнь, но такого, которым владела миссис Горганди, не знал никто. Она была вдовой Тайберна. По по недельникам, рано утром, она, одетая в черное, подходила к виселице и в трагическом возбуждении ожидала казни.

Иногда, правда, ее опережала жена или мать очередного осужденного, и тогда миссис Горганди удалялась, отвесив несчастной глубокий поклон и не дожидаясь момента, когда на помосте вместо живого человека останется безжизненное тело.

Но в общем она знала свое дело и приходила лишь к тем, у кого в целом свете не было ни одной родной души, к тем настоящим извергам, кого всякий был бы рад видеть повешенным. Она стояла рядом с ними, вместо жены или матери, в их последний миг и даже после него.

Вот что произошло дальше. Многие и многие из казненных были безусловно недостойными людьми. Но миссис Горганди оплакивала их и просила прохожих помочь ей в ее горе, тогда как

очередной негодяй бился в предсмертных судорогах в дьявольской геометрии виселицы.

— Ох, сэр! Бог воздаст вам за вашу доброту к несчастной только что овдовевшей женщине! Ох! Мистер Кэтч (это она палачу), ради Бога, помягче с ним! Хоть он уже и мертв, надо уважать его последние мгновения. Вот его гроб. Мистер Кэтч, голубчик, возьмите шиллинг, отвезите ко мне его останки. Блэкфрайерс-лэйн, семь. Я вас умоляю, голубчик!

После чего, продолжая стенать, миссис Горганди церемонно приподнимала подола, мелькая сиреневыми чулками, и провожала свою “позднюю любовь” в последний путь.

Причем последний путь усопшего негодяя на этом вовсе не заканчивался. Миссис Горганди находила какого-нибудь хирурга или препаратора и продавала ему тело своей “поздней любви” на предмет физиологических изысканий, заламывая от семи до десяти фунтов, в зависимости от качества экземпляра.

Так и шли ее дела до знаменитой казни Черного Джека в понедельник 14 апреля 1749 года.

Ужасный негодяй, семи футов ростом и соответствующей комплекции, держал в страхе весь Найтбридж и его окрестности, пока кварта рому и пятеро полицейских не свалили его с ног.

— Несчастливая душа! — вздохнула миссис Горганди, когда узнала о предстоящей казни Черного Джека. — Пока ты дышишь, ты не стоишь и двух паршивых глотков холодного джина. Но за твои останки свежеиспеченная вдова попросит не меньше пятнадцати фунтов. И получит их!

Она была не прочь проторчать всю ночь у виселицы, чтобы самые первые любители таких зрелищ увидели ее, подобную огромной черной бабочке, обнимающую эшафот в первых лучах восходящего солнца.

— Это мой муж, любезный сэр! Он был жестокий человек и великий грешник! Но мой супружеский долг — быть с ним рядом в его последние минуты и достойно похоронить его. Помогите же, сэр, бедной будущей вдове! Он был такой скупой, что оставил меня без гроша! Помогите же мне, сэр! Помогите мне!

С такими словами она бродила среди все прибывавшей толпы, и скоро ее жалостливый голос, неустанный и безутешный, потонул в общем гоме Тайбернской площади, заполненной зеваками. Кто слушал ее причитания? Может быть, сам Черный Джек, когда его, связанного по рукам и ногам, везли в повозке в сопровождении тюремного монаха, молящегося о его грешной душе, и палача, молящегося, чтобы веревка выдержала эту гигантскую тушу? А Черный Джек в самом деле был могучим парнем, хотя и очень жестоким. Монах и палач сидели по обе его стороны, словно Ангел и Дьявол, вцепившиеся в его готовую излететь душу, а Всевышний все еще раздумывал, как своим решением умиротворить и того, и другого.

— Ох, мой грешный муж! — вопила миссис Горганди. — Посмотрите на него, милостивые господа! Внемлите голосу жалости и помогите мне! Ох, Джек, Джек! Прощай, мой милый гигант! Пусть твой конец будет легким, дорогой! Ох, сэр! Я не могу вынести! Жестокий мистер Кэтч сейчас превратит меня во вдову прямо у меня на глазах!

Она продолжала свои причитания до того самого момента, когда Черный Джек встал на табуретку под петлей для последнего прыжка в Вечность. Тут она издала такой ужасный вопль, что, казалось, вздрогнула вся площадь и кровью облились сердца, особенно у тех, кто ее не знал (приехавшие на рынок крестьяне и тому подобный люд, мимоходом оказавшийся здесь,

на Тайберне). Невозможно было не поверить, что этот вопль исторгнут не несчастной супругой осужденного злодея. Но вот громадная туша Черного Джека достигла наконец своей цели, и он окончил свое земное бытие с достойной одобрения быстротой.

Сопровождаемая безутешной вдовой и палачом с вожжами в руках, повозка с телом казненного застучала коваными ободами вниз по Оксфорд-стрит, и море голов с любопытством поворачивалось вослед, чтобы бросить последний взгляд в пока еще открытый гроб. Улица становилась все уже и уже, сжимая следовавшую по пятам толпу, пока та не сократилась до пяти десятков самых любопытных ротозеев, оставшихся наблюдать, как гроб с покойником исчезнет в дверях мрачного узкого дома миссис Горганди, который и сам выглядел словно гроб, таивший внутри себя останки другого дома.

Прибытие покойника вызвало бурный интерес у обитателей окрестных домов. Несмотря на то, что палач и его помощник старались изо всех сил вытащить из повозки гроб с тушей Черного Джека, им это было явно не под силу. Они пыхтели, сопели, потели, но безуспешно. Толпа ломилась вперед, вождедея увидеть, как гроб с покойником опрокинется на мостовую. Миссис Горганди с нарастающей тревогой сутилась рядом.

— Осторожнее, мистер Кэтч, голубчик. Легче, легче! Милостивые господа, я только что стала вдовой, помогите же мне! Неужели ваше сердце не обливается кровью при виде моего горя?

Ее пристальные глаза-бусинки перебежали с лица на лицо и вдруг замерли, загоревшись сухим блеском.

— Вот вы, молодой человек! У вас чудесное, доброе лицо... Щечки словно яблочки, а губки словно вишенки! Такой здоровый вид бывает только от свежего деревенского воздуха, могу поклясться! Подойдите ближе, мой дорогой, помогите бедной вдове в ее горе, разделите ее печаль в осиротевшем доме! И... И вот вам шиллинг за ваше участие и доброе сердце!

Она прямо-таки вцепилась в стоявшего невдалеке молодого человека, еще мальчика, видимо подмастерья, простодушного и добросердечного на вид, которому было не больше пятнадцати. У юноши, смущенного тем, что его единственного выделили из толпы, в лицо бросилась такая густая краска, какую не даст никакой, самый что ни на есть деревенский воздух. Миссис Горганди так вцепилась в юношу, что у того не хватило бы духу и без шиллинга ответить ей "нет".

Бартоломью Доркинг, которого вдова повела за руку мимо заинтригованной толпы, готов был провалиться сквозь землю. Ему захотелось в этот момент вдруг оказаться у себя, в мануфактурной лавке на Ладгейт-хилл, где он вот уже как месяц состоял в ученичестве. Он был еще в том возрасте, когда внимание посторонних людей для нас страшнее пожара на море.

Неуклюже, с багровым закатом на щеках, он шел за новоиспеченной вдовой, тая болезненный страх, что роняет свое достоинство и теряет здравый смысл. Палач и его помощник с удивлением взирали на него. Потом, многозначительно переглянувшись, они заплодировали. Бартоломью еще ниже склонил голову и даже ссутулил от смущения узкие плечи.

— Ну, дружок, держись!

Бартоломью ухватился за гроб. Он шатался, качался и едва не падал под страшной тяжестью. Миссис Горганди, вытягивая голову, чтобы раз-

глядеть его под гробом, с беспокойством всматривалась в него.

— Ох, какой ты сильный! Какой крепкий! Какой решительный! Какое доброе у тебя сердце! Еще парочку ступенек, мой дорогой! Легче, легче. Какой ты у нас мускулистый! Какой здоровый! Теперь сюда, по коридору. Осторожнее, здесь перила! Теперь сюда... в гостиную... Какой ты надежный! Какой ты мужественный! Вот тебе еще шиллинг, мой дорогой!

Они внесли гроб в гостиную в самом конце коридора.

— На стол, ставьте на стол!

С тяжелым стуком, потрясшим чуть ли не весь дом, они поставили гроб на длинный ободранный стол, который, если не считать одинокого деревянного стула, был единственным украшением гостиной.

Только теперь Бартоломью Доркинг смог как следует вздохнуть. Голова его кружилась, в висках стучало, на лбу выступил пот. Он обессиленно прислонился к стене. И тут настал момент последнего подзаконного унижения Черного Джека. Согласно правилам своего палаческого цеха, мистер Кэтч избавил мертвеца от верхней одежды. Но нищие обноски Черного Джека были, увы, весьма жалкой добычей для мистера Кэтча.

На время сей церемонии миссис Горганди закрыла лицо руками, и Бартоломью Доркинг, забыв о своих ободранных в кровь об углы и стены руках и разорванной новой куртке, проникся к вдове горячим сочувствием. Но скоро все это кончилось самым благопристойным образом: Черный Джек и без одежды выглядел весьма внушительно. Даже его нижняя рубашка, длинная и широкая, словно парус фрегата, перекочевала в аккуратный сверток под мышкой мистера Кэтча.

— Мы закончили, миссис Горганди, — учтиво поклонился палач хозяйке дома.

Вдова убрала от лица руки, улыбнулась через силу и предложила всем присутствующим по рюмке джину. Но мистер Кэтч и его помощник уже были за дверями. Бартоломью хотел было отправиться за ними следом, как вдруг услышал:

— Ох, мой добрый юный друг! Ради вашего чуткого сердца, сделайте бедной вдове еще одно одолжение.

Дородная вдова загородила собой дверь, путь к отступлению был отрезан. С улицы доносились крики толпы, стук подков по мостовой и скрип отъезжающей повозки. И хотя день едва достиг середины, юный Доркинг испытал странное чувство, что уже наступила ночь и он остался один. Миссис Горганди улыбнулась ему с мрачным воодушевлением.

— Еще одну небольшую услугу, голубчик.

Бартоломью всеми силами стремился не показать своего смятения.

— Буду рад, мадам, — вежливо ответил он.

Вдова вздохнула.

— Побудь здесь с полчаса, — сказала она, — а я тем временем навещу его друзей и родственников, чтобы помолиться вместе с ними и выпить стаканчик за его душу перед тем, как он отправится на вечный покой. Ничего не надо делать, мой дорогой, только если кто-нибудь придет, то будет очень жаль, если ему никто не ответит. В общем, если кто-нибудь постучит, скажи, что я скоро вернусь и что чудовище, то есть, наш бедный Джек, в абсолютной целостности и сохранности. Через полчаса, мой дорогой!..

Миссис Горганди не хотела упускать выгодных покупателей, которые могут прийти к ней домой, пока она будет искать их на улице. Не успел Доркинг ответить, как она проворковала: “Какое у тебя доброе сердечко!” — и захлопнула дверь перед самым его носом. Звякнул в замке

ключ, и туфли миссис Горганди застучали, удаляясь, по коридору и потом по улице. Как будто из другого мира Бартоломью еще раз услышал ее хриплоголосое обещание:

— Вернусь через полчаса...

Помедлив минуту, юноша толкнул дверь. Замок был прочен. Он подошел к окну — стекло было покрыто слоем пыли. Из грязного подоконника, заваленного дохлыми мухами, вверх уходили стальные прутья решетки.

“Помогите. Я в заточении“, — написал он пальцем на пыльном стекле. Подумав, он стер написанное и выше написал то же самое, но только наоборот. Бартоломью надеялся, что кто-нибудь в этом страшном мире глухих стен и задних дворов прочтет его послание и придет к нему на помощь.

Потом он подошел к очагу, в котором лежала большая куча бумажного пепла, — словно огромная семья накануне жгла свои секретные письма перед тем, как пойти на чердак и всем вместе повеситься. Он присмотрелся и обнаружил, что дымоход чуть ли не весь завален обвалившимися кирпичами, два из которых были весьма похожи на подошвы башмаков. Доркинг подумал, что, наверное, какой-нибудь предыдущий подмастерье уже пытался выбраться отсюда, но застрял, погребенный под обвалившимися кирпичами.

Он дрожал — и упрекал себя за то, что подумал о вдове плохо. Несчастливая женщина чуть с ума не сошла от горя, а он думает лишь о себе самом.

Как тебе не стыдно, Бартоломью Доркинг! Неужели ты не можешь уделить полчаса из твоей молодой жизни и спокойно посидеть в одиночестве у гроба, пока несчастная, убитая горем вдова не обежит всех своих приятельниц? Очень стыдно, Бартоломью Доркинг! Разве она мало сегодня страдала?

Он вздохнул и сел на одинокий стул. Взгляд его устремился в окно. Из гроба, возносясь вверх, словно морской утес, обнажаемый отливом, торчала громадная босая ступня Черного Джека.

Доркинг повернул стул так, чтобы перед глазами у него было что-нибудь более приятное. Не то чтобы он слишком боялся мертвеца. Он приехал в Лондон из Шорхэма, где достаточно насмотрелся на утопленников самого разного размера и во всяком виде, которых прибой выносил на берег, шумя волнами, словно спрашивая: "Это не ваши?" Его отец и мать тоже погибли в море, оставив его, совсем маленького, на попечение дяди — морского капитана, который отдал его в ученики в мануфактурную лавку на Ладгейтхилл, чтобы он больше не видел океана, ввергнувшего его в сиротство. "Нет, мой мальчик, я ни на мгновение не доверю тебя морю", — сказал ему дядя.

Мертвые люди вообще выглядят очень грустно, и Черный Джек не был исключением. Бартоломью с опаской взглянул на гроб. Он даже немного привстал, с почтительностью и тревогой взирая на каменное лицо мертвеца, почти заросшее густыми черными волосами. К слову сказать, у этого лица было совсем не миролюбивое выражение. На нем лежал угрюмый отпечаток, словно его душа, извергнутая из тела, на мгновение вернулась назад с вестью, что отправляется прямо в преисподнюю.

Бартоломью отвернулся и перевел взгляд на очаг. В этот момент до его слуха донеслось, как где-то далеко, на башне, часы пробили дважды. Полчаса повергнутой в горе вдовы растягивались на неопределенный срок. На ум Доркингу пришла неприятная мысль, что помешавшаяся от горя вдова забыла о нем, а сама бросилась в реку. Он подумал, что пора кричать и звать на помощь

или каким-то образом ломать дверь, когда в коридоре слышались знакомые шаги и знакомый голос спросил из-за двери:

— Кто-нибудь приходил, мой голубчик?

— Нет, мадам, не было ни души...

— Ты добрый мальчик. Ну побудь еще полчаса. Там на полке — остатки пирога с телятиной...

Не успел он высказать протест, как она снова исчезла, а ее “Через полчаса!” эхом отозвалось на улице.

Бартоломью никогда не любил подолгу оставаться в помещении. Даже без гроба запертая комната душила его спертым воздухом и навела мрачные мысли. Остатки пирога с телятиной, лежавшие на полке возле очага, показались ему жесткими, словно железо; очевидно, в слово “остатки” миссис Горганди влагала особенный смысл. Доркинг закрыл буфет и, бросив взгляд на гроб (словно в его обязанность входило присматривать, на месте ли мертвец), вернулся к своему стулу.

Чтобы скоротать время, он принялся сочинять в голове письмо своему дяде, капитану морского корабля, в котором хотел описать свое приключение, решив включить в него все юмористические подробности последних месяцев своей жизни в Лондоне.

Неожиданно тяжелые шаги слышались в коридоре. Кто-то стукнул в дверь и спросил тонким, почти визгливым голосом с шотландским акцентом:

— Миссис Горганди! Вы дома?

— Она вернется через полчаса, сэр. Как о вас доложить?

— Ты один, мальчик?

— Нет, сэр, со мной Черный Джек.

— Отлично, отлично. Я еще приду. Скажи ей, что приходил Хантер. Не забудь, доктор Хантер.

— Я передам, сэр. Не скажете ли, который час?

— Четверть пятого, мой мальчик.

Шаги удалились, оставив Бартоломью в тревоге, что миссис Горганди не придет до самой ночи, и он сможет вернуться к себе в лавку только под утро.

В самом деле, в закопченное окно он увидел, что день клонится к вечеру и скоро в комнате будет темно.

Приблизительно в половине седьмого в дверь постучал доктор Скимпол.

— Она придет через полчаса, — закричал Бартоломью. — Не уходите, сэр! Я прошу вас!

— Не волнуйся, дружок, я еще приду. Но только скажи миссис Горганди, чтобы развела огонь в очаге к моему приходу.

— Это когда, сэр? — через дверь спросил Доркинг.

— Как обычно. В десять, — последовал ответ.

Второй доктор тоже ушел, и душа запертого в одиночестве мальчика наполнилась тоской. Что ему делать в этой темной душной комнате до десяти часов? Хозяин запирает лавку в семь, а в девять все ложатся спать...

Он бросился к двери, забарабанил в нее руками и ногами с криком: "Помогите!" Ответа не было. Никто его не слышал, и его голос, казалось, бесследно тонул в темноте. Он оглянулся на гроб, темной громадой высившийся на столе. Он что же, всю ночь должен предаваться бдению над гробом преступника?

На фоне тусклого окна виднелись босые ноги Черного Джека. Они словно вырастали из гроба, загораживая чуть ли не пол-окна. Доркинг снова сел на свой стул и уставил взгляд в стену над

очагом. Он хотел бы проспять эти часы, остающиеся до его избавления, но сон не шел к нему. Мертвец в гробу гнал прочь его сны; словно настоящая смерть стыдила временную — сон, не давая ему приблизиться.

Вот, мало-помалу, луна начала подниматься над крышами, проливая сквозь окно бледный мертвенный свет, населяющий комнату призраками. Со вздохом утешения Доркинг услышал, как часы на далекой башне пробили девять. Его дежурство близилось к концу. Он поднялся и принялся ходить по комнате, чтобы побороть дрожь в ногах и унять озноб в теле, вызванный ночной прохладой.

Серебряный свет луны, теперь уже достаточно яркий, озарил полутемную комнату, неожиданно придав ей странное очарование. Даже гроб с покойником стал казаться произведением искусного мастера. Чудно изогнутые завитки волос на бледно-мраморном лбу, рельефные брови, мощный, толстый нос... Как живые, широкие серые губы. Таинственно мерцают в глубоких глазах отблески лунного света...

В глазах? В его глазах? Господь свидетель: час назад эти глаза были закрыты!

Эти глаза! Они раскрылись слишком широко! Они — двигаются! Они смотрят прямо на него!

Бартоломью Доркинг, который приехал в Лондон из Шорхэма, спасаясь от страха перед морем, стоял, прислонившись к стене, полумертвый от ужаса.

— Жив! — прошептал он. — Он жив!

Это воскресение из мертвых было намного ужаснее самой ужасной смерти.

Глубокий хриплый вздох послышался в комнате. Грудь Черного Джека поднялась, гроб под ним злоеце затрещал. Озаренные лунным светом глаза свирепо уставились на Бартоломью.

— Жив! — простонал в ужасе мальчик. Он жив! Куда же пропала эта несчастная вдова? О, как она обрадуется славному зрелищу! Через полчаса!

Голова Черного Джека судорожно дернулась, затряслась, сиюсь подняться. Рот его широко раскрылся, а глаза, вращаясь в орбитах, всматривались в полутьму комнаты. Черный Джек силился понять, где он находится.

Из своего угла мальчик видел, что ужасный убийца совершенно беспомощен. Его руки были сдавлены в гробу, и он не мог их освободить. Он был беспомощен, пока находился в гробу. Глаза его снова, словно пара серебряных пуговиц, вззрились на мальчика, затем он перевел их к своему раскрытому рту. Он закашлял, замычал что-то неразборчиво, как будто хотел говорить, но не мог. Затем сделал несколько глубоких вдохов, сопровождавшихся тонким необычным свистом и шипением. Его глаза — его ужасные глаза — метались в мучении.

Ни жив ни мертв от страха, мальчик смотрел на Джека, чувствуя, что этот воскресший, кажется, умоляет его подойти ближе.

— Так, значит, вы — живой? — прошептал мальчик.

Вместо ответа Черный Джек задвигал челюстями, открывая и закрывая рот, словно желая показать мальчику нечто внутри себя.

Дыхание Черного Джека смрадом ударило в нос Бартоломью, но мальчик нашел в себе силы приблизиться. Было совершенно ясно, что этот ужасный человек нуждается в помощи, и именно в отношении чего-то, что было у него во рту.

Задержав дыхание, мальчик наклонился ниже и увидел в глубине гортани что-то металлическое. Глаза Черного Джека неистово заметались, о чем-то безмолвно умоляя. Мальчик указал пальцем ему на горло и вопросительно посмотрел

в глаза. Черный Джек яростно закивал головой. Очевидно, он хотел, чтобы Доркинг сунул руку ему в пасть и вытащил нечто, очень ему мешавшее. Мальчик содрогнулся, поняв, чего от него хотят, но не посмел отказать.

С величайшей предосторожностью, отчетливо осознавая, что, если он сделает больно этому чудовищу, тот просто-напросто откусит ему руку, Бартоломью вытащил у него из горла изогнутую серебряную трубку в полдюйма толщиной и дюйма в четыре длиной.

Эта самая трубка и была причиной спасения Джека от петли мистера Кэтча. Накануне казни он засунул ее себе в горло и этим спас себе жизнь. Но его вес был столь чудовищен, что трубка согнулась, едва не порвав ему горло. Со вздохом облегчения мальчик отбросил трубку в сторону и отступил назад, весьма довольный тем, что оба они вынесли эту операцию. Джек с благодарностью взглянул на него, потом подмигнул и усмехнулся.

— Где это я, сударь? — спросил он слабым, хриплым голосом, исходившим из него с такой глубинной дрожью, что казалось, это говорит не оживший мертвец в гробу, а сам дьявол из преисподней.

Доркинг просиял. Он мог сообщить горемычному счастливцу очень хорошие новости.

— Вы дома, мистер Горганди. Вы — в гостиной вашего собственного дома!

— Дома? В гостиной? Горганди? Это не мой дом! И звать меня вовсе не Горганди! Что это вы несете, мистер?

Полагая, что Черный Джек еще не пришел в себя после перенесенного потрясения, Бартоломью вежливо объяснил ему, что его вдова — о, нет! Конечно же, теперь уже не вдова! — должна вернуться через полчаса. Да. Со всеми друзьями и родственниками. Они придут и выпьют за его

здоровье. Воскресение из мертвых! Это ли не повод собраться всем вместе? Это ли не причина для счастливых улыбок? О, какая чарующая картина всеобщей радости! Миссис Горганди вся в слезах от счастья! Ведь она так любит своего мужа! Ура, настала ночь веселья!

Доброе сердце Бартоломью просто растопилось в предвкушении этой картины, а его глаза засияли.

— И доктор Хантер придет, и доктор Скимпол тоже!

При этих словах физиономия Черного Джека, которая и без того имела чрезвычайно озадаченный вид, внезапно перекосилась в самом свирепом бешенстве.

— Горганди! — прохрипел он в ярости. — Уж не та ли это толстая дура в черном, что слоняется по понедельникам у виселицы? Теперь я ее вспомнил! Я видел ее утром! Так вот оно что! Вот почему я здесь! Чтоб она провалилась! Полчаса, говоришь? Мне надо сматываться. А то она, хоть я и живой, отправит меня в Анатомический театр под нож мяснику-препаратору!

Он заворочался в гробу, так что тот затрещал, раскачиваясь, и наконец развалился. Черный Джек встал на ноги.

— Ох, я слаб, как грудной младенец! — пробормотал он, осторожно потирая шею. Надежда Доркинга на благополучное избавление улетучилась; он прижался к стене и молился лишь о том, чтобы этот убийца забыл о его существовании.

— Она меня не получит! — прорычал Черный Джек, расправляя затекшие плечи. Он бросился к окну, выбил раму одним ударом кулака и хватился за стальные прутья решетки.

— Слабый, как грудной младенец! — бормотал он, без видимых усилий выворачивая с корнем прутья из кирпичной стены.

— Эй, мистер!..

Похолодев от ужаса, Бартоломью понял, что Джек о нем не забыл.

— Эй, мистер, давай сюда!

— Да, но зачем, мистер Джек?

— Пойдешь со мной.

— Но почему, мистер Джек?

— Я не хочу, чтобы ты разболтал всем и каждому, что Черный Джек не умер. Пусть эта старая дура думает, что ты украл меня и кому-нибудь запродай!

Джеку понравилась эта мысль, и он даже попробовал захохотать, но тут же скривился от боли.

— И к тому же, ты мне еще понадобишься, дружок, пока ко мне не вернуться мои здоровье и сила. Ох, как я ослаб, мистер! Я слаб, как грудной младенец, — сокрушенно вздохнул громила.

Обосновав таким образом свои намерения, Джек ухватил мальчишку поперек и вылез с ним через развороченное окно прямо в холод ночи, под мертвенный свет луны, обливающий пустые улицы.

2. Друзья поневоле

овно в девять вечера мистер Хадкастл, хозяин мануфактурной лавки на Ладгейт-хилл, запер дверь на замки, и вся семья улеглась спать.

— А те, кто бражничает по тавернам всю ночь напролет, пускай спят на улице, — пробормотал он, имея в виду своего ученика Доркинга, который спокойствию и добропорядочности семейного бытия, очевидно, предпочел не-

достойные развлечения и тем самым разбил вдребезги начавшее было складываться доброе о себе мнение.

В десять часов миссис Горганди отперла дверь своей квартиры и вошла в нее с несколькими суровыми на вид джентльменами, которых отличали от простых смертных вкрадчивые манеры и исходящий от них едкий запах лекарств. В немом изумлении она некоторое время созерцала свою разоренную гостиную.

— Ограбили! — завопила она, обретя наконец дар речи. — Меня ограбили! Караул! Он ограбил меня, милостивые господа! А выглядел таким воспитанным, таким скромным! Он выманил у меня еще и два шиллинга, и мистеру Кэтчу ушло три! Он меня разорил! Он обокрал меня как самый последний вор! А выглядел таким простаком... Ох, как я убита! Ну если бы он хоть немножечко был похож на вора!

Предмет ее безутешных сожалений, — причина, так сказать, ее окончательного разочарования в доброте человеческой породы, — в этот момент таился, припав к стене, в одном из грязных дворов шестью улицами южнее разоренной квартиры миссис Горганди. Рядом с ним замерла, словно каменная, фигура Черного Джека. Его грозная голова на вывихнутой шее смотрела прямо в небо, подобная гранитной глыбе, готовой обрушиться вниз и убить мальчишку.

Бартоломео дрожал. При всей доброте своего сердца, он весьма сожалел, что не может помочь этому ожившему убийце вернуться в гостиную миссис Горганди, в дубовый гроб. Не то чтобы он очень хотел, чтобы Черный Джек умер, сколько был не прочь, чтобы Черный Джек вообще не возвращался к жизни.

Наверное, его ужасный спутник прочел его мысли. Он со свирепостью и презрением глянул сверху на перепуганного мальчика.

— Пирог, — прорычал он. — Дай-ка мне этот пирог, мистер.

Бартоломью поспешно протянул кусок пирога из гостиной миссис Горганди, который так и сжимал в руке во время своего бегства. Черный Джек схватил кусок и сунул в рот, что-то бормоча о своей былой силе и нынешней слабости. Хорошенько прожевав своими мощными челюстями черствый пирог, он попытался проглотить его. Но тут же, хриплый крик боли вырвался у него; он выплюнул все, что так старательно жевал. Отдышавшись, он разразился проклятиями. Удар, нанесенный мистером Кэтчем его горлу, был слишком жесток: Черный Джек не мог есть.

— Доктора! — прорычал Черный Джек. — Ты должен отыскать мне доктора, мистер. Я не отпущу тебя до тех пор, пока сила и здоровье не вернуться ко мне. Так что не шныряй глазами в поисках лазейки, чтобы смыться. Ты от меня не убежишь. Запомни, мистер, хоть я и слаб, как грудной младенец, у меня хватит силы расплющить тебя в лепешку.

“Доктора! — тоскливо подумал Бартоломью. — Где его возьмешь посреди ночи, ради Бога?”

Выглянув с помощью Черного Джека над высокой каменной стеной двора, он увидел необычный городской пейзаж. Его взгляду предстали полные таинственности, облитые бледным светом луны, городские дворы и скверы среди мрачных зданий. Там и здесь освещенные луной, виднелись высохшие остовы деревьев, тощие, болезненные, словно не имеющие корней, которые питали бы остатки их жалкой жизни среди густой путаницы каменных стен города.

А стен вокруг было великое множество: толстые, тонкие, старые, крошащиеся, возведенные неизвестно кем и для чего, заблудившиеся среди новых, вооруженных по последней моде осколка-

ми стекла и битыми бутылочными горловинами, тускло блестящими в мертвенном свете луны.

Где-то, за одной из этих стен, конечно же, должен был располагаться двор или садик дома, где обитает доктор. Но где?

— В моем положении я вынужден доверять тебе, — хрипло проворчал Черный Джек. — Я полагаюсь на тебя, особенно если придется разговаривать.

Он положил свою лапищу на плечо Бартоломью, подержал немного, глядя ему в глаза, потом подхватил мальчишку на руки и поставил на самую стену.

— Посмотри на небо, — сказал он мальчику. — Следи за звездами. Я верю, они дадут нам знак: не мне, так тебе. Они укажут, где искать доктора.

Бартоломью поднял глаза в небо и с недоверием обозрел величественную картину ночного сияния. Звезды мерцали в черных небесах; вдруг одна из них сорвалась с места, стремительно понеслась вниз и тут же пропала.

— Милостивый Боже, благослови всех, кто в море... — по привычке забормотал Бартоломью свою детскую молитву; он подумал о своем дяде — морском капитане, который говорил ему, что, если падает звезда, это значит, где-то в штормовом море утонул корабль со всеми населявшими его живыми душами.

Черный Джек, услышав его бормотание, но не разобрав слова, принял их за ругательства. Он с яростью посмотрел на Бартоломью, готовый сдернуть его со стены и грянуть оземь, и тот, под внезапным приливом страха и одиночества, взмолился в душе, чтобы дядя тоже взглянул на звезды. И если он увидит падающую звезду, пусть знает: это на вонючих лондонских задворках погиб несчастный Бартоломью, ученик лавочника, попавший в лапы жестокому убийце.

— Ну, мистер, куда? — угрюмо спросил Черный Джек.

В это мгновение мальчик вдруг увидел Северную звезду. По ней моряки всегда определяли свой путь. Ну, ученик лавочника, что же ты? Решайся! Тебе надо на юг. Там, за шестьдесят миль отсюда, стоял домик его дяди-капитана, там берег и море. Может быть, ему не суждено добраться туда, но он должен хотя бы попытаться. Бартоломью не думал о мистере Хадкастле с Ладгейтхилл. Его торговая карьера закончилась, не успев как следует начаться.

— Так, куда же? — повторил Черный Джек.

— Туда, мистер Джек, — поднял руку Бартоломью и повернулся спиной к Северной звезде. — Я уверен, нам нужно туда, сэр!

Итак, они пустились в свое медленное, опасное и трудное путешествие на юг. Они пробирались через чужие дворы и высокие стены, падая в темноте и набивая шишки. Мальчик то и дело нюхал воздух, чтобы уловить хоть слабый намек на медицинский запах, который бы говорил о близости врача. Но в ночи плыли одни лишь запахи тухлой рыбы, гниющего мяса, кислой капусты и тому подобного, совершенно заглушая тонкий запах лекарств, если таковой и струился откуда-нибудь.

— Мне больно, мистер! — рычал Черный Джек каждый раз, подсаживая мальчишку на очередную стену. — Какая ужасная, какая острая боль! — Его железные руки непроизвольно сжимали тощие ребра мальчика, чтобы тот лучше понимал своего спутника.

— Что там впереди видно, мистер? Ты унюхал что-нибудь наконец?

— Воняет шерстью, мистер Джек, — ответил мальчик, схватив носом воздушную струю. —

Впереди дом, похожий на обломки корабля. Зато следующий дом выглядит гораздо лучше, сэръ.

В самом деле, дома были похожи больше на плавучие тюрьмы, нежели на обиталища свободных людей. Поскрипывая высохшими якорями, они высились в окружавших их садах, словно в доках, чернея высокими стенами, и узкие лучи света, пробивавшиеся сквозь щели в тяжелых ставнях, были подобны остаткам позолоты на старинной высокой корме... Словно грозная некогда эскадра осталась на обмелевшем берегу, тоскуя по морю, ушедшему за шестьдесят миль на юг. И свисающие с крыши веревки с тряпьем усиливали подобие, напоминая сигнальные вымпелы, подающие печальные знаки насторожившейся луне.

На одной из этих веревок сушилось необычайно большое женское платье.

— Постой-ка, мистер, — прохрипел Джек и сдернул платье с веревки.

Мистер Кэтч, завершив свой суровый труд и справедливо полагая, что мертвец не нуждается в теплой одежде, оставил беднягу Джека полуголым, что, конечно же, не совсем подходило для ночной прогулки.

Джек принялся напяливать на себя еще не высохшее платье, мокрые складки которого шипели и хлопали, с неохотой пропуская внутрь огромную тушу Черного Джека. И тут глазам Бартоломью предстала весьма занимательная картина: в прерывистом свете луны, то и дело затмеваемой мелкими облачками, его спутник-гигант, казалось, схватился врукопашную со злобным привидением, которое шипело, хлопало и пыталось его задушить. Поднимал руки Джек, поднимало и привидение. Дергал шей в болезненной судороге Джек, дергало и привидение, словно пытаясь проглотить кусок больший, чем могло. Но скоро все благополучно закончилось. Голова и руки

Черного Джека наконец, целые и невредимые, появились из платья в соответствующих местах, и привидение умерло, превратившись в обыкновенную одежду, смиренно повисшую на Черном Джеке. Разорванное его могучими плечами, платье придало ему сходство со странствующим монахом.

— Ты, кажется, сказал, мистер, что знаешь, где искать врача. Так где же? — мрачно осведомился у мальчика победитель привидения.

За мелкими тучками, следовавшими тесной чередой, на луну набрело довольно большое облако, подобно дедушке, сопровождающему на прогулке компанию внучат. Мальчик и угрюмый гигант посмотрели друг на друга. В глазах убийцы Толли увидел жестокость, презрение и жажду убивать; его раздражало то, что он вынужден пользоваться помощью этой козявки, этого червяка, этого подмастерья, со страхом взиравшего на своего грозного спутника. В глазах же мальчика были только страх перед убийцей, перед его жестокостью, да еще слабый блеск горечи, вызванной близостью этого отвратительного преступника. Но туча прошла, снова лунный свет упал на них. Мальчик отвел глаза, не дожидаясь помощи спутника, залез на стену и стал всматриваться в крыши домов, открывшиеся его взгляду.

— Три, нет, четыре стены, мистер Джек, — сказал он.

— Чего-чего?

— Там, через четыре стены — двор с фартуками на веревке.

— Фартуки? А на кой черт мне фартуки, мистер?

— Фартуки носят врачи и аптекари, мистер Джек.

— А еще плотники!

— Да, но они их не стирают.

— Хм-м. Ладно, пошли. Молись, чтобы ты был прав.

Двор, где на веревке сохли выстиранные фартуки, был не лучше и не хуже соседних. Две кошки злыми глазами оглянулись на помешавших им прищельцев и, словно полночные демоны, растворились в темноте.

Жидкий свет сочился сквозь щели ставень в кирпичной пристройке, примыкающей к задней стене дома и напоминавшей припарку на теле больного. В самом деле, многие дома вокруг обладали точно такими же кирпичными или деревянными наростами, словно страдали варикозом в последней стадии.

Мальчик подкрался к окну и заглянул сквозь щель внутрь. Он увидел крепкого пожилого человека, перепачканного какими-то порошками, с лысой, как яблоко, головой. Он сидел за рабочим столом, на котором виднелись разнокалиберные кувшины, чернильница с воткнутым в нее гусиным пером, а также фарфоровая ступка с торчащим из нее пестиком.

— Аптекарь! — выдохнул Бартоломью, удивленный, словно узрел одно из диковиннейших созданий Господа.

— О, небо! Скорее проси его помочь мне, — грозно просипел Джек. — А не то и ты и он, оба пойдете на корм червям!

Между домом аптекаря и соседним забором проходила узкая крытая дорожка. Мальчик и убийца на цыпочках прокрались по ней к стене, за которой была нужная им улица. С величайшей предосторожностью они выбрались на улицу, где дома мещан стояли плечом к плечу, словно сообщца старались скрыть всю ту грязь, позор и убожество развалин, которые таились на задних дворах, за благопристойными фасадами.

Окна аптекарского дома были закрыты ставнями, но над крыльцом болтались жестяные ступка и пестик — неизменные гильдейские знаки его профессии. То же самое украшало и дверь парадного, причем в натуральном виде, так что гость мог свисающим на цепочке пестиком звонко ударить в медную плоскую ступку, чтобы дать знать хозяину о своем приходе.

Бартоломью поднял руку, чтобы постучать. Но едва лишь он тронул пестик, как тяжелая тень Черного Джека накрыла его, навалившись на дверь, и, может быть, поэтому звук удара получился такой громкий и глухой, слышимый, наверное, во всем городе, словно не слабая рука мальчика, а сама тень мрачного гиганта била в дверь, как будто обладала вещностью, тяжестью и грозной злой волей.

Аптекарь долго не выходил, но из глубины дома слышался его голос:

— Иду... Иду! Сейчас! Не уходите! Сейчас я выйду к вам... Я сам иду. Слуги уже спят, как видите. Не сомневайтесь, я всегда к услугам больного! Иду... Один момент...

Звякнул засов, повернулся ключ. Дверь открылась, и аптекарь в бесформенном черном балахоне и в парике воззрился на нарушителей его спокойствия. Но, увидев перед собой бедно одетого мальчишку-подмастерья, он, словно по ошибке надев не то лицо, тут же сменил выражение с приветливого и услужливого на сердитое и разочарованное.

Он не заметил Черного Джека, который прятался в тени, а мальчик — тощий, замызганный, в разорванной местами одежде — выглядел не очень привлекательно. Разве походил он на богатого клиента, готового щедро заплатить? Черт бы его побрал, этого нахального невежу!

— Вот он. Он нуждается в помощи, — сказал Бартоломью, и лицо аптекаря вытянулось,

когда громадная фигура Черного Джека выступила из тени и, показавшись на свет, загородила собой все крыльцо. Джек словно вырос из-под земли. Его появление было настолько неожиданным, что аптекарь чуть не свалился в обморок.

— Он не может есть, не может глотать, он не может принимать пищу, — настойчиво продолжал Бартоломью.

Аптекарь немного успокоился. Он увидел, что этот огромный безмолвный человек, одетый как будто в монашескую рясу, в самом деле страдает. Он подумал, что это, наверное, нищенствующий монах, или сборщик пожертвований, или, наконец, обыкновенный попрошайка самого низкого пошиба, который бродит от дома к дому и кланится подаяние ради Христа. Кроме того, он вывел еще одно весьма пронизательное заключение: единственное, что он мог сделать, чтобы получить с этого гиганта плату за лекарство, это только вежливо улыбаться и молиться Богу. И тогда наш аптекарь, подобно более умным своим собратьям — врачам, решил напугать нежеланных посетителей. Он принял суровый вид и властным голосом приказал посетителям убираться вон, а завтра прийти ровно в половине десятого, как это подобает приличным больным. А сейчас, посреди ночи, он вовсе не намерен раскланиваться и расшаркиваться перед всяким отребьем, которое неведь каким ветром принесло к порогу его дома, и что...

Неожиданно, к его вящему изумлению, нахал-мальчишка положил ему на плечо свою грязную руку, втокнул его внутрь дома и, намереваясь войти следом, стал упрашивать, но каким дерзким тоном!

— Ради Господа Бога, сэръ, помогите ему! Помогите этому человеку! П о ж а л у й с т а ! Я умоляю вас, помогите ему прямо сейчас!

Придя в ярость, аптекарь хотел было треснуть маленького наглеца по его дерзкой роже, но в тусклом свете свечи, которую он держал в руках, аптекарь заметил в его глазах необычайное страдание. И, несмотря на охватившее его негодование, глаза мальчика не могли не потрясти его. Аптекарь понял: мальчик, наверное, боится, что его товарищ может умереть, а он ничего не может сделать, чтобы спасти его.

Аптекарь не видел ни спрятавшегося в тени гиганта-монаха и его крепко сжатых пудовых кулаков, ни его широченных напрягшихся плеч. Он не догадывался, что Бартоломью Доркинг трепещет не за жизнь своего спутника, а за его, аптекарскую, жизнь, потому что, наблюдая такой поворот в их разговоре, убийца был готов разорвать аптекаря на куски.

С великой неохотой аптекарь мрачно произнес:

— Ладно. Уделю тебе одну минуту, но только одну, имей в виду. Мне надо осмотреть его. Веди его ко мне в приемную. Да поосторожнее! Того и гляди что-нибудь разобьет или своротит, слон эдакий! Ты говоришь, что он не может есть? Не может глотать? Не может принимать пищу? Хм-м... Вот оно что! Да, в самом деле. Впрочем, неудивительно, что...

Приемной аптекарю служила его гостиная: маленькая лакированная комнатка вся была заставлена лакированными шкафчиками, встроенными ящиками с китайскими ручками, лакированными полками, на которых теснились бесчисленные сосуды, бутылки, банки, лабораторные колбы и реторты, отражавшие стеклянными боками дрожащее пламя свечи в подрагивающей от негодования руке раздраженного аптекаря.

— Пусть он станет на колени. Я не столь высок, чтобы заглядывать в горло этому стол-

бу. Вот сюда, в угол, а то еще что-нибудь мне своротит!

Аптекарь с легким содроганием наблюдал за передвижениями мрачного гиганта по комнате. Бартоломью умоляюще посмотрел на Джека, каменное лицо которого едва удерживало клочоктавший в его душе гнев на этого ученого зазнайку. Наконец Джека устроили в углу.

— Пусть откроет рот. Да пошире.

Подражая более умным своим собратьям, врачам, аптекарь разговаривал с больным, обращаясь к третьему лицу, словно болезнь лишает пациента прав на прямое общение.

Бартоломью посмотрел на Джека, и тот разинул свою глубокую, словно ведро, пасть. Аптекарь заглянул ему в горло и для света поднес свечу так близко, что дыхание Джека едва не загасило ее.

— М-да-а... — протянул аптекарь, вглядываясь в искореженные хрящи гортани. — Ссадины, опухоль... Я полагаю, имел место перелом. Опухоль растет, к вашему сведению. Но у меня есть целебное масло, которое наверняка поможет. И все-таки вы должны предупредить его, что сначала будет ухудшение, прежде чем ему станет лучше. Мое лекарство должно помочь. О! А это еще что такое? Что это?

Аптекарь заглянул сбоку, и свет упал на шею Джека, где мистер Кэтч оставил свою ужасную подпись, явственно обозначающую предполагаемый путь возврата этой души в лоно Господа.

Аптекарь нагнулся ниже, пристально всматриваясь в рубцы, оставленные веревкой, капли воска со свечи упали Джеку на шею. Джек дернул головой, глухо зарывав. Аптекарь положил руку на плечо гиганту, чтобы тот не дергался, и принялся внимательно рассматривать.

Если бы в эту минуту аптекарь оглянулся на Бартоломью, он увидел бы на лице мальчика выражение беспредельного ужаса и страха перед разоблачением.

Насмотревшись вдоволь, аптекарь отвернулся от Джека; на лице его заиграла удовлетворенная улыбка.

— Мокрая одежда. Вот причина, — самодовольно объявил он. — Она натерла ему шею, поэтому и больно. Ничего особенного. Ревматизм шеи. Встречается весьма часто. У меня от этого есть отличная мазь. Натирайте дважды в день и не носите мокрую одежду. С вас... Э-э-э... три шиллинга за масло, за мазь и за мое время. Прикажете ему встать и закрыть рот.

Аптекарь отвернулся к своим полкам, выбирая масло и мазь, и беззаботно что-то бормотал. Он не удосужил себя оглянуться назад, на гостей, что было бы очень кстати, и тогда бы он перестал болтать всякую чепуху. Тогда бы он вместо этого завопил во все горло от предсмертного ужаса. Потому что в этот момент каменной скалой над бедным аптекарем нависла гигантская туша Черного Джека, готового обрушить на голову несчастного свои тяжелые кулаки.

— Нет! Нет! Не надо! — закричал вдруг Бартоломью.

Черный Джек мигом обернулся к мальчику. Его перекошенное от злобы лицо кривилось в презрительной усмешке. Он пожал плечами и опустил свои страшные кулаки.

— Не надо? Что не надо? — спросил в недоумении аптекарь, обернувшись к посетителям. Он увидел поднятую руку этого огромного нищего монаха.

— Ты хочешь благословить меня, святой отец, чтобы моя доброта зачлась мне, когда придет Страшный суд? — ухмыльнулся аптекарь в совершенном заблуждении относительно намере-

ний “святого отца”. — Но ведь он придет очень и очень нескоро. Как, я догадываюсь, и денежки за мое лекарство...

Лишь на улице, несколько минут спустя после визита к аптекарю и уплаты трех шиллингов, Бартоломью осознал, как им необыкновенно повезло. У них был один шанс на миллион, и он им выпал.

По-прежнему осторожно, избегая широких, ярко освещенных луной улиц, прижимаясь к затененным стенам домов, они пробирались по ночному Лондону. Вдруг широкое платье Джека зацепилось за какие-то штыри, торчавшие из фундамента. Джек выругался, остановился и принялся выпутывать себя из ловушки. И хотя этот миг был весьма недолог, мальчику вполне хватило бы времени, чтобы убежать. Он даже сделал движение, наклоном тела лишь обозначив намерение; каждый мускул, каждый нерв шептали ему: “Беги!” И все-таки он остался. Джек заметил его порыв и уничтожающе посмотрел на мальчика. Выражение презрительной усмешки, ни на минуту не сходившее с его лица, проступило еще резче и явственней и стало глубоким и мрачным, как сама ночь. Мальчик задрожал под тяжестью этого взгляда. Ноги его приросли к мостовой, руки вспотели, все его чувства снова всколыхнулись — бежать!

Но невидимые цепи приковали Бартоломью к Черному Джеку. Мальчик с ужасом представлял себе, что может еще натворить этот брошенный всеми, воскресший от смерти разъяренный убийца. Только что он чуть не убил аптекаря, и лишь вмешательство Бартоломью спасло старика. Но кто спасет многих других, думал Бартоломью, тех, кого встретит на своем пути Черный Джек?

Это была одна цепь. Другая была страх. Страх, что жестокий убийца догонит его, отыщет, где бы он ни спрятался, и убьет.

Но третья цепь была самой прочной, хотя и не столь очевидной, как первые. Исключительные жестокость, сила и дикость этого чудовищного человека внушали мальчику суеверный ужас, словно перед ним стояло не что иное, как феноменальное олицетворение самой Природы, насланной наказания на людей. И презрение этого человека тоже было сокрушительно и невыносимо. Как никто другой в мире, Бартоломью хотел, чтобы это ужасное чувство сменилось бы состраданием. Всем сердцем, всеми силами своей детской души он желал восхищаться Джеком, а не бояться его.

Наконец Черный Джек выпутался.

— Ты бы мог преспокойно убежать, мистер, — хмуро произнес он. — Но далеко бы ты не убежал от меня...

— Что вы хотите сделать со мной, мистер Джек? — задрожал Бартоломью.

— С тобой? — усмехнулся Джек, но неожиданно вздохнул и сказал: — Ох, мистер, понимаешь, ты мне просто необходим, чтобы... Чтобы удержать меня от зла. Чтобы спасти меня от моей же зверской природы. Поэтому ты должен остаться. Ты должен быть рядом со мной до тех пор, пока я сам не скажу тебе: "Иди!"

Мальчик опустил голову, плечи его поникли.

— И когда же это произойдет, мистер Джек?

На этот вопрос Джек ответил лишь полным ненависти взглядом, и мальчику тут же расхотелось восхищаться этим чудовищем, особенно после того, как Джек объявил, для чего ему нужен Бартоломью. Доркинг вовсе не желал брать на себя пожизненное обязательство исправлять природу этого чудовища, этого сильного,

не признающего ни законов, ни правил существа, переполненного к тому же непомерной гордыней. Да и чем, собственно, он мог помочь Джеку?

Таким образом, у каждого из них в глубине души таились свои стремления, и не было никакой возможности слить эти стремления воедино. Эти стремления были так глубоки у каждого из них и взаимно исключали друг друга, что каждый из них попросту не мог понять другого.

— Послушай, а как тебя зовут? — вдруг спросил Черный Джек.

Бартоломью отозвался не сразу. Его так и подмывало ответить этому убийце что-нибудь вроде: “Коричневый Сэм” или “Зеленый Джо”. Зовут же того “Черный Джек”! Но он решил не дразнить этого носорога.

— Бартоломью Доркинг, — ответил он нехотя.

— Ого, какое длинное имя, — хмыкнул Джек. — И это у такого сморчка! Ну а мне как прикажешь звать тебя? Такое сложное имя, как у тебя, я, пожалуй, и не выговорю. Давай-ка я буду звать тебя Барт. Нет. Это имя больше подходит рослому парню, а не такому, как ты, коротышке. Лучше Барти. Хм... Тоже не очень... Человек с таким именем должен быть храбрым, а ты, мистер... — Он посмотрел на вжавшегося в стену мальчика. — Тогда я буду звать тебя Толли. Да, Толли. Это тебе подходит. Ну что ж, Толли, вперед. Веди меня к спасению, Толли.

Бартоломью вздохнул и взглянул в ночное черное небо, но звезды спрятались за непроницаемыми тучами.

— Туда, мистер Джек, — сказал мальчик, повернувшись в сторону, где по его предположению находился юг. — Я уверен, нам нужно туда!

3. Еще один способ зарабатывать деньги

ни осторожно пробирались по ночному городу. Свой путь они выбирали по заброшенным аллеям и старым улицам с полуразрушенными домами, которые тянулись вдоль мерцающей ночными бликами зловонной реки. Для них словно оказались запретными большие и светлые улицы, и встретить такую у них на пути, они, наверное, предпочли бы броситься в реку.

Торопливо шагая по Лондонскому мосту, они слышали, как глубоко под ногами плещет река, омывая в нежном прощании старые пилоны на своем пути к далекому морю.

Теперь они шли по Саутворку. Близился второй час ночи, на улицах не было ни души. Даже обычно до позднего времени возбужденно галдящий трактир "Георг" теперь покоился в мирном сне. На трактирном дворе слабо звякнула сбруя, когда они проходили мимо, и лошадь сонно всхрапнула, наверное, что-то вспомнив из своей лошадиной жизни.

Мальчик шел впереди своего ужасного спутника, нависавшего над ним, подобно грозной тени. Они двигались молча, даже случайное слово не звучало меж ними; слышалось только шарканье подошв о мостовую да хрипкое глубокое дыхание гиганта, перемежаемое частым пыхтением торопящегося мальчика. Время от времени Джек хрипло стонал, спотыкаясь на неровных булыжниках мостовой: даже слабое сотрясение вызывало у него в шее острую боль. И тогда мальчик оглядывался назад с невольным состраданием, которое тут же сменялось страхом и негодованием, едва он замечал на лице своего спутника презрение и мрачную неприязнь.

Наконец дворы и ограды остались позади. Наши путешественники приближались к Клафэму, самому дикому и заброшенному месту во всем Лондоне. Здесь, устроившись под кустом боярышника, Черный Джек намазал себя мазью, полученной от аптекаря, и глотнул целебного масла.

Густые кусты давали какое-никакое укрытие ночным путникам. Они, коротко переглянувшись, не сговариваясь, развалились на траве, чтобы остаток ночи посвятить отдыху. Мальчик, совершенно измотанный трудами и тревогами прошедшего дня, казалось, тут же заснет, едва коснувшись головой земли. Да и гигант минут через десять тоже, наверное, будет спать как убитый.

В половине четвертого, послушав некоторое время ровное дыхание уснувшего Джека, мальчик осторожно открыл глаза и поднял голову.

— Я не сплю, Толли. Меня схватили как раз тогда, когда я заснул, и я поклялся, что больше никогда ни один человек, даже ребенок, не подойдет ко мне, когда я буду спать.

Когда уже рассвело, они встали, замерзшие и мокрые от росы, мучимые голодом и жаждой. В маленькой харчевне в полумиле от Клафэма они купили немного сыра и эля на последний шестипенсовик, остававшийся у Бартоломью. Тихая, уютная харчевня, тихий, спокойный хозяин и маленький тихий служка... Они с любопытством следили, как гигант-монах поднял кружку с элем и выпил! Хозяин и служка с ужасом посмотрели друг на друга. Что они делают, эти странные посетители? Что за молитву читает этот монах? Маленькая харчевня вся прямо-таки затряслась, когда гигант заревел от боли!

Черный Джек наконец прекратил свой пост. Это была первая пища, которую он получил после того завтрака, что дали ему перед казнью.

Хотя и с великой болью, но он ее проглотил. Здоровье и сила возвращались к нему.

“Всевышний вспомнил обо мне, — подумал едва отошедший от испуга мальчик, когда они оставили харчевню и брели обочью дороги. — Наверное, нужен сам Господь Бог, чтобы справиться с таким человеком!”

Здоровье и сила Черного Джека, казалось, даны были ему с единственной целью: грабить и убивать всех и каждого, встретившегося на его пути.

— Ты сосунок, Толли. Желторотый сосунок! — усмехнулся он в ответ на просьбу мальчика не губить фермера, который, ничего не подозревая, проехал мимо.

“До каких пор! — тоскливо думал Бартоломью. — До каких пор я буду трепетать перед ним!”

За милю до северной окраины Кройдона дорога начала вилять и петлять, как будто впала в панику от ужаса перед местами, где она проходила. Достаточно широкая вначале, она с каждым поворотом становилась все уже и уже и скоро едва втискивалась между высоким холмом, поросшим густой травой, и буковой рощей. Один из поворотов оказался особенно опасным, даже, можно сказать, коварным. Это был не поворот, а настоящее стихийное бедствие.

Именно здесь наших путешественников поджидало приключение. Вот что они увидели.

В канаве у дороги виднелся опрокинутый дилижанс, а его пассажиры, взъерошенные и растрепанные, изо всех сил старались поставить его на колеса. Один из них, по-видимому, возница, с заметно поврежденным при ударе о землю лицом, яростно понуждал перепуганных лошадей, которые, суетливо дергаясь, косили глазами на опрокинутый экипаж, не в силах выволочь его из канавы.

Черный Джек тронул мальчика за плечо и сказал:

— Я знал, Толли, что ты бережешь меня именно для такого случая! — Он свирепо ухмыльнулся. — Разве не за твои молитвы небо послало нам этот щедрый подарок? О, мой маленький святой! Какую удачу намолил ты мне!

— Ч-что ты задумал, Джек? — упавшим голосом спросил Бартоломью.

Громила, не теряя времени, подобрал в кустах огромную дубину.

— Их всего пятеро, Толли! Ружья в чехлах и привязаны к крыше. Ни у кого я не вижу пистолля! Прекрасный случай! Я пошел, Толли. Сейчас я их... своей палочкой!.. Закрой глаза, если тебя тошнит от вида крови. Ведь невозможно раскрыть кому-нибудь голову и не разбрызгать мозгов!

Он замолчал, что-то соображая, и неожиданно спросил:

— А может быть, и ты со мной, а?

Он приблизил к лицу мальчика свою огромную, поражающую дикостью физиономию, заслонив собой чуть не весь свет и едва не убив его своим зловонным дыханием.

— Ну, идешь?

Бартоломью почувствовал, что настал решительный момент. Неужели ему придется кровавым убийством связать себя с Черным Джеком? Даже не убивать, но стоять рядом с этим чудовищем с обагренными кровью руками! И все это лишь ради того, чтобы эти глубокие, полные презрения глаза посмотрели на него с одобрением? Нет, его дядя, морской капитан, был прав, когда говорил о его слишком чувствительном сердце. Его тошнило не от крови, но от горя и позора, которые всегда идут следом за пролитой кровью.

— Да! Я пойду! — вдруг с яростью сказал Бартоломью. — Я пойду, пойду!

Он быстро пошел, почти побежал, к перевернутому дилижансу. Он слышал за спиной, как громила выругался и бросился за ним. Бартоломью вовсе не хотел выдавать Черного Джека. В этот момент в вихре мыслей у него появилась страшная, отчаянная идея.

Возившиеся у дилижанса люди повернули головы, и на их потных лицах засветилась радость: к ним бежали на помощь! Быстроногий мальчишка летел во весь дух и следом за ним топал огромный детина — монах или священник, — словом, некто в странном одеянии, смахивающем на рясу, охваченный неистовым желанием помочь потерпевшим крушение путешественникам. Обрадованные, они замахали руками, закричали:

— Эй, сюда! Помогите нам, парни! Сюда, к задним колесам!

Бартоломью подскочил к крыше дилижанса, врезавшейся в землю.

— Ну! Дружнее! — закричали все, наваливаясь на оси и боковины экипажа, немного озадаченные тем, что пара лишних рук не даёт никакого результата.

В напряженном усилии, с глазами, устремленными под ноги, в рыхлый, ползущий под сапогами песок дороги, они не видели, чем, собственно, занята эта самая “пара лишних рук”.

Тем временем Толли, не теряя ни секунды, выдернул из тюка, привязанного к крыше опрокинутого дилижанса, одно из ружей и взял его на изготовку. Еще за пятнадцать ярдов Черный Джек увидел, что за штуку держит в руках этот сорванец. Он остановился, озадаченный, нахмурился, беспокойно облизнул губы...

— Давай к нам, парень! Чего остановился? — закричали мужчины, повернув к Джеку залитые потом лица, не ведая причины смятения, в

которое пришел гигант-монах: они попросту не видели Бартоломью, притаившегося за дилижансом.

Черный Джек потерянно ухмыльнулся, не решаясь сделать хотя бы шаг. Он зажмурил глаза, словно в лицо ему светило яркое солнце. Но никакого солнца не было. Неужели этот сопляк способен пристрелить его? Неглубокий знаток человеческой природы, Черный Джек, мрачно ослабившись, стоял со своей дубиной и туго соображал, чем все это может кончиться. Наконец тень смирения напозла на его физиономию. Он покачал головой, словно спрашивая издали своего маленького, но грозного опекуна: "Ты ведь не причинишь зла бедному Джеку? И Джек тебе тоже, потому что ты спас его от ужасной смерти". Вздохнув, Джек отбросил дубину и с опаской шагнул вперед.

Пассажиры дилижанса, не видя толку от своих усилий, опустили руки, ожидая помощи. Они прямо-таки лучились надеждой и ожиданием чуда, оглядывая приближающегося монаха-гиганта.

Позади них притаился мальчишка с ружьем в руках, полускрытый задравшимся к небу колесом. Он страшно волновался, готовый к самым отчаянным действиям.

— Привет, джентльмены, — сколько мог вежливо произнес Черный Джек. — Хотя я не совсем здоров и не так силен, как прежде, по причине... э-э-э... несчастного случая, я помогу вам, как сумею. Посторонитесь-ка! Дайте мне упереться получше...

Опасливо покосившись на мальчишку, он буркнул:

— Мистер Толли, ради Бога, положите эту ужасную штуку, пока она не выстрелила и не погубила чью-нибудь невинную душу.

Все в удивлении оглянулись на мальчишку с оружием в руках.

— Оно... Оно выпало из тюка, — пробормотал мальчик, багровый от бросившейся ему в лицо краски. Толли сунул ружье на место и присоединился к остальным.

Тут наш гигант уперся спиной в стенку перевернутого дилижанса, все остальные тоже дружно навалились на оси и углы кареты.

— Эх... нет... моей... прежней... силушки! — пыхтя в напряжении, бормотал Черный Джек.

Со скрипом и треском дилижанс начал подниматься.

— Я слаб... как... как грудной младенец, джентльмены!

Последний толчок, последние всеобщие усилия, и огромная карета, покачнувшись, встала на колеса.

— Господи, благослови эти ручки и эту спину! — возгласил кучер, с благоговением взирая на разгоряченного работой гиганта-монаха, вытирая рукавом кровь с подбородка, разбитого при падении с козел.

— Джентльмены! — обернулся он к довольным попутчикам. — Надо отблагодарить святого отца и его малыша... Кто сколько сможет. Ну, потряните же кошельками, джентльмены! Если бы не эти добрые люди, сидеть нам в канаве до скончания века!

— Три фунта семнадцать шиллингов, да еще парочка серебряных пряжек! — с нескрываемым удовольствием сказал Бартоломью, после того как дилижанс уехал своей дорогой, а они с Джеком уселись на траву, подсчитывая гонорар. — И все это добыто добром; не пострадала ни одна живая душа. Не проще ли добывать деньги таким способом, мистер Джек?

В голосе Бартоломью звучало, а на лице сияло глубочайшее удовлетворение. Это дядя-капитан научил его послушанию законам, страху перед Господом и уважению к людям. Это дядины наставления внушили его от рождения доброму сердцу чувство достоинства и добропорядочность, которые защитили его от губительного преступления.

Однако Черный Джек чувствовал, по всей видимости, нечто противоположное. Этот грома-ла, согнувшись в три погибели, принялся собирать под ногами камни, сосредоточенно поглядывая на мальчика.

— Да, Толли, ты был прав. Я всегда говорил, что такому висельнику, как я, страшно повезло с таким другом, как ты, — озабоченно бубнил Джек, не прекращая своего занятия. — Ты указал мне истинный путь, дорогой мой Толли. Зачем убивать людей, когда они сами дадут тебе денег? Считай, что ты меня уже исправил! Черного Джека больше нет, а есть, ну, скажем, Серый Джек! А? — он подмигнул мальчишке.

Тут его беспокойный взгляд упал на огромный валун с острыми ломаными ребрами. Джек поплевал на руки и принялся, кряхтя и пыхтя, выволакивать его на дорогу.

— Что это, мистер Джек? Зачем это? — спросил в изумлении Бартоломью.

— Ты указал мне истинный путь, дорогой Толли. И теперь я с него не сверну! — с таинственной ухмылкой ответил детина и утвердил валун посреди колеи, в самом опасном месте этого опасного поворота. Теперь уж наверняка любая карета, наткнувшись на него, опрокинется в канаву.

— А теперь подождем следующих, таких же благородных джентльменов! — объявил Черный Джек, вытирая руки о платье.

— Чтобы черт тебя побрал! — пробормотал Бартоломью, мигом вообразив опрокинутую карету, сломанные ребра и шеи, крики и вопли покалеченных пассажиров. Встретив неумолимый взгляд громилы, полный злобного презрения, Бартоломью не выдержал и закричал:— Ты идиот! Ты вонючий убийца! Я так жалею, что тебя не повесили как следует! Чтоб ты провалился, проклятый...

Как будто оглушительный удар грома потряс его. Он отлетел в канаву.

Своей оплеухой Джек едва не проломил мальчику висок.

С гудящей головой и глазами, полными слез, Бартоломью пополз на четвереньках прочь. Огромный, страшный человек следил за ним.

— Лучше прекрати скулить и надоедать Богу, Толли. Ты же видишь: он не хочет, чтобы ты делал мне гадости. Скажи спасибо, что я треснул тебя ладонью, а не кулаком, а то бы твои мозги просто-напросто разлетелись бы по траве. Придержи язык и делай, что говорят. А не то получишь еще разок.

Ненависть и бешенство душили мальчика, но он боялся их выказать. Вместо этого он покорно подполз к этому чудовищу в облике монаха.

— Что ты сказал, Толли?

— Ничего.

— У меня острый слух. Я слышал, ты что-то шепнул. Иногда я слышу даже мысли. Ты, кажется, бранил меня и желал разделаться со мной. Так?

К мальчику вернулось самообладание, взгляд его стал осмысленным и спокойным. Черный Джек продолжал говорить, на его темном от злобы лице явственно проступало отвращение.

— Тогда запомни, Толли. Запомни. Пока мы вместе, будь со мной повежливее. Понял? Ты будешь со мной столько, сколько мне надо. А потом можешь отправляться куда угодно и скулить сколько захочется. А теперь, Толли, ну-ка бегом вон туда, где трава повыше. А то я вижу, катится еще одна карета.

Они залезли в заросли травы и притаились в ожидании очередного крушения.

Приблизительно с милю в стороне от Райгита, в просторном особняке, жила семья Картеров. Это было состоятельное, но проклятое Богом семейство. Сумасшествие поразило этот род.

Они держали нескольких слуг и хорошо им платили за преданность и умение держать язык за зубами. Большинство комнат верхнего этажа были заброшены, и запыленные их окна, кое-где разбитые, придавали довольно красивому фасаду особняка странный и отчасти подслеповатый вид.

За одним из этих окон с разбитыми стеклами обитала сумасшедшая девочка, “Бедное создание”, чье пребывание в этом доме накрывало его некоей зловещей тенью.

“Бедное создание”... Вначале только слуги пользовались такими словами, когда говорили об этой сумасшедшей, а потом уже и все остальные обитатели дома, — чтобы хоть немного сгладить ужас ее положения и представить ее сумасшествие как пустячную неприятность. И только один из лакеев, с лица и рук которого вот уже неделю не сходили следы, оставленные ее ногтями и зубами, произносил слова “Бедное создание” с весьма выразительной горькой иронией, исполненной глубочайшей жалости.

Тем не менее, это вполне обеспеченное семейство держало себя с достоинством и даже гор-

достью, что существенно помогало им скрыть то несчастье, проклятие которого обрушилось на них. Надо было быть весьма тонким наблюдателем, чтобы заметить тень горя, таящуюся в глубине их глаз. Они, казалось, жили такой открытой жизнью, так много были на виду и непрерывно вращались в городском обществе, что невозможно было поверить в существование каких-либо тайн в их семействе.

И все-таки...

Пятнадцатого апреля, ровно в четыре утра в большой гостиной особняка Картеров зажглись шесть свечей, проливая желтый колеблющийся свет на весьма странную сцену.

Хозяин и хозяйка дома, бледные и взволнованные, словно только что поймали вора, стояли в гостиной, окруженные густой тенью. У них были гости: трое таинственных, насупленных мужчин в черных рединготах, покрытых пылью.

Им предстояло избавить наконец дом от этого самого "Бедного создания", которое обитало в верхнем этаже, и отдать его — ее! — на попечение доктора Джонса, владельца частной клиники для сумасшедших. Содержание "Бедного создания" у доктора Джонса составляло пятьдесят гиней в год.

Доктора Джонса сопровождал его кучер Митчел, а также пастор Холл, его исповедник, советник и друг одновременно. Пастор Холл представлял собой тощего джентльмена с выбритыми до синевы щеками и имевшего пронизательный вид. Его холодные светлые глаза и суровые манеры, по мнению Картеров, наводили тоску на всю гостиную. И не только потому, что он то и дело бормотал что-то о "Божьих карах" и "наказании Господнем", как будто хотел внушить благополучным Картерам соображение, что они совершают весьма выгодную сделку, избавляясь от

столь ужасного существа всего за пятьдесят гиней в год.

В противоположность ему, доктор Джонс, коротконогий, плотный, чисто выбритый человек, не переставая твердил о достоинствах своего заведения. Уединение... покой... хорошее питание... красивые места... внимание... полная свобода... "Бедное создание" будет счастливо... никаких забот... и т. д. и т. п.

— Если мы не поспешим, джентльмены, то нас застанет рассвет, — прервал своего хозяина кучер Митчел. Пастор Холл одобрительно кивнул.

Мистер Картер вздохнул и что-то прошептал лакею (тому самому, который недавно столь жестоко пострадал), чтобы он пошел наверх и отвел "Бедное создание" в карету доктора Джонса.

Несчастную следовало увезти втайне и забыть о ней, как будто ее не было никогда. Ирония судьбы заключалась в том, что все это делалось ради грядущего счастья. Дочь Картеров, Кэт, пробудила к себе интерес у некоего лорда Сомерса, который жил в другом конце города. Отец Сомерса уже договорился обо всем с мистером Картером, и теперь Сомерс, влюбленный, что называется, по уши, перед тем как просить руки мисс Картер, только ожидал официального согласия мистера Картера, кстати говоря, считавшего это предложение весьма лестным для своей семьи.

Но Картеры понимали, что ни о какой свадьбе не может быть и речи, пока в одной из комнат верхнего этажа обитает это самое "Бедное создание". Ибо кто же захочет жениться на сестре идиотки?

Через четверть часа все было кончено. Один Бог знает, каким обманом заставили несчастную больную покинуть свое обиталище и родной дом

без воплей и жалоб. Все ее имущество уместилось в одной корзине, которая сиротливо стояла в углу в прихожей, пока наконец лакей, тот самый, с неизменной иронической миной на печальном лице, не подобрал ее и не вынес из дома навсегда. Несчастье было устранено. Теперь Картеры могли обратиться к радости.

Взобравшись на козлы, кучер Митчел натянул поводья, красивая черная карета тронулась и покатила со двора прочь, в наступающее утро, хрустя гравием под стальными ободами колес. Карету легко несла пара лошадей, которые на бегу артистично гнули изящные шеи и кивали головами, оглядываясь по сторонам, словно раскланивались с невидимой публикой.

Скоро экипаж выкатился на большую дорогу, и карета понеслась, влекомая отдохнувшими лошадьми, бежавшими резвой иноходью. При быстрой езде у Митчела в глазах появилось нечто от пастора Холла; он словно почувствовал себя героем древней сказки, неким духом, привидением, уносящим чужие грехи и "проклятие небес" прочь из перепуганного мира.

В девять часов по мостовым Кройдона прогремела окованными колесами черная карета с восседающим на козлах Митчелом, глубоко погруженным в сказочный сон. Дорога петляла и извивалась, словно мучимая мальчишками змея. Щеки у Митчела тряслись, глаза блуждали под веками: в трансе он альбатросом летел сквозь бешеный шторм, сквозь ураган, сквозь землетрясение, словом, сквозь столпотворение всех стихий, какие только есть на земле.

Карета бешено неслась, раскачиваясь и круто кренясь на каждом повороте, но вдруг страшный удар потряс ее. Казалось, весь экипаж взлетел над дорогой, на мгновение остановился в воздухе,

опрокидываясь, и с диким грохотом рухнул в канаву!

Карета на полной скорости налетела на огромный камень и опрокинулась вверх колесами. Лошади ржали и рвались вон из постромок, пытаясь освободиться. Туча пыли поднялась из-под бешено бьющих копыт.

При ударе оземь дверь кареты отлетела прочь, и все пассажиры вывалились наружу. Кучер Митчел лежал на дороге, ошеломленный падением, и воображал, что его опрокинул один из привидевшихся ему шквалов, и "проклятие небес" вырвалось из своего плена.

— Что ты наделал, сумасшедший! — раздался из канавы стон доктора. — Холл! Быстрее! Там у деревьев люди, я вижу! Я не могу двигаться! Холл! Вся надежда на вас! Быстрее! Я сломал ногу!..

Но пастор Холл был не в лучшем состоянии, нежели доктор Джонс: он сильно ударился плечом. Но еще больше пострадало его лицо: оно было покрыто глубокими бороздами, словно по нему проехала когтистая лапа хищника, оставив кровавые следы.

И в этот ужасный момент к ним пришла помощь, наверное еще более ужасная, нежели само произошедшее с ними несчастье. Эта помощь доказала Митчелу, что пригрезившийся ему конец света на самом деле был гораздо ближе, чем он предполагал.

В клубах поднявшейся пыли им вдруг явился гигантского роста чернобородый монах с огромной головой, криво сидящей на широченных плечах, словно его только что сняли с виселицы. Бледнолицый мальчик с печальным видом стоял рядом, подобный "незапятнанной душе" этого чудовища.

— Не нуждаются ли джентльмены в помощи?
— зверски ухмыляясь, спросил Черный Джек.

4. Бедное создание

Толли очень хотел помочь пострадавшим. Его дядя, морской капитан, до того как отдать его в обучение торговцу и этим оградить мальчика от зова наследственного морского ремесла, часто показывал ему, как помогать тем, кто сломал руку или ногу. Но Черный Джек, подстроивший крушение, послал его в лес за убежавшей сумасшедшей.

— Ты не боишься сумасшедших, Толли? — ухмыльнулся Джек. — Наверное, они не такие страшные, как встающий из гроба мертвец, а?

Толли понял, что этот убийца снова что-то задумал. Доктор Джонс, схватившись за колено, громко стонал и обещал за помощь целых десять фунтов! Толли подумал, что беспомощные, пострадавшие люди могут лишиться своих десяти фунтов, так и не получив никакой помощи. И вообще, трудно поручиться, что с ними не произойдет что-нибудь, еще более худшее. Потому что глаза у Черного Джека прямо-таки загорелись, когда он услышал о таких больших деньгах. Но пастор Холл, очевидно, понимал толк в сделках. Его не обманул монашеский наряд так счастливо подвернувшегося и готового к услугам грозного гиганта. Он тут же вступил в разговор и начал божиться, что таких денег у них при себе, конечно же, не имеется. Если же и найдется сколько-нибудь, то уж никак не более двух фунтов. Но лишь только они доберутся домой, то немедленно расплатятся со своим любезным спасителем в полной мере, — за это он, пастор Холл, ручается головой. Лишь только бы им добраться до дома. Его слова звучали так убедительно, а выцветшие глаза светились такой надеждой, такой доверчивостью!..

Черный Джек в колебании закусил губу, по-дозрительно поглядывая на лучащегося искренностью пастора Холла. Наконец он кивнул и отправил свою "незапятнанную душу" в лес искать сбежавшую сумасшедшую.

Лес, издали казавшийся густым, темным и угрюмым, внутри был весь пронизан стрелами солнечных лучей. Апрельское солнце бушевало всюду, пробивая редкие кроны деревьев. Как только Толли вошел в лесную сень, сразу же его окружил непрерывный и бессвязный шум деревьев; этот шум, подобный глухому ропоту толпы, полз из таинственных прогалин в густом папоротнике, из корней искореженных бурей давно уже мертвых деревьев, из всего дрожащего воздуха, легким потоком струящего весеннюю свежесть в этом загадочном лесу.

Толли остановился. Ему вдруг захотелось вернуться назад, к дороге, и соврать, что сумасшедшая куда-то убежала и ее не найти. Но, подумав, как его примет с этим известием Черный Джек, решил идти дальше.

Он осторожно продвигался в глубь леса, чувствуя себя одиноким и очень несчастным. Все вокруг было больше, сильнее и значительнее его самого. Он со всеми своими достоинствами, если таковые и были, казался себе не более чем кораблом из тонкой бумаги, брошенным в ревущий поток. Что толку бояться Бога, думал он, если страх перед Черным Джеком гораздо сильнее? Чем помогут ему его достоинства против разъяренной сумасшедшей? По каким законам он теперь должен жить?

Вдруг он остановился. Ему почудилась пара сверкающих глаз, следивших за ним из зарослей кустарника.

Ему доводилось видеть сумасшедших: торговец вином, накачавшись зельем, бушевал в своем магазинчике, громя и круша все, что попада-

лось под руку. Ужасное зрелище даже для такого городка, как Шорхэм. В безлюдном лесу это, наверное, будет еще ужаснее.

Но сверкающие глаза мигнули и исчезли, оказавшись всего лишь бликами солнца на глянцевиных молодых листьях. Глаза умалишенных, вспомнил мальчик, должны гореть огнем и вылезать из орбит. Умалишенная должна наброситься на него и начать душить тонкими белыми пальцами. Умалишенная должна...

Вдруг у Бартоломью мороз побежал по спине, затрепетало сердце и перехватило дыхание. Он захотел убежать прочь, но его ноги стали как ватные, он не мог ступить шагу. Чья-то рука легла ему на плечо.

Поручив себя Богу и надеясь, что его молитва долетит до Господа раньше, чем его душа, он обернулся. Перед ним, лицом к лицу, стояло то самое "Бедное создание", "несчастье" семьи Картеров.

Изумленный Толли обнаружил, что это была девочка, примерно четырнадцать лет.

Словно брошенный камень, ужас мальчика потонул в море жалости, все же успев оставить на поверхности сознания сладкую рябь неловкости. Эта девочка, худая, легкая, вся в пыли, с белым, словно бумага, лицом, и была той самой сумасшедшей, которую он только что с ужасом пытался себе вообразить.

На ней была зеленая шерстяная накидка с большим капюшоном, из которого выглядывало ее лицо, словно белая бабочка из зеленого капустного листа. Она стояла в пятне солнечного света, вся в золотой пыли. Кашлянув, словно эта золотая пыльца попала ей в горло, она мирно улыбнулась и сказала:

— Может быть, в самом деле, мне лучше умереть?

— Дай мне руку, — сказал Толли и почувствовал, как его сердце вдруг сжалось от ее горестного вопроса, который девочка, наверное, задавала себе не один раз. — Дай мне руку, я должен привести тебя назад, к карете.

Она боязливо протянула руку. На ее пальцах и под ногтями засохла кровь. Толли вздрогнул, вспомнив лицо одного из пассажиров кареты с расцарапанными до крови щеками. Девочка озадаченно посмотрела на него и снова лучезарно улыбнулась. В самом деле, у нее была необыкновенная, чудесная улыбка, способная очаровать кого угодно.

— Со мной все в порядке. Я была доброй и честной. Я приняла причастие и вся вымылась. Теперь я молюсь Богу и хочу умереть.

Бартоломью осторожно взял ее за руку и повел к дороге.

Она шла с ним, не переставая улыбаться и разговаривать, как будто они были старыми друзьями и в их встрече не было ничего необычного. Ей, в самом деле, ничто не казалось необычным; ее память была слишком коротка, чтобы удивляться. И хотя ей все вокруг казалось новым, все же ничего странного в этом не было. Деревья росли как им полагается, уходя корнями в землю; земля потрескалась без дождей, и рогатые черти, скаля зубы, выглядывали из трещин... Бартоломью чувствовал, что ее душа все еще чиста, словно белый лист бумаги, ожидающий чьей-то руки. То и дело в ее быстром громком щебете проскакивали непонятные словечки. Голос ее неожиданно менялся и звучал то ровно и мягко, то обрывался и умолкал, словно островки связной памяти всплывали в ее незамутненном сознании.

— Лучше бы я умерла, — говорила она. — Я “Бедное создание”. Я ворую и плююсь. У меня отвратительные манеры. Держись от меня подальше... Я — несчастье для хозяина и хозяйки, я

— их позор. Я — наказание Господне. Разве не будет благословением, если я осчастливорю их, найдя милосердную смерть?

Но все эти ужасные всплески ее памяти сопровождались ребяческой смешливостью. Было очевидно, что она не понимала страшного значения слов, которые так весело слетали с ее губ.

Они продвигались очень медленно, потому что своенравная девочка то и дело тянула Толли то в одну, то в другую сторону, сбивая с пути. Три или четыре раза они делали круг и выходили на прежнее место, залитое солнечным светом, с разросшимся остролистом, нависшим над поляной словно тент. Это дерево, очевидно, заколдовало сумасшедшую девочку. Вдруг она вырвалась, побежала, мелькая в пестроте листвы, усеянной солнечными зайчиками, к этому остролисту и пугливо спряталась под его широкой тенью. Она посмотрела вверх, оглянулась вокруг и неподвижно застыла. Беспокойство отразилось на ее лице. Она нахмурилась, сжала зубы, словно пыталась сосредоточиться на чем-то, что таилось на поверхности ее сознания.

— Что с тобой? — спросил мальчик, присев рядом.

— Ты видишь? — прошептала она.

— Что? Где?

— Черную башню с золотой крышей, высокую, выше неба. Там летают белые ангелы с белыми крыльями. И весь мир поет колыбельную — это солнышко ложится спать, завернувшись в одеяло. Ты видишь теперь?

— Нет, — честно признался Толли и тут же испугался. Он совершенно не был готов к тому, что последовало за его признанием.словно дикая кошка, сумасшедшая девочка бросилась на него с кулаками. Она пинала его, била по голове, царапала ногтями! Она рыдала и визжала, задыхаясь в приступе ярости, а изумленный мальчик

закрывался руками и отворачивал голову, стараясь увернуться от ее ударов и пинков. Но ее ярость лишь увеличивалась, когда она замечала, что он защищается, и уже было пустила в ход зубы! Тогда он схватил ее за руки и сильно сжал, стараясь удержать. Она забилась в его руках, словно в нее вселилось десятеро человек. Но, к счастью, ни один из этих вселившихся в нее десятерых не был очень силен, так что Толли справился.

— Ты сумасшедшая! — крикнул он, и девочка, скрученная своей же толстой накидкой как смирительной рубашкой, встряхнула рыжими растрепанными волосами и нежно улыбнулась ему.

— Меня зовут Белли, — сказала она, лучезарно улыбаясь. — А как зовут тебя?

— Толли, — буркнул Бартоломью, настолько потрясенный быстрой переменой в ее настроении, что даже забыл сказать полностью “Бартоломью Доркинг“, как это делал всегда, представляясь незнакомым людям. Но тут же он подумал, что это совершенно неважно, поскольку вместе им быть осталось совсем не много: лишь только они выйдут на дорогу, как ее посадят в карету и увезут. Он помог ей встать.

— Идем, Белли, — сказал он спокойно. — Я вспомнил дорогу. Скоро мы вернемся назад, к твоим друзьям.

И они действительно скоро выбрались из золотисто-зеленого леса и вышли к дороге.

По всей видимости, лишь из-за своей ненормальной психики девчонка ничуть не удивилась тому, что они увидели. В самом деле, что еще в целом мире могло удивить человека, у которого нет ни памяти, ни надежд? Почему она должна смотреть иначе, чем как на самое обычное зрелище, на эту, в общем-то самую обыкновенную, дорогу?

Но у Толли, напротив, были причины для эмоций. Он остановился, пораженный страшной догадкой: дорога была пуста! Карета уехала: путники отправились дальше, и с ними — этот страшный убийца! Ничто не говорило о разразившейся на дороге трагедии, только лишь кусок стального обода, сорванный с колеса при ударе о камень, да корзина, перевязанная веревкой, валялись в пыли немymi свидетелями.

— Мистер Джек! — нервничая, позвал мальчик. — Мистер Джек!

В ответ — ни слова, ни звука. Лишь высокая трава волновалась под легким ветерком на склоне холма, через дорогу. Сомнений не было: страшный убийца уехал в карете с путешественниками и, вероятнее всего, намерен убить их прямо у них в доме, чтобы побольше нагрabить. О, что за глупые джентльмены! Неужели они так и не поняли, с кем имеют дело? Ну зачем, спрашивается, надо было говорить о десяти фунтах? Черный Джек без колебаний убьет их и за гораздо меньшую сумму!

Толли крикнул еще раз в тщетной надежде, что Черный Джек не уехал, а лежит где-нибудь в траве, поджидая очередную карету. Как ни страшен, как ни противен был ему Черный Джек, Бог свидетель: он очень обрадовался бы, вновь увидев рядом своего ужасного спутника, несмотря на все оскорбления и унижения, которые от него вытерпел, но Черного Джека нигде не было. Белли, забытая им, подобрала свою корзину и, беззаботно что-то напевая, принялась выкладывать свои жалкие пожитки прямо в дорожную пыль. Старые куклы, дешевые побрякушки, изношенное до дыр белье... Она раскладывала в пыли на обочине весь этот хлам с гордостью, повизгивая от удовольствия и радостно улыбаясь.

— Откуда ты взялась, Белли? — спросил Толли, словно замороженный глядя на нее, пытаясь подавить стоявшую комом в горле жалость к этому несчастному существу.

Она подняла на него глаза, улыбаясь своей чарующей улыбкой.

— Оттуда, где ты меня нашел.

Он утомленно вздохнул и снова спросил:

— А где ты живешь?

— Здесь, — беззаботно ответила девочка, положив ладонь себе на грудь. — Мы все живем здесь, разве ты не знаешь? Если ты прислушаешься, то услышишь: дома кто-то есть... Стучит...

Она снова принялась поправлять на куклах платья, старые и изорванные.

— Так как же тебя звать? — не отставал Толли, подавляя в себе растущее раздражение.

— Белли! Я же сказала! А ты — Толли. Или не так?

— А у тебя есть другое имя, Белли?

Она задумалась, потом кивнула:

— Да.

— Какое? — спросил Толли с проблеском надежды.

— Иногда меня называли “Бедное создание“, — с гордой улыбкой ответила девочка.

— О, Боже! — вздохнул Толли и принялся сгребать ее игрушки обратно в корзину. — Нам надо идти, Белли, — сказал он. — Нам надо идти на юг. Мой дядя — капитан. Он все знает. Он скажет, что нам делать.

И они, рука об руку, двинулись по обочине дороги. В какой-то момент Бартоломью почудилось, что краем глаза он заметил в высокой траве нечто темное и большое.

— Черный Джек! — окликнул негромко мальчик. Но в том месте колыхалась одна лишь

трава, клонясь под порывами ветра, и больше ничего.

Так шли они по дороге, не оглядываясь. Белли все время беззаботно улыбалась. Толли же был весьма встревожен: он не мог отделаться от ощущения, что за ним наблюдают, за ним следят, за ним следуют по пятам.

5. Эликсир доктора Кармоди

отя общество Белли и было предпочтительнее компании злонамеренного Черного Джека, все-таки она была не самым лучшим попутчиком в пешей прогулке. У нее была весьма оригинальная походка, хотя и не совсем неуклюжая. Она шла как бы вприпрыжку, ее тянуло то вверх, то вниз, как будто рядом с Толли двигался, стучаясь о землю и подпрыгивая, упругий резиновый мяч, и полы зеленой накидки мотались в воздухе, словно крылья гигантской бабочки.

Будучи воспитанным мальчиком, Толли испытывал сильное смущение, которое в значительной степени усугублялось улыбками крестьян, то и дело попадавших навстречу. И поэтому перед самым Кройдоном они свернули с шоссе на тихую и безлюдную дорогу, ведущую к Эвелу, который лежал на пути в Суссекс.

Перед самым поворотом Толли бросил короткий взгляд; его так и не отпускало чувство тревоги, вызванное ощущением, что за ним следят. Но знакомой гигантской фигуры взгляд его не нашел, лишь высокая трава простиралась вдаль, необычно замершая в безветрии.

Вполне возможно, думал он, что тот воскресший из мертвых злобный гигант в действительности никогда не существовал. Или существовал, но лишь в его воображении. Как результат чересчур плотного обеда за столом у миссис Хадкастл, например. Наверняка события предыдущих двадцати четырех часов, как он их запомнил, не что иное, как отклонение в его сознании, необычное, даже поразительное!

Но тут он встряхнул головой. Если никакого Черного Джека не было и в помине, то каким образом он оказался на дороге в Эвел рядом с этой подпрыгивающей сумасшедшей?

Тем не менее, ему показалась соблазнительной мысль о существовании Черного Джека лишь в его воображении, и он продолжал играть ею, находя в этом своеобразное развлечение. Он вспомнил один из своих детских снов, который часто ему снился самым необъяснимым образом. Это был сон о том, как он командовал военным кораблем. Этот сон так походил на реальность, что когда он просыпался после него ранним утром, то вскакивал с кровати и бежал в гавань, к своему фрегату, и медленно возвращался назад, подавленный и разочарованный тем, что ничего не нашел, кроме грязных барж, заваленных дровами или углем, угрюмых понтонов-тюрем да толстобоких торговых парусников. И все же он существовал, этот гордый, покачивающийся на волнах фрегат, реальный до мельчайших подробностей, до ржавчины на пушке, до бородавки на щеке боцмана.

В памяти Бартоломью от Черного Джека не сохранилось ничего: ни остатков еды в дремучей бороде, ни ужасных рубцов на шее, ни грязных ногтей со страшными зазубринами, — только одно грозное, пугающее презрение, которое для мальчика было гораздо правдоподобнее материальных подробностей.

Они шли по заброшенной лесной дороге, со слабыми, давними следами колес. Дорога то ныряла под густой свод крон стоявших обочь деревьев, то ненадолго выводила на открытое место с широким видом и вновь пряталась в зеленый туннель, где последний проехавший, очевидно, громоздкий фургон оставил за собой сломанные прутья и ветки. В таких местах нескончаемая болтовня Белли становилась громче из-за ограниченного пространства, и Толли отвлекался от своих раздумий. "Море жалости", в которое он погрузился, впервые поняв, кто она, эта несчастная девочка, начало испаряться. Скоро он обнаружил, что эта девчонка чаще вызывает в нем раздражение, а не жалость: ее болтовня становилась все глупее и несноснее. Она то и дело требовала, чтобы он посмотрел на то, на это — словом, на всякую чепуху вроде только что распустившегося нежно-зеленого листика, или заблудившегося на травинке муравья, или собственной шутовской гримасы. Она скакала, она прыгала, она вертелась и крутилась, лезла через кусты прочь от дороги, продиралась обратно, вся в листьях, или с гордым видом втыкала маленькую веточку в свои грязные волосы, — все для того, чтобы вызвать у него восхищение.

Но хуже всего было то, что она горела желанием внушить ему симпатию: она то и дело подсакивала к нему с распростертыми руками, стараясь запечатлеть на его щеке самый жаркий поцелуй.

— Ради Бога, Белли! — отстранял ее Толли со страдальческой миной на лице. — Ты уже взрослая девушка. Ты не должна так вести себя. Ну пожалуйста, Белли!

Она, смутившись, успокаивалась, но ненадолго. И скоро все начиналось снова: и прыжки, и ужимки, и поцелуи. Бартоломью понял, наконец, что ее детское поведение выставляет и его самого

в совершенно дурацком свете. И тогда он, строго нахмурившись, решил уйти далеко вперед, а сумасшедшая девчонка пускай прыгает и скачет там, позади, подальше от него, и сколько угодно несет свою нескончаемую чушь. По правде говоря, она порой роняла такие слова, от которых у мальчика мурашки ползли по спине и сердце замирало от ужаса.

— Разве это не счастье, если я умру! — лепетала она, протягивая ему бледную поганку, которую сорвала где-то в кустах и спрятала под накидкой. Это была не девчонка, а сущий Ангел Разрушитель! Закричав от страха, Толли выхватил у нее из рук ядовитый гриб и забросил в кусты. Она, казалось, не думала ни о чем. В самом деле, похоже, что она сразу же забыла этот случай. Некоторое время спустя, когда она ему очень надоела, он подумал со злостью, что зря пожалел ее. Может быть, в самом деле было бы счастьем для всего света и для него тоже, если бы она?..

Но тут же, в ужасе от своих мыслей, он затряс головой, упрекая себя и представляя, что сказал бы его дядя, морской капитан. И все же, несмотря на всю мрачность своих мыслей, он не мог не заметить, что поведение этой сумасшедшей стало немного спокойнее.. Он предположил, что его страх перед этим Ангелом Разрушителем отчасти перешел и на нее тоже, и он вздрогнул от смутных добрых надежд.

Потом у нее опять появилось то странное видение — черная башня и солнце, лежащее спать в одеяле. Как и прежде, за этим последовали неистовые вопли и судороги. Но, к счастью, Толли в этот раз был наготове. Он завернул ее в ее же накидку и тем обезопасил от синяков и ее, и себя. И все же его надежды оказались напрасны...

Теперь дорога стала лучше, как будто прихорашивалась перед входом в Эвел. Деревья вдоль дороги стали ниже, и по мере того как мальчик и сумасшедшая девочка приближались к городку, в воздухе стал слышнее гул людских голосов. Скоро, выйдя из-за поворота, они увидели весьма приятную картину.

В поле, перед самым городком, расположилась бродячая ярмарка. Пять или шесть пестро раскрашенных фургонов стояли полукругом, словно огромная украшенная мишурой пасть неведомого чудовища, в которой шевелилась большая толпа крестьян с их носящимися туда и сюда детьми и их женами в больших капотах.

Среди прочих фургонов был один, у которого с одной стороны брезент был убран и с прилавка шла торговля сверкающими в ярком апрельском солнце "бриллиантами корон всех монархов Востока". Это был единственный фургон, разрисованный звездами, лунными серпами и ужасными кометами. Из него струился вверх легкий дымок, словно в него только что в самом деле залетела одна из комет. Рядом с ним стоял фургон лилипутов.

— Хочешь на ярмарку, Белли? — спросил Толли с вежливой снисходительностью, за которой пряталась и его собственное любопытство. У него в кармане лежали пять шиллингов, которые достались ему при разделе с Черным Джеком первого гонорара за помощь на Кройдонской дороге. Сумасшедшая девочка с тревогой посмотрела туда, где возле фургонов с торговцами словно морской прибой шумела толпа.

— Если ты возьмешь меня за руку, тогда пойду, — пролепетала она.

Взявшись за руки, они свернули с дороги и через поле направились к ярмарке, еще издали

ощущая плывущие навстречу запахи рома и жженого сахара.

Толли купил две колбаски в том таинственном фургоне, в котором выставлялись бриллианты всех корон Востока. Они заплатили пенни и посмотрели в окошечко фургона с лилипутами. Внутри его все было как в кукольном доме с той лишь особенностью, что обставлено лилипутское жилье было крупной мебелью, великоватой даже для семьи нормального роста. Это сделали преднамеренно, чтобы подчеркнуть малый рост живших внутри лилипутов, хотя на самом деле они были не такие уж маленькие, как это казалось среди гигантских столов и стульев.

Но один из фургонов притягивал внимание Толли больше, чем все остальные. Словно чего-то боясь, Белли вцепилась в его локоть, когда он стал протискиваться ближе к прилавку сквозь толпу, осаждавшую фургон. Этот фургон не был украшен позолотой, но во всю его длину по голубому фону тянулись большие белые буквы: "ДОКТОР КАРМОДИ". А за прилавком, устроенном с задней его стороны, в черной мантии и в белом парике, но в цивильных розовато-лиловых штанах, стоял не кто иной, как сам "Доктор Кармоди".

Это был очень невысокий, хорошо сложенный человек с такой крупной головой и выразительным лицом, каких Толли, пожалуй, еще не видывал. В самом деле, подобная голова должна была принадлежать очень рослому человеку, а доктору Кармоди досталась, очевидно, по ошибке, и потому она иногда поглядывала на свое короткое тело с явным неодобрением. Но когда взгляд его устремлялся вперед, то в нем горела такая энергия, такая пронизательность, что редкий человек выдержал бы этот прямой взгляд. И вот этот самый, столь необыкновенный доктор продавал — что бы вы ду-

мали? — “Эликсир Молодости“! Шиллинг за бутылку, всего-навсего.

Хотя, впрочем, он вовсе и не продавал свой товар. Он даже уговаривал толпу не покупать это снадобье.

— О, нет! — зычно кричал он, сверля толпу огненным взглядом. — С этим шутки плохи! С этим надо обращаться оч-чень осторожно!

Веселая веснушчатая молодая женщина уже тянула свой шиллинг, а ее рослые спутники подталкивали ее ближе к прилавку и что-то шептали на ухо, видимо понужая к покупке, открыто ухмыляясь и похохатывая над беззастенчивым мошенничеством этого “доктора“.

— Ах, дитя мое! — склонясь к ней, произнес доктор, вперив в нее свой гипнотический взгляд. — Это не для тебя. Это лекарство для стариков, для покрытых морщинами лиц, для согбенных спин, для больных телом и душой! Вот кому оно действительно необходимо. Оно сделает их молодыми и резвыми, как маленькие дети. Оно вернет им прежнюю силу и счастье, прежнюю чистоту и невинность. А ты, я вижу, и без того полна здоровьем, силой и свежестью. Это лекарство не для тебя.

Ответом на эту горячую речь был взрыв смеха, который, как видно, весьма удручил нашего доктора, потому что он обиженно насупился и поднял руку в укоризненном жесте.

— Ее душа невинна, друзья мои! Простим же ее, — возгласил он толпе. — У нее простое доброе сердце. Любой старик, приняв мое лекарство, станет таким же, как эта бойкая девица, и даже лучше. Мое лекарство именно для стариков! — Он вознес над головой маленькую бутылочку со своим чудодейственным зельем, чтобы было видно всем зевакам, толпящимся вокруг фургона. — Одному лишь Господу Богу ведомо, сколько вреда может причинить этот

чудодейственный эликсир, если его неправильно употребляют!

При этих его словах сразу несколько рук протянули свои шиллинги.

— Сюда! Сюда! Мне! Мне! Дайте мне! И мне тоже! — понеслись крики над толпой.

— Потому что чудодейственная сила моего эликсира, — продолжал доктор с важной миной на физиономии, — связана с чрезвычайной способностью растворять кости и уж тем более то, что на нихросло, так сказать, мембраны тела, отвердевшие от времени и одиночества. А при такой страшной легкости к растворению Бог знает что может с вами произойти! Нет, я не продам вам этот эликсир. Ни за шиллинг, ни за десять тысяч шиллингов!

Доктор грозно потряс пузырьком над замороженной публикой, словно в его руке был рыцарский меч, а не склянка с какой-то гадостью.

Впереди, в толпе, недалеко от той самой веснушчатой молодой женщины, стояла одна дама, на которую слова доктора оказали сильное действие. Она еще не достигла среднего возраста, и все же ее душа казалась уже надломленной. Она была принаряжена в пышную муслиновую юбку с кринолином, но глубокая печаль светилась в ее глазах, унылых бровях и горьких складках у рта. Она смотрела на доктора Кармоди и его бутылочку с нескрываемой горечью и сожалением. Она покачала головой, вздохнула и тронула за плечо стоявшего рядом сына, остролицего парня приблизительно того же возраста, что и Толли. Дама, очевидно, не замечала, что ее мальчик вырос весьма беспокойным. Он, что называется, захватил ее врасплох. И не только ее, но и доктора Кармоди. Вполне возможно, он хотел всего лишь пошутить; но, возможно, его намерения были гораздо глубже и частично коренились в

беспокойстве за свою печальную мать, безнадежную вдову...

Он вдруг рванулся вперед и выхватил заветную бутылочку из рук доктора Кармоди.

Крик изумления и смех пронесли над толпой. Белли в испуге задрожала и вцепилась в Толли.

— Дик! Дик! — заверещала перепуганная мать.

— Мальчик! Мальчик! Вернись! — завопил побледневший доктор. — Ты погубишь себя!

Тут в толпе началась ужасная суতোлка: мальчишка носился туда и сюда, тыкаясь головой в ноги, в животы, путаясь в широких женских юбках и рединготах мужчин. Он метался в толпе, хохоча и выкрикивая что-то несуразное, дерзко размахивая над головой смертоносной бутылочкой.

— Не пей! Не пей, мальчик! — вопил доктор.

Но было уже поздно. Мальчишка, взятый в кольцо плотной толпой, с испугу вдруг рассвирепел.

— Старый дурак! — заорал он в ответ, скорчил доктору гнуснейшую рожу и, выдернув пробку, стал пить из бутылочки крупными глотками.

Толпа в страхе отшатнулась, глядя на него со страхом и любопытством, как будто он должен был взорваться с громом и грохотом.

Мигом опорожнив бутылку, мальчишка швырнул ее под ноги и глупо осклабился. Он облизнул губы... И вдруг, ко внезапному ужасу всей толпы, он схватился за живот, потом за голову и громко застонал, почти закричал от боли. Казалось, он что-то хочет сказать, но не может выговорить. Вместо слов у него получалось ка-

кое-то ужасное мяуканье, и наконец ужасный крик вырвался из его груди: "Мама!"

Стеная и корчась, он бросился к своей матери и пропал в толпе

Тут же над толпой, немного позже, чем следовало ожидать, пронесся ужасный вопль, который толпа встретила смехом и улюлюканьем. Это была его мать.

— Боже мой! Боже мой! Смотрите! Смотрите!

Из-под ее нарядной муслиновой юбки вывалился ворох одежды, в которую был одет ее сын. Без всякого сомнения, это была одежда ее сына. В глубине этого вороха, в складках одежды, пища и визжа, дрыгал ногами младенец, которому на вид было не более двенадцати месяцев! Эликсир доктора Кармоди оказал свое чудовищное действие.

Почти помешавшаяся от горя мать подхватила на руки свое преображенное чадо и разразилась безутешными рыданиями.

— Я... Я предостерегал его, мадам... — подавленно пробормотал доктор и виновато склонил голову перед горем обезумевшей матери. Он обернулся к изумленной толпе, которая уже перестала скалить зубы и лишь ошарашенно молчала, широко раскрыв глаза.

— Я предупреждал его! Все слышали, — обратился доктор к людям. — Будьте свидетелями... Я сделал, что мог, но он... Я так и знал, что мое чудодейственное средство когонибудь погубит!

— Погубит? — завопила вдруг в ярости, словно очнувшись, мать пострадавшего. — Тебя, тебя погубит! Уже погубило! Я немедленно иду к судье. Пускай тебя посадят в тюрьму! Тебя повесят за то, что ты сделал с моим ребенком!

— Но, мадам! — сокрушенно воскликнул доктор.

— Боже мой! Что он сделал с бедной вдовой!
— стонала мать, баюкая орущего младенца.

— Но, мадам...

— Он уже почти вырос, мой мальчик! Он был красивый, стройный. Глазки ясные, щечки нежные, как крылья мотылька, и ни одной рябинки!

Она вновь разразилась рыданиями, пытаясь успокоить своего малыша, который при этом заорал так истошно, как будто вспомнил времена, когда он еще был большим.

— А теперь? Теперь! Смотрите! Я снова должна растить его! А ведь он был очень трудный ребенок! Небо мне свидетель, доктор Кармоди, вы за это дорого заплатите!

Бережно баюкая свое вещественное доказательство, она повернулась и пошла прочь, через пустырь, в сторону Эвела, где надеялась найти суд и управу на зловредного доктора.

Поняв ее намерения, доктор Кармоди стал спешно готовить фургон в дорогу.

— Извините, друзья мои... Извините... Я должен поторопиться. Дорогие джентльмены, мадам, у меня очень мало времени! Расступитесь, пропустите меня! В самом деле, дорогая леди, и вы, сэр, и вы тоже! Войдите в мое положение. Очень спешу! Ох, мадам, я прошу вас! Неужели вы хотите, чтобы меня упекли в тюрьму?!

Тут кто-то из толпы, не дожидаясь, пока он уедет, подошел к нему со своим шиллингом и получил бутылочку. За ним — второй, потом другие, потом чуть ли не дюжина крестьян окружила его тесным кольцом, суя свои шиллинги, не обращая внимания на его жалобные извинения и просьбы оставить в покое.

По правде говоря, вид у них, этих страждущих, был не очень здоровый. Все это были деревенские жители, пришедшие сюда с близлежащих

ферм. Они сконфуженно ухмылялись и подшучивали друг над другом, но в глубине глаз таили надежду. Большинство из них было среднего возраста, но были и покрытые сединой, угрюмые старики, сгорбленные и немощные, одинокие и печальные, кому шанс вернуть себе чистоту и невинность детства был дороже, чем какой-то жалкий шиллинг.

Что мог поделать несчастный доктор? Ему оставалось лишь продавать, продавать и продавать, пугливо озираясь по сторонам и выглядывая, не приближается ли констебль. Он торговал торопливо, отчаянно, даже можно сказать, самозабвенно, как будто знал, что толпа не отпустит его, пока не будет продана последняя бутылка снадобья.

— Купи и мне, Толли! — попросила сумасшедшая Белли.

Толли грустно посмотрел на нее.

— Ты еще не так стара, Белли. Твоя душа не станет моложе. Если ты выпьешь этот эликсир, тогда я уж и не знаю, что тебе останется делать.

Наконец последняя бутылка была продана, и доктор Кармоди с облегчением вздохнул. Констебль все еще не появлялся. Доктор обернулся к Толли и Белли, которые одни остались у фургона: толпа быстро разошлась, не желая впутываться в неприятности.

— Уходите! Уходите! — заворчал доктор на детей. — У меня ничего не осталось. Все продано. Ничего нет. Ничего!

— Извините, сэр, — вежливо сказал Толли, — я только хотел попросить у вас что-нибудь для нее. — Он кивнул на Белли, которая счастливо улыбалась и ковыряла пальцем в носу.

Доктор бросил равнодушный взгляд на девочку и пожал плечами, на лице его отразилось неодобрение.

— Мне кажется, — запинаясь, продолжал Толли, — у вас должно найтись какое-нибудь лекарство, чтобы помочь ей. Вы же видите, что она глупа, как... Она сумасшедшая, сэр...

И он вкратце рассказал доктору о болезни девочки и о своих намерениях.

— Бедное создание! — пробормотал доктор, с жалостью посмотрев на ненормальную, которая заулыбалась, услышав знакомые слова. — Сумасшедшая? В самом деле? Душа, оставшаяся в первозданном простодушии, так сказать... Запертая за решеткой бессмысленной улыбки. Дорогой мой, куда ты ведешь ее?

— На юг, сэр. К морю. К моему дяде, морскому капитану, который живет в Лансинге и очень хорошо разбирается в самых разных вещах. На него последняя надежда.

Доктор задумался.

— Весьма интересный случай. Может быть, съедем в фургон и поговорим по дороге?

Толли и Белли залезли под синий тент; доктор хлестнул лошадь. Гремя колесами по городской мостовой, фургон миновал Эвел и покатился по мягкой дороге по направлению к Эпсому и Аштиду.

Вопреки своему предложению поговорить, доктор пока не произнес ни слова. Он то и дело с беспокойством оглядывался вокруг, словно боялся, что вышеупомянутый грозный констебль вот-вот выскочит из густой высокой травы, росшей вдоль дороги. Проехав с милю, доктор остановил фургон и легонько посвистел. Тут же из придорожной канавы, как из-под земли, возникла "обездоленная" мать с младенцем на руках. За ней показался целый и невредимый "красивый и стройный", со щечками, "нежными, как крылья мотылька", ее сорванец!

— Это миссис Кармоди, моя жена, — пояснил доктор. — А это мой ученик Хэтч. Э-хе-хе! На какую только хитрость не пойдешь, чтобы заработать на жизнь в наши трудные времена!

Онемев от удивления, Толли рассматривал семейку мошенников. Мальчишка, в свою очередь, нахально уставился на Толли. Два ученика неприязненно разглядывали друг друга.

— Ты с ума сошел, Кармоди! — воскликнула миссис Кармоди, со злостью взглянув на Толли и Белли. — Ты хочешь засадить нас в тюрьму?

— Ты ошибаешься, дорогая! — ответил, усмехаясь, доктор. — Это всего лишь парочка беспомощных, несчастных, только что вылупившихся птенцов, если можно так выразиться. А эта девочка в самом деле сумасшедшая, моя дорогая, ты же видишь...

— Как и ты сам, Кармоди!

— Тише, успокойтесь, мадам, — сказал доктор и, наклонившись к ней, возбужденно зашептал: — В этой сумасшедшей будет прок! Разве ты не видишь? Я полагал, что моя жена более дальновидна. Такое простодушие! Такое блаженное детство! Какой прелестный образчик, мадам! Небесная святость! Это подарок, мадам, это случай проявить мой... мой... мой гений во всем блеске, так сказать! Ох, миссис Кармоди, не перечь мне, ради Бога!

Они препирались несколько минут. Мадам коротко и злобно отвечала на пространные и цветистые рассуждения своего мужа, в то время как два юных ученика с ненавистью ели друг друга глазами.

— А кто их будет кормить?

— Конечно же я, миссис Кармоди! — рявкнул наконец начавший свирепеть доктор, которому надоело объяснять туповатой жене открывавшиеся перспективы. — Есть еще вопросы?

Миссис Кармоди прикусила язык, а доктор все усиливал натиск. Но теперь он обращался к Толли, в котором он, наверное, заметил некоторую горечь и недоверие. Глаза его загорелись; его большое умное лицо излучало внутреннее сияние.

— Мальчик мой, — сказал он ласково. — Не сердись на нас за этот безобидный обман. Деньги, которые мы на этом выручили, пойдут на доброе дело. Они мне нужны, чтобы вести исследования душ умерших людей. Спиритизм. Потусторонний мир. Ты слышал об этом? Это очень благородная цель, мой дорогой. Приходится много путешествовать. И, как предусмотрительный капитан, я попутной торговлей с невеждами добываю средства для своего путешествия.

Тронутый до глубины души, Толли кивнул, а доктор продолжал говорить, навевая мальчику туманные мечты и дурманя голову странной галиматьей, составленной из обрывков научных знаний, которые “доктор” мимоходом подбрал в своей мошеннической жизни.

В сердце Толли снова забрезжила смутная надежда; он посмотрел на жалкую, перепачканную в дорожной пыли душевнобольную свою спутницу, которая принялась пускать слюни себе на грудь и на отвороты накидки.

— Мы тоже направляемся в Суссекс, мой мальчик. Мы, как и ты, путешествуем на юг, к морю. Так что нам по пути. В нашем совместном путешествии таятся необыкновенные возможности и выгоды для обеих сторон: и для нас, и для тебя. О, какие мистерии мы вместе могли бы создавать с помощью твоей замечательной спутницы! Какие таинственные, необъяснимые явления человеческой души мы...

— Толли, смотри! Ты видишь? — вдруг беспокойно забормотала Белли, устремив сумасшедший взгляд в дальний угол фургона.

— Что, Белли?

— Высокая черная башня с золотой крышей. И белые ангелы с белыми крыльями летают вокруг нее. И весь мир поет колыбельную солнышку, которое ложится спать, завернувшись в одеяло...

— О, мое дитя! — начал было растроганный доктор. — Все это лишь в твоей расстроенной головке. На самом деле ничего этого нет! Вокруг тебя...

Но доктор не успел досказать свою вразумляющую мысль: разъяренная Белли бросилась на него с визгом и скрежетом зубов, норовя вытолкнуть из фургона. Толли обхватил ее руками, стараясь удержать. И тогда она завопила с удвоенной силой, вырываясь, стараясь достать лицо доктора своими страшными ногтями.

Годовалая малышка, мирно дремавшая на руках у миссис Кармоди, проснулась, разбуженная воплями, и тоже заорала во всю мочь. Миссис Кармоди, отодвинувшись подальше от бьющейся в истерике сумасшедшей, принялась успокаивать свою дочурку, неистово тряся и мотая ее из стороны в сторону, перемежая сюсюканье с бранью. Доктор Кармоди, зажавший уши от невыносимого визга, и его перепуганный ученик шархнулись в разные стороны от взбесившейся Белли и чуть не опрокинули фургон. В считанные минуты поднялся невообразимый гвалт, которому, казалось, не будет успокоения, если не произойдет что-нибудь чрезвычайное.

Плача и кому-то жалуясь, Белли, охваченная крепкими руками Толли, начала успокаиваться. Маленькая девочка на руках у миссис Кармоди тоже решила отдохнуть.

— Ох, мой юный друг! — нервно заговорил потрясенный доктор, обращаясь к Толли. — Нет, мы не можем взять с собой эту твою... твою

спутницу. Она просто опасна! Опасна! Ты понимаешь? Такая обуза, такая ответственность, такой огромный риск! Пусть она уйдет отсюда. А ты оставайся с нами. Ты должен остаться с нами. Это твой шанс! По крайней мере, мы в случае чего можем защитить тебя. С нами ты будешь в безопасности...

Пока он излагал свои аргументы, Белли совершенно успокоилась, и Толли отпустил ее. Девочка перестала плакать. Лицо ее вновь приобрело выражение ласковой, даже доброй удовлетворенности, хотя Толли побаивался, что она всего лишь притворяется, чтобы освободиться и снова броситься на доктора Кармоди. Сам доктор Кармоди, с опаской поглядывая на буйную спутницу, потряс головой, словно хотел полностью очистить себя от остатков истощного визга, только что переполнявшего фургон, и снова принялся увещевать Толли расстаться с сумасшедшей:

— Это очень тяжкое дело — сопровождать такую особу. Поверьте мне, молодой человек. Очень тяжкое, очень тяжкое...

Толли взглянул на худенькую растрепанную Белли и горестно усмехнулся.

Вдруг остролицый ученик доктора, сидевший в углу с хитрой ухмылкой, крикнул:

— Они едут, хозяин! Вон они!

Их догоняли остальные фургоны той самой бродячей ярмарки.

— Замечательный народ! — произнес доктор Кармоди, кивнув на приближающиеся фургоны. — Это целый мир, молодой человек. Этот мир простодушен; он будет добр к тебе и к твоей... твоей сумасшедшей. Среди нас вы будете в безопасности. Мы укроем вас от ударов и вихрей судьбы, от душевных потрясений, которые ревут и бушуют вокруг!

В переднем фургоне ехали лилипуты, и когда он остановился, двое из них соскочили

на дорогу и побежали к доктору, радостно крича на бегу:

— Даниель! Даниель Кармоди! Какое счастье нам привалило! Посмотри, кого мы нашли! Это просто ужас! Чудовище! Загляни в окно, ты увидишь сам! Мы такие маленькие! Как муравьи! А он? Какой контраст! Посмотри, Даниель! Поразительный контраст!

Сам доктор Кармоди, миссис Кармоди, их остролицый Хэтч — все пошли смотреть на необыкновенную находку и вскоре вернулись молчаливые, с выражением благоговения и ужаса на лицах.

Тогда Толли вылез из фургона и тоже пошел посмотреть, кого это там нашли лилипуты.

Он заглянул в широкое окно лилипутского фургона с гигантской утварью внутри. Лицо его побледнело. Закрыв глаза, он застонал от изумления и знакомого ужаса. С жутким злорадством на него смотрела огромная бородатая рожа Черного Джека!

— Ты, наверно, уж думал, что отделался от меня совсем. А, Толли? Наверно, вообразил, что потерял меня? Да? Ха-ха-ха! Наверно, очень огорчился? Успокойся, дружок! Я ни на минуту не спускал с тебя глаз. Те идиоты пообещали десять фунтов, и я их получу!

Он внимательно посмотрел на мальчика. Фальшивая тревога отобразилась на его страшной физиономии.

— В чем дело, Толли? Ты так побледнел! Неужели испугался? Ты ведь не хотел одурачить бедного Черного Джека? Правда? Того самого Джека, которого ты спас от неминуемой гибели?...

Тут он захохотал, и весь фургон зашатался, заходил ходуном, словно утлый кораблик, попавший в жестокий шторм.

6. Полуночные песни

араван фургонов плыл по зеленому Суррею, подобный древнему "Арго", плывшему в Колхиду в поисках Золотого Руна. Звякала упряжь, покали подковы, скрипели колеса, качались тенты. Лошади медленно брели по дороге. Мальчишки из окрестных усадеб носились вокруг фургонов, крича и строя рожи, словно злые духи, пока далекие голоса не заставляли их вернуться домой.

Порядок следования был таков: впереди, представляя собой, так сказать, нос воображаемого корабля, катился фургон Кармоди; за ним ехали лилипуты; в середине двигался фургон с Тайнами, управляемый таинственным мистером Арбетнотом и его еще более таинственной женой; за ним следовал непонятный фургон, лишенный каких-либо знаков и надписей, который, казалось, однажды прилепившийся к каравану, никогда больше не отстанет от него; и, наконец, образуя собой, фигурально выражаясь, корму этого корабля-каравана, громыхал фургон с треногами для дорожных очагов, котелками и чайниками, а также с "бриллиантами корон всего Востока".

Если в этом корабле-караване и был капитан, то это был доктор Кармоди; хотя миссис Арбетнот из фургона Тайн всегда подозревалась в бунтарских намерениях, потому что предсказывала людям судьбу, но ни разу не предсказала доктору Кармоди процветания или удачи.

— Темный человек прервет твой путь в Бассингстоке, — было ее последнее предсказание во время одной из кратких остановок. — И пока ты считаешь себя первым, доктор Кармоди, ты будешь приносить одни лишь тяготы, беспокойства, неразбериху и путаницу. Предупреждаю тебя!

Доктор ничего не понял и засмеялся над туманным пророчеством, но Толли Доркинг был потрясен до глубины души. Он сразу догадался, кто этот темный человек. Он очень хорошо представил себе неразбериху сломанных рук, ног и ребер и путаницу мозгов, разбрызганных из проломленных голов.

Толли искоса взглянул на доктора, лицо которого сияло надеждой и предвкушением грядущей удачи, в то время как он, привстав на козлах, нахлестывал бегущую во весь опор лошадь.

Должен ли был он предупредить доктора, что за чудовище едет у них за спиной? Он содрогнулся при мысли, что может из этого получиться. Ибо кто из всех населяющих эти фургоны мог противостоять Черному Джеку в самом расцвете его силы и здоровья?

Такие тревожные мысли продолжали мучить его до самого вечера, когда караван закончил свой дневной переход и фургоны, свернув с дороги, остановились в поле на ночлег.

Из того самого ничем не примечательного фургона достали железный решетчатый коробочаг, и скоро в нем весело заплясал огонь, тогда как воздух вокруг наливался темнотой, и тени фургонов вокруг тоже заплясали и запрыгали, словно багрово-золотые привидения... "Арго" стал на якорь.

Те, кому нашлось место, спали в фургонах. Остальные, завернувшись в одеяла, устроились на ночлег где придется, где была посуше земля и погуще трава. Белли положили спать внутри, Толли отправили спать наружу.

Толли не спал. Он лежал, завернувшись в одеяло, устремив глаза на огонь в походном очаге. За огнем следил обитатель того самого необозначенного фургона: он сидел и, глядя в огонь, размышлял, куда пойти и чем заняться, когда его дежурство закончится.

Толли повернулся на спину, посмотрел в небо и тут же вскрикнул. Неба не было. Вместо неба над ним висела страшная рожа Черного Джека.

Тот подкрался очень тихо, не выдав себя ни малейшим звуком. Чудовищная сила и чудовищная осторожность — грозное сочетание, не правда ли? Толли застонал от сознания своей беспомощности. Что он мог противопоставить нависшему над ним страшному человеку?

Черный Джек прижал свой огромный палец к губам, призывая к молчанию, и присел рядом с несчастным учеником драпировщика. Толли следил за его отвратительными руками.

— Карета... Что с нею? — спросил он с трепетом.

В глазах Черного Джека сверкнули отблески костра. Он потер шею, покрутил головой, словно что-то его беспокоило.

— Это мое дело.

— Ты их... убил?

Лицо Черного Джека приняло хитрое выражение. Он покачал головой.

— Они уехали своей дорогой. Но я знаю куда. Так что мы с тобой скоро увидим их и потребуем свои десять фунтов.

В глубине души Толли возблагодарил Бога за то, что те люди в карете смогли живыми и невредимыми отделаться от Черного Джека и сейчас обретаются где-то на земле со своими десятью фунтами, а не под землей с проломленными черепами. Потому что мысль об их смерти от безжалостной руки Черного Джека часто посещала Толли.

Но краткое облегчение, доставленное мальчику непостижимым великодушием убийцы, скоро пропало начисто.

— Эта идиотка, — вкрадчиво заговорил Черный Джек. — Она из частного сумасшедшего до-

ма. Вот туда-то ее и везли. Живая или мертвая — Тс-с! Молчи! — она стоит десять фунтов.

Толли бросил взгляд на темный фургон, в котором “идiotка”, стоимостью в десять фунтов, предавалась мирному сну.

— И что же, мы должны забрать ее отсюда, мистер Джек?

Черный Джек медленно кивнул и угрожающе посмотрел на мальчика. Острая боль наполнила сердце Толли. Не потому, что он хорошо знал, что такое частный сумасшедший дом — его дядя, морской капитан, никогда ему об этом не рассказывал, — но он догадывался, что это должно быть ужасное, мрачное место, где несчастные создания, такие же, как и Белли, быстро чахнут и умирают.

Шум у фургонов прервал их разговор. Это сменился дежурный у огня. Сутулая фигура мистера Арбетнота вышла из фургона Тайн, подобная черному полумесяцу, в высоких ботинках и длинной накидке с капюшоном. Хранитель Тайн готовился к несению дежурства в свой отрезок ночи. Он расшевелил огонь в очаге, подбросил свежих дров; огонь вспыхнул ярче, снова заплясал и запрыгал, посылая в черное небо языки пламени и снопы искр. Там и сям, вокруг очага фигуры спящих шевелились и бормотали во сне; поодаль шумно вздыхали лошади. Чтобы прогнать подступающую дремоту, мистер Арбетнот начал негромко напевать:

Старая леди в старой корзине
Летела по небу над самой луной.

И мальчик, и убийца — оба невольно подняли глаза в небо, но ничего необычного не увидели. Лишь чуть поскрипывал фургон Кармоди, и громкий кашель доносился изнутри.

— Дай ей глотнуть чего-нибудь, — пробормотала миссис Кармоди. — Дай ей сиропу, а то

она разбудит нашу малышку. Боже мой! Дай же ей чего-нибудь выпить!

Кашель у Белли скоро прошел, и она запела хриплым болезненным голосом. Старинная песня проникала в самую душу, но что-то неверное было в ее словах:

За нею лететь я не мог, но спросил,
Зачем она держит в руках — топор.

— Метлу! — раздраженно поправила миссис Кармоди. — Метлу! Она держала метлу! О Господи, Боже мой! Что бы она там делала этим самым топором? Кармоди! Ты слышишь? Топор! Вот это да! У твоей драгоценной идиотки мысли отпетого убийцы! Она придавит нас прямо в постелях! Вот чего ты добьешься: она прикончит нас!

— Спокойно, мадам! — пытался утихомирить жену доктор Кармоди. — Ты разбудишь нашу Кассандру.

— Кассандра! Глупее имени для нашей крошки не придумаешь! И сам ты глупец! Но это тебе даром не пройдет: она тебя погубит, хоть это и слабое утешение для меня, которую она тоже погубит. Она тебе устроит! Твоя великолепная голова уже не будет такой гордой, когда слетит со своих плеч!

— Спокойно, мадам! Эта идиотка, как ты выражаешься, и в мыслях не держит ничего плохого. Этот простодушный ребенок...

— Куда ты летишь в такой высоте?
— Я паутину сметаю с неба...

Белли допела эту маловразумительную песенку мистера Арбетнота, закашляла и замолчала. На некоторое время фургон Кармоди погрузился в сонное молчание. Толли вздохнул и взглянул на своего страшного ночного собеседни-

ка. Черный Джек отполз на несколько ярдов. Его глаза блестели.

— Это что? Это кто? — забормотал он в растерянности — Это пела сумасшедшая, да?

Внезапно Толли осенила странная мысль. Он вдруг понял, что этот могучий детина, этот дикий, безжалостный убийца, который не боится ни Бога, ни Дьявола, ни даже самого палача, — трепещет перед худенькой, слабоумной Белли! У него была слабость! Хвала небесам, у него была слабость, у этого железнорукого беспощадного гиганта!

Черный Джек закусил губу и пристально уставился на фургон. На лбу у него выступила испарина, в красных отблесках очага казавшаяся капельками крови.

Теперь мальчик знал наверняка. Это чудовище испытывало страх. Толли сразу понял, почему Джек отошел подальше. Ни за что на свете этот убийца не захочет даже приблизиться к Белли. Эта сумасшедшая девочка будила в нем неопишемый страх!

Толли почувствовал огромное облегчение. Теперь всю свою жизнь пока эта девочка будет с ним рядом, он, Толли Доркинг, сумеет защитить ее от убийцы. Ему следовало бы улыбнуться или как-то выказать свою покорность этому чудовищу, поскольку Черный Джек, исподлобья глядя на мальчика, угрожающе сжал свои страшные кулаки.

— Ты ведь не пойдешь против меня, Толли? А не то я разможу тебе...

— Но и с тобой тоже не пойду, Черный Джек. Ни я, ни она. Ты не сможешь отправить ее в сумасшедший дом, ни за десять фунтов, ни за десять тысяч!

Черный Джек посмотрел на него со злобным недоверием.

— Она тебя заразила! Ты тоже стал сумасшедшим, как и она! Что можно взять с этой идиотки, кроме десяти фунтов?

Неожиданно Черный Джек опустил кулаки. На искаженном злобой лице его отразилось сочувствие.

— Она задушит тебя, Толли. Однажды темной ночью она перережет тебе горло. Ты этого хочешь, да?

— Не суди о ней по себе, Джек. Это бедное, несчастное существо. У нее силы не больше, чем у мыши...

— Силы? — с трепетом прошептал Черный Джек. — Что может знать о силе такой тщедушный, маленький проныра, как ты? Я вот сильный. Во мне столько силы, столько здоровья! Да я медведя могу убить голыми руками! И все-таки...

Он замолчал. Обычная грубость его манер приобрела тот каменный вид, который так напугал Толли, когда Черный Джек вдруг очнулся в гробу.

— И все-таки... Что?

— И все-таки если ты не заберешь ее отсюда, когда я тебе прикажу, — зловеще произнес Черный Джек, приходя в себя, — то я клянусь всем этим дрянным миром, что изобью тебя до умопомрачения. Я сделаю из тебя кровавую котлету...

У фургонов послышался шум; миссис Арбетнот вышла к огню, держа в руках горшок с едой для своего бодрствующего супруга. Отблески огня заплыли на ее высоко взбитых волосах, так что она, подобно небесным телам со стен ее фургона, показалась на мгновение вспыхнувшей огненной звездой. Она села рядом с мужем, превратившись в его тень, и тихим голосом начала поверять ему свои тайны...

— Ради Бога, Джек... — прошептал Толли, оборачиваясь к грозному бандиту.

Но Черного Джека уже не было. Он растворился в ночной тьме так же бесшумно, как и возник. Толли долго вглядывался в темноту, пытаясь среди неясных теней различить гигантскую фигуру Черного Джека, припавшего к земле и следящего за ним. Он чувствовал на себе его взгляд, его невидимые грозные глаза, никогда не смыкающие век в человеческом сне.

У костра, где сидела чета Арбетнотов, царило молчание. Потом миссис Арбетнот вернулась в фургон, а ее муж, оставшись у огня один, снова замурлыкал какую-то песенку.

И все это время Толли ощущал, как непреклонные глаза Черного Джека сверлят и жгут его из ночной темноты. Но скоро, мало-помалу, сон опустился на него, и все страхи и надежды мальчика скрылись за его волшебной завесой, чтобы, подобно актерам, появиться вновь в необычных и разукрашенных одеждах сновидения...

А пара настороженных глаз сверкала из темноты. Эти глаза видели многое. Так же, как и пара ушей, которая тоже многое слышала.

Хэтч, ученик доктора Кармоди, спавший поодаль, сел на своем одеяле и огляделся. Он внимательно отметил, где расположены его спящие спутники, и куда повернуты лица спящих, и как лежат ночные тени. Он пристально проследил, как гигант беззвучно удаляется в темноту. Взглянув на Толли, он подождал с минуту, затем, словно лис или горноста́й, осторожно пополз вслед за Черным Джеком. Блик огня упал ему на лицо, на мгновение высветив его выражение, скорее забавное, хотя и не без злобы, скорее полное надежды, хотя и искаженное алчностью.

Если он и встретился в ночной тьме с Черным Джеком, то во всяком случае никто не слышал ни слова из их разговора. Но, как бы то ни

было, прошло более часа, прежде чем Хэтч вернулся к своему одеялу, и к прежнему выражению на его хитрой физиономии теперь добавился новый оттенок, который можно было бы принять за веселый, не будь он столь жесток.

Мистер Арбетнот все еще мурлыкал свои песенки, коротая ночное дежурство.

Пойду ли я с тобой?
Конечно. Прямо сейчас.

Хэтч некоторое время пристально вглядывался в фургон Кармоди. Затем снова скрылся в ночной тьме. На его лице мелькнула злобная усмешка...

7. Новая профессия

аступил четверг. Утро выдалось хмурое, безрадостное. Сверху смотрело серое, слезливое небо, словно подавленное тем, что оно видело на земле. Последний дежурный у полугасшего костра — это был владелец фургона с Восточными бриллиантами, старый оборванный жестянщик, — уже собирался уходить, поскольку дежурство шло к концу.

Не в силах удержаться от слез, небо, в конце концов, целиком отдалось своему горю. Было уже без четверти шесть, когда начался дождь.

Огонь зашипел, затрещал и вскоре испустил дух в виде последней струйки дыма, когда наш "ювелир всех корон Востока" возвратился в свой фургон, под бок своей посапывающей супруги, которая во сне тихонько позванивала браслетами — она вот уже несколько лет попросту не могла их снять.

Те, кто спал снаружи, изрядно промокли, прежде чем проснулись. Ежась от холода и сырости, путешественники торопливо сворачивали свои одеяла и разбегались по фургонам.

Один Толли никуда не торопился. Глубоко погруженный в крепчайший сон, он не ощущал сырости, пропитавшей одеяло. Ни капли дождя, падавшие ему на лицо, ни свет наступившего утра, — ничто не могло пробудить его. Где бы он во сне ни пребывал, это местечко, по всей видимости, было для него приятнее и надежнее, чем брэнная земная юдоль. Он счастливо улыбался во сне, как будто на свете не существовало и в помине таких ужасных существ, как, например, Черный Джек или “Бедное создание”, жалость к которому, между нами говоря, глубоко запала ему в сердце. Даже самая главная причина его долгого ночного бдения — ощущение чужого взгляда из темноты, — даже это тягостное чувство не омрачало его счастливого сна. Этот сон был для него благодатью. А, между тем, этот взгляд из редееющего ночного мрака, острый, враждебный, пронизательный, — все еще следил за ним.

Дождь пошел сильнее и теперь уже звонко барабанил по брезентовым тентам фургонов. Толли начал ерзать и метаться во сне, словно готовился плыть по вдруг нахлынувшим на него волнам.

— Убрать марсель! — закричал он вдруг. — Оставить реи! Мы тонем, мы тонем!..

Наконец, проснувшись, он вскочил с колотящимся сердцем и очумело уставился на мокрую траву вокруг и разведенную дождем грязь под колесами воображаемого им “Арго”, промокшего насквозь под проливным дождем. Но скоро он пришел в себя. Настороженно оглядевшись, он убедился, что Черного Джека поблизости нет. Он опасался, что ночной спор с этим чудовищем

только ожесточит того, и бандит будет действовать, не останавливаясь ни перед чем, даже перед самой сумасшедшей Белли.

Черный Джек не показывался. И все же у Толли не проходило ощущение, что бандит наблюдает за ним. Но где он притаился? Все, кто спал на траве, попрятались от дождя по фургонам. Вокруг не осталось ни одной живой души. Огонь давно умер в своей железной клетке, и фургоны уныло стояли поодаль. Забрызганные грязью, они выглядели очень грустно с их очаровательной позолотой, полуразмытой потоками дождя. Фургон Тайн со всеми своими кометами, звездами и полумесяцами казался забытым сном ребенка, который давным-давно вырос, а может быть, успел уже и помереть.

Фургон доктора Кармоди выглядел не более привлекательно. Даже имя доктора, нарисованное большими буквами на брезентовом боку, казалось, вот-вот будет смыто ливнем.

Толли вздохнул и выбрался из-под своего промокшего одеяла. Вспомнив вчерашнее свое ощущение, он оглянулся вокруг, надеясь, что эти невидимые глаза, следившие за ним всю ночь, чудом окажутся глазами Белли. По крайней мере, ему вдруг показалось, что эти глаза прячутся под тентом фургона доктора Кармоди. Но, когда он осторожно постучал в стенку фургона доктора Кармоди и сказал: "Это я, Толли Доркинг! Я промок насквозь!" — ему ответила совсем не Белли. Вместо ответа внутри послышалось сонное похрапывание; затем брезентовый полог раздвинулся и наружу выглянула голова доктора. Настроение у Толли, и без того подавленного непогодой, упало еще сильнее. Он тут же забыл о всяком вдохновении, которое прежде видел на лице доктора Кармоди. Теперь на него взирала кислая физиономия докто-

ра, крайне недовольного тем, что нарушили его прудутренный сон.

— Входи, юноша, входи! — пробурчал доктор, открывая полог пошире, чтобы Толли мог пролезть внутрь со своим мокрым одеялом. В тусклом утреннем свете Толли мельком увидел смятую постель, ночные рубашки и резвые босые ноги застигнутой врасплох миссис Кармоди за шторой, разделяющей фургон надвое.

— Скажите, Белли... — нерешительно начал было Толли, но доктор подмигнул ему и сказал:

— Спит, как счастливое дитя, мой мальчик! Идиоты, знаешь ли, обладают замечательной способностью... достойной самого тщательного изучения... Это удивительно... Великая тайна... Неизведанные глубины... Да, в самом деле...

Эти островки речи, архипелагами всплывавшие в его разговоре, были отнюдь не свойственны его натуре глубоко последовательного человека. Причина была в миссис Кармоди, которая, торопливо одеваясь за шторой, неосторожно наступила на Кассандру и повергла ее в ужасающей силы рев, прерывавшийся только на краткие мгновения, достаточные, для нового вздоха. Только в эти мгновения и можно было услышать доктора.

Тут проснулась сумасшедшая Белли и, обнаружив себя в столь жуткой обстановке и вообразив себя потерявшейся, принялась громко звать в крайнем отчаянии.

— Толли, Толли!

— Я здесь, Белли! — нетерпеливо закричал Толли. — Ты жива? Я здесь, здесь!

Он забрался в фургон, и доктор Кармоди, пожав плечами, закрыл за ним брезентовый полог плотнее, чтобы дождь и ветер не проникали внутрь. Но даже и тут Толли не мог избавиться от ощущения, что за ним следят, причем следят именно здесь, прямо в фургоне.

Полумрак внутри фургона был густ от кислосладких запахов сумасшедших, детей, теплого сна, а также от суматохи, которая скоро превратилась в ад крошечный. Доктор обо что-то споткнулся в темноте и упал прямо в корзину, но все-таки не прекратил своих мудрых и в высшей степени достойных рассуждений, хотя слова его все реже и реже достигали слуха из-за поднявшегося гвалта. Белли, услышав голос Толли, пришла в необычайное волнение и принялась рваться к нему, едва удерживаемая руками миссис Кармоди, которая, обладая очень тонким чувством приличия, хотела сначала надеть на девочку хоть что-нибудь.

— Куда ты, голая! — кричала она, стараясь задержать занавеску. — Ах, бесстыжая! Назад! Вернись!

— Толли! Толли! — не слушая ее, вопила Белли. — Я не стану надевать зеленое! Он не любит меня в зеленом!

— Что случилось? Где твоя одежда?

— Толли! Толли!

Тут на мгновение из-за шторы выглянула встревоженная мордашка девочки, мелькнули ее голые руки, но тут же ее схватили сзади, и штора задернулась.

— Ах ты, неряха!

— Нет! Только не это! Ему не нравится такое! Толли!...

— ...ороговение брыжейки! — закончил свою фразу доктор, потрясая указательным пальцем перед носом Толли; его голова опускалась и поднималась в такт с его голосом, возникающим и исчезающим в общем гаме и воплях, несущихся из-за шторы, которые, казалось, были слышны на двенадцать миль вокруг. — ..двенадцать бутылок за один и девять!...

— Ну вот! Перевернул корзину! — заорала миссис Кармоди на мужа. — Все вывалил на пол!

— ..два яйца в сахаре!... — возник голос доктора Кармоди и тут же снова утонул во всеобщем гвалте.

— ..зарылся, словно крот! — орала миссис Кармоди, пытаясь перекрычать сумасшедшую девочку.

— Толли! Толли! Моя шаль пропала! Моя чудесная кружевная шаль! Это все подстроено!

— Ничего подобного! Выбрось из головы! Никаких шалей тут не было и в помине! Ну, что еще?..

— А мой муслин? Мой узорчатый муслин? Его нет! Он бы так ему понравился!

— Когти — ну прямо как у кошки! — глубоко-комысленно констатировал доктор Кармоди.

— А красный пояс? Он тоже пропал!

Теперь уже и маленькая Кассандра, чувствуя себя незаслуженно забытой, заорала, что было мочи, требуя материнского внимания. При таком реве счастливый отец, доктор Кармоди, вскочил было с криком: “Маринованная сельдь!” — и тут же рухнул обратно.

И тут, подобно роковому утесу, ожидающему свою жертву во мраке бушующего моря, сама Белли испустила крик гнева и удивления. Крик ее был ужасен. Безутешный, обескураженный, он сразу заставил замолчать всех, и в мгновение наступившей тишине стал слышен шелест дождя по крыше фургона.

— Смотрите! Смотрите! Фургон все пожирает! Все мои платья! Все! Все!

— Белли! — закричал Толли и бросился за штору.

На полу, среди разбросанных вещей, платьев и смятых коробок сжалась в комочек совершенно голая Белли. Вцепившись обеими руками, она тянула к себе коричневое платье, которое уже было совсем исчезло в щели между досками пола.

— Толли! Толли! — вопила она. — Смотри! Фургон съел мое платье! Куда ты меня привел?! Что ты сделал с твоим “Бедным созданием“?!

— Ах ты дрянь! — заорала миссис Кармоди, пытаясь прикрыть своими юбками наготу сумасшедшей, настолько худой, что, казалось, кости ее вот-вот прорвут бледную тонкую кожу.

Но глаза Толли были прикованы вовсе не к Белли. Его глаза пристально следили за тем, как в щели между досками исчезает одежда девочки. Он вовсе не был сумасшедшим, как Белли, и поэтому сразу понял, в чем дело. Для него не существовало фургонов, которые питались бы вещами. Наверняка там, внизу, под фургоном, кто-то был!

Мягкие сердца легко воспаляются. И когда они загораются, огонь их ярок и страшен.

Вежливый, деликатный Толли, увидев жалкую, худую, невытую сумасшедшую девочку, которая, скорчившись на полу, отчаянно боролась за остатки своего жалкого гардероба, пришел в неопишемую ярость. Он выпрыгнул наружу прямо в грязь и нырнул под фургон. Между передней и задней осями он увидел нечто вроде подвесного гамака. Толли сразу понял, что в этом гамаке и спрятался тот, чьи глаза неотступно следили за ним всю ночь. Еще Толли увидел длинный крюк, согнутый из толстой проволоки, просунутый снизу в фургон меж досок настила. Из этой же щели в гамак быстро стекала последняя добыча — коричневое платье, которое Белли была уже не в силах отстоять.

Это оказался Хэтч. Он так увлекся своим занятием, что слишком поздно заметил разъяренного Толли. В испуге он заорал, чтобы Толли не приближался к нему, а не то он “выпустит ему кишки своим острым кинжалом и перережет ему

глотку!“ Но Толли, не обращая внимания на угрозы, ухватил мерзавца за длинные рыжие патлы и выволок из-под фургона прямо в грязь, под проливной дождь.

И тут между ними началась жестокая драка. Толли просто пылал гневом. Хэтча же обуревало холодное стремление укротить этот гнев, и он думал только о том, как бы изловчиться и достать свой нож, свой маленький острый нож. Если бы только ему удалось достать его!

Они катались в обнимку по мокрой траве рядом с фургоном и лупили друг друга кулаками, локтями и коленями, еще больше разгораясь яростью от получаемых тумачков. Они дрались, рыча, как звери, а дождь поливал и поливал их, вонзая им в спины свои крошечные серебряные стрелы.

Их яростные крики разбудили всех, и из фургонов уже выглядывали заспанные лица их обитателей. Жена “ювелира корон“ в недоделанной диадеме, пьяно сползшей на ухо, разинув рот, глазела на дерущихся мальчишек. Мистер Арбетнот, выглядывая из-за своего полога, без сомнения понял, что происходит, но хотел окончательно убедиться в своей догадке. Наконец и чета Кармоди, организаторы всего этого действия, выглянула из своего фургона и воззрилась со страхом и изумлением на сцепившихся в придорожной грязи в яростной потасовке мальчишек. Одна лишь Белли, ненормальная Белли, завернувшись в простыню, смотрела на все это с идиотским восторгом в глазах. То улыбка радости, то гримаска огорчения набегали на ее подвижное лицо, в зависимости от того, кто из дерущихся — Толли или Хэтч — оказывался сверху. Ни один рыцарь со всеми своими подвигами не смог бы так безоглядно овладеть ее вниманием.

— Толли! Толли! — завопила она, и Толли, привлеченный ее криком, на мгновение ослабил хватку, чем немедленно воспользовался изворотливый Хэтч. Его нож моментально вынырнул из своего укрытия. Толли не успел даже как следует разглядеть, что это такое блеснуло в руке у противника. Он просто почувствовал, как холодная сталь жаждет впитаться ему в бок. Еще секунда промедления, и нож без сомнения вонзился бы в него. Вдруг ослабев, он свалился с Хэтча, сам удивленный своею слабостью. Хэтч, пользуясь его замешательством, неожиданно плюнул ему в лицо и тут же оказался сверху.

— Толли! — завопила Белли, и Толли, отдавая себя на милость Создателя, из последних сил треснул своего врага лбом прямо в острый нос.

Хэтч взвизгнул.словно целый фургон с тайнами, полный звезд и планет, вдруг взорвался у него в глазах и разлетелся вдребезги. Очухавшись, он увидел над собой окровавленное лицо Толли.

Ничего не ощущая, кроме ужасной боли в носу, захлебываясь кровью с еще мелькающими в глазах осколками разлетающихся звезд, Хэтч пощупал вокруг себя руками — ножа не было. Он потерял свое оружие. Но вдруг изумленный Хэтч увидел, как гордое счастливое лицо победившего Толли взлетело куда-то вверх и исчезло!

— Не трожь его! — раздался грозный рык. Это был Черный Джек. Схватив Толли за шиворот, он сдернул его с поверженного, полуживого от боли Хэтча и отшвырнул, как котенка, в сторону.

— Не трожь его! Он мой друг!

Битва закончилась. Ее остановил мрачный, как сама судьба, Черный Джек, который вылез на шум из лилипутского фургона. Он вмешался в драму словно "Бог из машины" и удалился обратно в свой фургон, бросив на окружающих

угрюмый взгляд. Со слезами обиды на глазах, Толли смотрел вслед тому, кто так безжалостно разрушил его триумф, унизил его победу. В этот момент он всем своим сердцем, всей душой возненавидел Черного Джека.

Пошатываясь, он встал на ноги и направился к фургону Кармоди, чувствуя боль во всем теле. Он был так измучен и душой, и телом, что едва ли понимал, куда исчез и где спрятался его спасенный противник. По пути он подбирал платья Белли, отряхивал их от грязи, но больше размазывал, чем чистил. Потом он направился прямо к девочке и положил к ее ногам добытые в столь жестокой схватке трофеи. И столь мокрого и перепачканного рыцаря еще не бывало в целом свете, как не бывало и дамы, столь ему благодарной.

Идиотка в приступе восторга захлопала в ладоши, а по щекам ее градом катились слезы счастья и гордости за своего рыцаря.

— Толли! Толли! — растроганно повторяла девочка. — Неужели все это ради меня?

— Это оказался обыкновенный воришка, — с достоинством, но не без самодовольства отвечал ей Толли. — Самый обыкновенный воришка, и ничего больше. Никого не бойся. Вот твои платья...

Она взяла свою одежду и, вызывающе посмотрев на миссис Кармоди, удалилась в фургон, чтобы спрятать свои разоренные сокровища и помечтать о своем, изрядно поколоченном защитнике.

И все же радость ее была неполной. Ее чудесная кружевная шаль так и пропала, и ничьи уговоры не могли убедить ее в том, что эта шаль ей приснилась, сплелась чудесным кружевом лишь в ее больном воображении.

— В этом я усматриваю весьма и весьма тревожный симптом! — значительно объявил доктор Кармоди, выслушав ее бред о чудесной шали. —

Это нечто подобное ее видениям черной башни с золотой крышей. Впрочем, не все потеряно, дорогой мой Толли, — обнадежил мальчика доктор, заметив болезненно стардальческое выражение на его лице. — Хотя основания для тревоги весьма и весьма значительны, — закончил он свою тираду на грустной ноте.

Толли закусил губу. Страдало не только его избитое тело, — страдала его уязвленная душа, в которой, не умолкая, звучали жалобы полупомешанной девочки.

— Неужели мы... не сможем сделать ее... счастливее? — спросил он.

Доктор пристально посмотрел на него. Взгляд его неожиданно сверкнул. В глазах у Толли затеплилась надежда. Что-то во взгляде доктора сказало ему, что знай он язык врачебной науки...

В одиннадцать часов дождь, ливший не переставая с самого утра, наконец кончился, и выглянуло солнце. И "Арго" — караван фургонов — начал готовиться в путь. Привели и запрягли лошадей. Толли надел хомут на Стрикера, солидного, спокойного мерина, так как Хэтч, в обязанности которого входило запрягать и распрягать коня, так и не вернулся. Скоро все было уложено, все ремни туго затянуты, а веревки прочно завязаны. Все были готовы к отправлению.

— На юг! — воскликнул доктор. — На юг, в Суссекс!

А Хэтча все еще не было.

— Будь он честен, я бы на прощанье пожелала ему добра, — заявила миссис Кармоди и, глянув на пустой гамак, пнула его ногой. — Но, куда бы ни направился этот хитрюга, этот испорченный маленький плут, везде он прине-

сет несчастье. Знаешь, Кармоди, между нами говоря, мне он никогда не нравился. И с твоей стороны было весьма не умно записывать его мне в сыновья.

После полудня фургоны уже стояли на дороге. Кармоди предводительствовал всему каравану, а претендующие на главенство в этом маленьком сообществе Арбетноты двигались в середине, снова и в который уж раз одураченные превосходящей все мыслимое и немислимое на свете хитростью и дальновидностью миссис Кармоди. Доктор тронул Толли за плечо и с осторожной улыбкой на лице отвел его в сторону.

— Мой дорогой, мой юный друг! — начал высокопарно доктор. — Настал твой час. В твою дверь постучала удача. Даже, смею сказать, счастье! Впусти же ее, мой мальчик! Не прогоняй ее!

Толли в удивлении уставился на доктора. Кармоди поднял руки к своей великолепной голове и затряс ею, словно хотел вытрясти из нее обуревавшее его волнение.

— Вакансия! У меня есть для тебя вакансия!

Толли подумал, что доктор имеет в виду долю своей собственности, но тут же прогнал эту мысль как недостойную.

— Такое выгодное ученичество! Ни платы за обучение, ни определенных обязанностей! Это как раз для тебя, мой мальчик! Это твое! Какой прекрасный шанс! Я обучу тебя всему, что знаю сам. Все! А после мы вместе с тобой, дорогой мальчик, пройдем по этому мрачному миру и развесим свою мишуру на каждом встречном дереве! Рука об руку, мой мальчик!

Руки доктора, переплетаясь пальцами, воздвиглись еще выше, и Толли с сомнением подумал, что доктору для ходьбы рука об руку неплохо бы иметь третью руку, потому что обе имеющиеся были заняты.

— Профессия, достойная короны! И ты будешь самым сверкающим бриллиантом в этой короне! Это воля Господа! Господь мне послал тебя! Тебя и твою несчастную идиотку! Ха-ха-ха...

Доктор едва сдерживал распиравшую его радость в предвкушении открывающихся перед ним перспектив.

Смушение и сомнение обуревало Толли. Он словно оказался на берегу моря, безбрежного и дикого и в то же время прекрасного, как и то, любимое им море, омывающее берега Суссекса

Если он пустится в плавание по жизни на этом олицетворенном караване фургонов "Арго", то что он оставит в прошлом? Конечно же, своего дядю, морского капитана. Да еще надежды на почтенное существование торговца. По сути дела, профессия доктора Кармоди тоже торговля, но почтенной ее назвать не решился бы никто в целом свете. Интересная профессия... Может быть, это и так. Даже замечательная. Но благополучная ли? О, нет! Он затрепетал, представив себе, что скажет его честный и порядочный дядя, морской капитан, когда узнает о новой профессии своего племянника.

Но ветер, дующий в паруса "Арго", пока был попутным, а на борту "Арго" находилась хрупкая сумасшедшая девочка, чьи глаза загорались огнем, когда она смотрела на него, и чьей единственной защитой от сумасшедшего дома остался он, Толли...

— Ну, что, мой мальчик? — нетерпеливо спросил доктор, и в этот момент его величественное лицо, казалось, принадлежало сонму небесных ангелов, а вовсе не этому тщедушному телу. — Ну? Идешь со мной дорогой славы?

Толли кивнул, и доктор прямо-таки засиял от восторга.

— Он с нами, миссис Кармоди! — крикнул он жене и ткнул рукой в пропитанный дорожной пылью гамак под фургоном, где еще недавно спал Хэтч.

— Он твой! Теперь он твой! Совершенно бесплатно, мой мальчик!

Доктор залез в фургон и протянул руку своему новому ученику. Толли, ухватившись за его худую, но жилистую пятерню, влез внутрь. И в этот момент, когда он вступал под тент фургона в новом качестве, что-то мелькнуло в его сознании, что заставило его усомниться в правильности сделанного выбора. Он увидел фургон лилипутов. В его широком окне он заметил огромную и страшную рожу, так хорошо и так печально ему знакомую. Черный Джек пристально наблюдал за ним. Толли посмотрел на него с пренебрежением и насмешкой, но гигант остался невозмутим. Его глаза светились добротой. Он смотрел сквозь Толли, словно замороженный. Он смотрел куда-то вдаль, как будто был мыслями с каким-то другим мальчиком. С мальчиком, который направлял свой путь не на юг, а на север, может быть, даже в Ислингтон, исполняя его, Черного Джека, приказ...

8. Визит дьявола

итчел, кучер и санитар по совместительству в сумасшедшем доме доктора Джонса, был напуган не на шутку. Тем не менее, он все-таки не рискнул отменить исполнение последней из своих ежевечерних обязанностей, состоявшей в осмотре всех запоров, замков и засовов мужской половины дома. После чего, с белым лицом и дрожащими руками, он спустился в прихожую.

Здесь каждый день ровно в девять вечера он встречал свою жену, миссис Митчел, экономку, кухарку и надзирателя по совместительству для пациентов женского пола вышеуказанного дома, без затруднений воплощавшую все эти роли в одной своей особе. Она спускалась в прихожую после того, как исполняла свои служебные обязанности в женской половине дома. Затем вместе они должны были доложить доктору Джонсу и пастору Холлу, ожидавшим в гостиной, что все в порядке или не все в порядке, — словом, доложить в любом случае. И уж после этого они имели право удалиться на отдых в свои комнаты, располагавшиеся в подвальном этаже.

— Слава Господу, ты пришла! — прошептал Митчел, когда появилась его жена со светильником в руке и “Книгой Записей” под мышкой. — Я только что видел дьявола!

— Где? — воскликнула неприятно удивленная миссис Митчел. Десять лет жизни среди сумасшедших убедили ее, что смертный человек воображает больше, чем видит на самом деле.

Это была полная женщина с круглым лицом в кружеве седых локонов. Хотя она была и твердого характера, а иногда и попросту грубоватой, хотя она могла и пригрозить и накричать, хотя, ничтоже сумняшеся, делила своих буйных подопечных на любимчиков и изгоев, — тем не менее, существовало сильное подозрение, что сердце у нее из чистого золота. Во всяком случае, из очень похожего металла.

— Так где же? — спросила она мужа.

— В окне, на первом этаже. Там я видел его. Это в той комнате, где сидят на цепи два виноторговца.

— Может быть, это они увидели дьявола? Всем известно, что чертей у этих несчастных хоть отбавляй. Они их видят каждый божий день.

— Я пока еще не сумасшедший, дорогая! — запальчиво возразил Митчел. — Этого дьявола я видел собственными глазами!

— А кто говорит, что ты сумасшедший? — успокоила его супруга. — У тебя есть полное право видеть любую нечисть, как и всякую живую душу.

Дело в том, что миссис Митчел широко смотрела на вещи и считала, что, собственно, сумасшедших не бывает. “Черт возьми! — негодовала она порой. — Да они такие же больные, как и мы с вами! Несчастные создания! Все, что им нужно, так это немножечко ласки. И строгость, конечно. Не следует потакать их безобразиям. А не то они еще перережут вам горло, как только повернетесь к ним спиной”.

— Вот он! Вот он, опять!

Митчел, вытаращив глаза, указал пальцем на окно перед лестницей. Действительно, там виднелась какая-то неопределенная рожа, которая в этом мрачном заведении могла заставить кого угодно поверить во что угодно. Чумазая, препротивная рожа прижалась к окну так плотно, что даже ее острый нос расплющился о стекло. Поняв, что ее заметили, рожа оскалила мелкие острые зубы, и ее острые глазки засверкали, словно дверные глазки, за которыми, казалось, скрывалась обитель зла.

— Так это всего-навсего мальчишка! — с облегчением воскликнула миссис Митчел. — Наверное, воришка какой-нибудь. Пойдем на улицу, поглядим. Может быть, мы его поймаем.

Загадка оказалась на удивление простой. Действительно, открыв дверь, они увидели на крыльце мальчишку.

— Я Хэтч, — выпалил он. — Я пришел к доктору Джонсу.

— Что ты там делал у окна?

— У которого? — ухмыльнулся он. — Я обошел все ваши окна, до которых дотянулся. У вас тут есть на что поглядеть, честное слово!

— Ага! Так ты, значит, шпионишь за нами? — воскликнула миссис Митчел и кивнула мужу, чтобы запер за мальчишкой дверь.

— Шпионю? Ну что вы, мадам! Только любопытствую, будучи и сам некоторым образом причастен... Потому что, видите ли, мадам, я кое-что знаю... о "Бедном создании", которое потерялось, когда его везли в карете...

Тут Хэтч сунул руку за пазуху и вытянул уголок забрызганных грязью кружев.

— Это шаль "Бедного создания". Взгляните! Вот ее имя. "Картер". Очень отчетливо написано, чернилами. Но мы зовем ее Белли. Белли Картер. Потеряна во вторник, найдена в среду, а сегодня пятница!

— Пойди скажи доктору, Митчел! — торопливо приказала мужу миссис Митчел. — Скажи ему, что есть новости.

Митчел удалился, а его жена кивком пригласила Хэтча к двери слева от лестницы.

— Подождите здесь, мистер Хэтч. Доставьте дамам удовольствие. Им нравится принимать гостей.

Она отперла дверь и подняла выше свой светильник. В комнате стоял тяжелый запах, хотя и не многим тяжелее, чем во всем остальном здании. Миссис Митчел поставила светильник на тяжелый прочный стол, который, не считая одинокого стула, был единственным украшением комнаты, и положила рядом свою "Книгу Записей".

— Эй, Полли! — позвала она. — К тебе пришел молодой человек!

С любопытствующей ухмылкой Хэтч рассматривал "дам". Их было две. Они были очень старые. Тонкие цепочки от каждой из них тянулись к колокольчикам на тяжелой подставке, похожей на подставку для каминных щипцов. Позади женщин, у стен, кучей грудились их грязные смятые постели. Одна из них, очевидно, Полли, кивнула миссис Митчел и с удивлением уставилась на Хэтча. Это была дряхлая, согбенная годами старуха с криво торчавшей из старческих костлявых плеч головой.

— Привет, Полли! — сказал Хэтч.

Но Полли, почувствовав издевку в насмешливом голосе Хэтча, отвернулась с видом, полным достоинства.

— Полли, поставь чайник на огонь! — приказала миссис Митчел.

В ответ на это помешанная кивнула и медленно заковыляла к черной подставке, с опаской держа в руке воображаемый чайник.

— А теперь, Сьюки, убери чайник! — приказала миссис Митчел другой помешанной.

Сьюки выползла из своего угла, желтолицая, грузная, с потухшим взглядом. Она приблизилась к чугунной подставке и с великой осторожностью, боясь обжечься, сняла с холодной полки поставленный ее компаньонкой чайник.

— Ласковое обращение творит с этими несчастными настоящие чудеса! — не без гордости шепнула Хэтчу миссис Митчел. — Нет, правда, они такие же нормальные, как и мы с вами. Понимают каждое слово. Удивительно! Немного ласки, и они будут есть прямо с вашей ладони. Но, конечно же, надо следить за ними, а то еще откусят вам палец. Эй, Полли, поставь-ка чайник еще разок! А ты, Сьюки, сними!

И несчастные создания, еле двигаясь, вновь повторили свой жалкий номер, ничуть не сму-

щаясь тем, что чайник только что уже побывал на огне.

— Осторожнее, Сьюки! Там кипяток! Осторожнее, дорогая!

Миссис Митчел с гордостью и удовольствием посмотрела на Хэтча.

— Я думаю, это лучше всего показывает ясность их ума! Это просто замечательно! Ох, Сьюки! Сьюки! Ты же опрокинула чайник с кипятком! И прямо на Полли!

Услышав это, Полли тут же испустила душераздирающий вопль, словно ее в самом деле обварили кипятком. Схватившись за якобы ошпаренную ногу, она принялась охать и стонать.

— Меня ошпарили! — жаловалась она с гримасой боли на сморщенном лице.

Толстая Сьюки бессмысленно смотрела на компаньонку, не чувствуя никакой вины.

— Она теперь будет стонать целый час. Да, да! Она достаточно умна и понимает, что значит ошпариться кипятком. Хорошо, хорошо, Полли! Я дам тебе целебной мази, дорогая!

Миссис Митчел вновь обернулась к восхищенному до глубины души Хэтчу, который думал в эту минуту о том, что рано или поздно идиотка из фургона Кармоди попадет именно сюда.

— Подождите здесь минутку, мистер Хэтч. Я схожу за “мазью” для этой несчастной, — подмигнула миссис Митчел. — Она такая хитрая! Так просто ее не обманешь, придется выйти.

Миссис Митчел вышла, оставив Хэтча наедине с двумя сумасшедшими и “Книгой Записей”.

Хэтч был более склонен к педантизму, нежели к состраданию, поэтому он, совершенно игнорируя скулящих помешанных старух, не тратя ни секунды, бросился к столу и раскрыл “Книгу Записей”.

И тут перед ним открылся совершенно иной мир. Священники, виноторговцы, костоправы, старые девы и жены фермеров, — все они были занесены в узкие графы главной книги этого дома твердой рукой миссис Митчел. И за содержание каждого из них было заплачено — стояли суммы! — родственниками, опекунами либо другими заинтересованными лицами, самыми ближайшими, если не самыми дражайшими. Чьи-то братья и сестры, чьи-то дядья и мужья, племянники и прочее, и прочее... Была в тех списках и Полли Ушер, вдова — уплачено пятьдесят фунтов замужней дочерью. Была там и мадам Сюзанна Вери, тоже вдова — за содержание уплатил ее сын. Содержание, уход, лечение...

Вдруг острые глазки Хэтча сделались еще острее. Он увидел имя “Белли Картер”, ребенок. За содержание уплатил мистер Картер из Райгита; уплатил пятьдесят фунтов! Содержание, уход!

Он захлопнул “Книгу”. Его осенила идея. Перспективы одна радужнее другой вставали перед ним. Хотя этот клоун-громила рассказал ему все о частном сумасшедшем доме (и даже строгонастрого наказал ему непременно добраться сюда и условиться о помешанной девчонке), Хэтч все-таки сомневался, что она могла стоить больше этих жалких десяти фунтов. Но теперь он знал точно. Такая удача ему и не снилась! Его бойкий ум молниеносно перебрал все варианты, и Черный Джек сразу же выпал у него из игры, словно мертвый, никому не нужный камень.

Вернулась миссис Митчел; Хэтч постарался скрыть волнение.

— Доктор и пастор Холл вас примут прямо сейчас, мистер Хэтч, — сказала миссис Митчел и принялась успокаивать своих расшумевшихся пациентов, а ее муж тем временем повел Хэтча в гостиную к доктору.

— Вот он, Хэтч, — объявил Митчел, распахивая дверь. Затем он удалился, а доктор, с ногой в лубке — падая из кареты, он сломал ногу, — принялся разглядывать позднего гостя.

— О, да ты уже взрослый! Я представлял тебя другим. Тебя послал тот самый гигант?

— В общем-то да, — неопределенно ответил Хэтч, с почтением озирая богатое убранство гостиной. — И в то же время, нет.

Забинтованная рука пастора Холла висела на перевязи, прижатая к самому сердцу, словно он в каждом слове клялся говорить только правду и ничего, кроме правды. Взглянув исподлобья на Хэтча, он строго спросил:

— Так поймал он ее или нет, в конце концов?

Хэтч ухмыльнулся и почесал свою грязную голову.

— Может быть, да... И опять же, может быть, и нет.

— Что это значит? — подняв брови, спросил доктор.

— Хорошо. Скажу вам прямо, — кивнул Хэтч. — Сдается мне, мы сделали ошибку, джентльмены. Похоже на то, что я гонялся за химерами и зря побеспокоил вас.

Тут его физиономия приняла выражение искреннего огорчения. Но пастора Холла трудно было обвести вокруг пальца.

— Продолжай, — спокойно предложил он. — Почему ты считаешь, что вы сделали ошибку?

— Ну что ж, джентльмены... — Хэтч задумался, словно собирался с мыслями. — Хотя мы и поймали эту самую идиотку, которая откликается на имя Белли и носит шаль с меткой “Картер”, я все же заглянул в вашу “Книгу Записей” и узнал из нее, что вы уже поместили в свой, ну скажем, пансионат, какую-то идиотку с тем же именем и на ее содержание уже получили пятьде-

сят фунтов. Надеюсь, вы понимаете мое недоумение? — Он вздохнул и возвел очи к потолку, словно давал джентльменам возможность проникнуться его недоумением и собраться на досуге с мыслями. Помолчав, он продолжал: — Таким образом, джентльмены, во избежание недоразумений и сердечных разочарований, я буду вынужден покинуть вас и отправиться в Райгит к Картерам. Может быть, они прольют хоть немного света на эту тайну. А может быть, у них была не одна, а целых две идиотки?

Едва закончив свою тираду, Хэтч заметил, как доктор и пастор обменялись быстрыми ошеломленными взглядами, как будто хотели что-то спрятать, но не знали, в какое место лучше положить. Хэтч тут же заподозрил, что напал на жилу, во много раз богаче, чем даже мог предполагать.

— Ты мерзавец! — вдруг громко произнес пастор. Он устремил свой гневный взор на ангельскую физиономию Хэтча. Его пророческие глаза хорошо умели освещать самые темные закоулки человеческих душ, но сейчас они просто утонули в непроглядной черноте.

— Кто? Я? — округлил невинные глаза Хэтч. — А что я такого сделал? Пришел сюда и высказал свои сомнения, только и всего!

Теперь уже рассердился сам доктор и начал орать на мальчишку. Он называл гостя такими именами, которые пробили бы и более толстую шкуру, чем бледная с рыжими веснушками кожа Хэтча. Но мальчишку, казалось, ничто не могло оскорбить. Он стоял на своем и отвечал лишь одно: ему нечего терять, кроме своего доброго имени... — которому, чувствовалось, он уже знал цену.

— Сорок фунтов! — с учтивой отчетливостью произнес Хэтч, когда доктор, наругавшись вдоволь, успокоился и отдышался от крика.

— Что?! — выпучил глаза доктор.

— Сорок фунтов, джентльмены, и я не пойду в Райгит.

Хэтч в ожидании хладнокровно смотрел на, казалось, потерявших дар речи собеседников, хотя сердце его бешено колотилось в груди от собственной смелости. Был ли он готов тащиться в такую даль, в этот чертов Райгит? Доктор с пастором снова ошеломленно переглянулись, и надежды Хэтча птицей вспорхнули вверх. В перепуганных глазах доктора он увидел свое золотое будущее.

— Сорок фунтов! — твердо повторил Хэтч. — Как видите, джентльмены, я не жадный. Я оставляю вам целых десять!

Доктор, ошалеv от столь очевидной наглости, ничего не мог произнести и лишь свирепо взирал на Хэтча, а пастор прямо-таки жег его взглядом. Все напрасно. Хэтч только улыбался.

В яростном, но бессильном отчаянии пастор взглянул на доктора. Это маленькое чудовище загнало их в ловушку. Единственное, что мог теперь сделать пастор, это молиться Господу. Не было угрозы страшнее для их благополучия, нежели дурная слава. Любое разглашение тайны, вызванное хотя бы даже этим ничтожным Хэтчем, не сулило им ничего хорошего. Единжды пристав, грязь может испачкать самые чистейшие ризы. И Хэтч, в свою очередь, действительно мог вызвать целую бурю возмущения, которая просто-напросто уничтожит все благополучие этого дома. Они содрогнулись, вообразив себе масштабы катастрофы, если станет известно, что добрая половина пациентов, чье содержание щедро оплачено родственниками и определено как "весьма комфортабельное", на самом деле вот уж много лет весьма комфортабельно лежит в земле. И за их маленькие деревянные, проеденные червями комнатки их ближайшие (если не их

дражайшие) до сих пор платят по пятьдесят фунтов в год.

— Сорок фунтов, ты говоришь?..

Хэтч кивнул.

— И ты... И ты приведешь ее сюда?

Хэтч просиял.

— О, джентльмены! Не хотите же вы, чтобы я убил ее! Неужели я зарежу курицу, которая снесла мне яйцо на сорок фунтов!

Когда Хэтч ушел, Митчел, дружелюбно кивнув ему вслед, снисходительно произнес:

— Ха-ха! Приятный молодой человек. А вначале он показался мне сущим дьяволом! Так меня напугал...

— Ты очень проницателен, Митчел, — кисло заметил пастор Холл.

— Хотя, конечно, снаружи он весь грязен, — сожалеюще добавил кучер.

— И снаружи, мой друг, и внутри. Поверь мне, Всемогущий Боже был очень рассержен, когда создавал из грязи этого сукина сына. Бог не вдохнул в него душу, он в него просто плюнул.

9. Бегство гиганта

Эликсир доктора Кармоди представлял собой сладковатую темную маслянистую жидкость с сильным запахом гвоздики. По пятницам, когда "Арго" останавливался на обед, это снадобье из большого чайника наливали любому из "аргонавтов" совершенно бесплатно. В этом проявлялась щедрость доктора, и его за это очень уважали.

Эликсир принимали все. Одни от ревматизма, другие от болезней живота, третьи от

грудных немочей. Даже миссис Арбетнот, закоренелая недоброжелательница доктора, никогда не отказывалась от эликсира. Она была достаточно осторожна, чтобы отказом от эликсира открыто демонстрировать свои мятежные настроения, но все-таки не принимала его внутрь, а, занеся в фургон, либо незаметно выливала куда-нибудь, либо использовала для протирки мебели.

Еженедельная раздача лекарства наряду с уходом за маленькой Кассандрой, заботой о Белли, кормлением Стрикера и раскладыванием по местам фолиантов из библиотеки доктора, которые прыгали с полок и разбегались по углам, когда фургон трясло и швыряло на дорожных ухабах, — все эти обязанности легли теперь на Толли.

Первые два раза доктор Кармоди помогал своему новому ученику, но потом Толли справлялся с раздачей и сам, волоча тяжеленный чайник вдоль каравана и спрашивая каждого о болезнях и недомоганиях, как научил его доктор.

Однако новый ученик не был столь хорош в этой роли, как сбегавший Хэтч. Тот наливал каждому положенный стаканчик эликсира так, словно делал особенное одолжение. Среди фургонов были такие, где Толли с удовольствием засиживался поболтать с обитателями, а были и такие, из которых он старался убраться поскорее.

Меньше всего он задерживался в фургоне, где жили лилипуты, этим самым внушая маленьким людям мысль, что новый ученик доктора наверняка гордый человек и гнушается их малорослой компанией. Им было невдомек, что Толли столь явно избегал их общества из-за их "дорогого исполинского джентльмена", который весьма подходил ко всей гигантской мебели в их

фургоне и даже сам превратился в некое подобие мебели.

Теперь, спустя четыре или пять недель, могло показаться, что Черный Джек стал понемногу отвыкать от своих диких привычек и смирился с ролью манекена в фургоне-витрине лилипутов. Его гигантизм и лютый вид вначале будили у маленьких людей страх и тревогу. Но со временем все эти чувства исчезли, постоянное соседство с его мощью и силой стали привычны и вместо недавнего благоговения вызывали теперь у лилипутов одно лишь вежливое презрение. Все это наводило Толли на мысль, что... Кто, кроме него, знал, на что способен этот гигант и кем он был прежде? Он содрогнулся, увидев, как лилипуты в шутку предлагают этому злобному чудовищу надеть их крошечную одежду или игриво щиплют его за бороду. Одним ударом своего чудовищного кулака он мог расколоть им головы, словно ореховую скорлупу! Но он смиренно сидел, ничем не показывая этому маленькому народцу обуревавшего его раздражения. Вот почему Толли все сильнее и сильнее ощущал, что миролюбие Черного Джека есть не что иное, как затишье накануне страшной бури. Он чувствовал, что скоро произойдет нечто ужасное.

“Ради Бога, только посмотрите, кто рядом с вами! — хотелось крикнуть Толли. — Он разорвет вас на куски!” Но страх принести еще большее несчастье удерживал его, и Толли спешил поскорее миновать зловещий фургон, каждый раз ожидая, что вот-вот шквал визга и воя обрушится на него.

— У вас беспокойный вид, мистер Доркинг, — заметила миссис Арбетнот, протягивая кружку для эликсира. Она ехидно улыбнулась и мотнула своей кудрявой головой в сторону головного фургона. — Наверное, неприятности у вашего хозяина? Боюсь, счастье скоро отвернется от не-

го. И его звезды светят уже не так ярко. Как раз прошлой ночью я смотрела в небо и...

— Нет, мадам. У доктора все в порядке.

Она скривила губы и недоверчиво покачала головой.

— Тогда, наверное, дьявол снова терзает бедную душу вашей сумасшедшей? Ох, я слышала, как она кричит!

— Нет-нет. Ей уже гораздо лучше, — с досадой возразил Толли. — Вот уж две недели у нее не было припадков.

Он говорил правду. Последний припадок у Белли (как обычно предшествуемый тем самым странным видением) произошел с нею пятнадцать дней назад. И хотя никто не мог поручиться, что она окончательно выздоровела, все же от прежней болезни у нее осталось только заикание.

Толли чрезвычайно гордился ею. Доктор Кармоди весь успех приписывал своему эликсиру и пичкал девчонку снадобьем чуть ли не каждый день. Миссис Кармоди, в свою очередь, улучшение здоровья больной относила на счет свежего воздуха и своего собственного кулинарного искусства.

— Посмотрите, как порозовели у нее щечки! — с гордостью указывала на Белли миссис Кармоди, хотя постороннему глазу (глазу Толли, например) было явственно видно, что румянец на ее щеках свидетельствовал только о том, что она прежде много лет провела, сидя взаперти.

Миссис Арбетнот пожалала плечами и скрылась в фургоне, а Толли продолжил свою ежепятничную раздачу целебного эликсира.

В следующем фургоне обитала миссис Ханна, жена ювелира "всех корон". Она была ему очень рада. Это была счастливая на вид, слащавая, звонкоголосая дама, вся сверкающая затейливой дешевенькой бронзовой бижутерией, слов-

но рождественский подарок. Она с благодарностью приняла эликсир и дала Толли пару латунных сережек для "его маленькой возлюбленной". Она всегда говорила эти слова, будучи простой, романтической натурой, на которую трудно было сердиться.

— Возьми их, дружок, — настаивала она. — Я и сама не постыдилась бы надеть их. Но мистер Ханнах говорит, что в моем возрасте следует носить что-нибудь более осеннее. Побольше листиков и поменьше цветочков, видишь ли...

Она вздохнула, улыбнулась и, звеня украшениями, скрылась в фургоне, где сухощавый стареющий медник выковывал молоточком медное ожерелье из листьев и ягодок.

Толли с пустым чайником возвращался в головной фургон.

— Скажи ему, чтобы был осторожен! — крикнула мальчику миссис Арбетнот, когда он проходил мимо. — Скажи ему, что Басингсток станет его падением. Скажи, что звезды показали мне черного человека! Кармоди, скоро твой час пробьет!

И тут миссис Арбетнот, к своему удовлетворению и удивлению, увидела, как гордый ученик доктора вздрогнул и весь поник. Спрятав глаза, он поспешил поскорее миновать фургон лилипотов, где он мог наткнуться на бессонный, неотвратимый, словно сама Судьба, взгляд Черного Джека.

Белли страшно обрадовалась подарку. Она носилась с этими сережками и никому не давала покоя, пока, наконец, миссис Кармоди не вставила их ей в мочки ушей. Маленькая Кассандра захотела посмотреть на "красивую даму" и, в восхищении остолбенев на минуту, тут же закатилась в диком реве от зависти и одиночества: идиотка, прежде бывшая ей ровней в умственном

развитии и подружкой в забавах, вдруг стала недостижимо взрослой и важной.

Миссис Кармоди еле успокоила Кассандру, и когда малютка утомилась от крика и уснула, она поручила доктору купить отрез желтого муслина, чтобы сшить для Белли приличное платье. Собственные одежды девочки износились до крайности, заявила миссис Кармоди, и кроме того, нельзя позволять “всякому охвостью” превосходить в благотворительности их, предводителей всего каравана.

— Она уже достаточно поправилась, так что желтое будет ей к лицу. Как ты думаешь, Толли?

Углубленный в чтение, Толли кивнул, не глядя. Но этого оказалось недостаточно, и Белли принялась докучать ему. К ней присоединилась миссис Кармоди, и даже сам доктор со своими сомнениями по поводу предпочтения желтого или голубого. Спор не утихал, пока все не заснуло, но возобновился на следующее утро — была суббота, — когда доктор намеревался отправиться в Басингсток.

Караван стоял в пригороде Басингстока, и доктор Кармоди, а с ним и другие главы семейств начали собираться в город по делам торговли.

В половине десятого запрягли Стрикера, и доктор уже был готов вскарабкаться в седло, когда Толли еще раз напомнил ему о грозном пророчестве миссис Арбетнот по поводу Басингстока. В ответ доктор лишь кивнул и загадочно улыбнулся, словно хотел показать, что, дескать, они с Роком слишком давние приятели, чтобы делать друг другу пакости. Но миссис Кармоди нахмурилась и сказала:

— Когда поедешь по дорогам с наше, Толли, то узнаешь, что эта помешанная на звездах распутница из последнего фургона на каждом повороте сулит доктору несчастье. Но, как видишь, он до сих пор цел и невредим. Хвала Небесам!

Запомни мои слова: когда мы благополучно ми-
нуем Басингсток, как это бывало всегда, то сле-
дующим в ее пророчестве будет Хоршэм.

Итак, доктор вскарабкался на широченную
спину Стрикера и, неловкий, словно крючок от
вешалки, повел свое маленькое войско на Басин-
гсток. Мистер Арбетнот, которому так не хватало
амбиций, переполнявших его супругу, трясся сза-
ди, напевая под нос свою песенку.

Черного Джека не было в компании, и Толли
с облегчением вздохнул. Какое бы несчастье ни
увидела в своих картах или звездах миссис Ар-
бетнот, воскрешенный убийца не примет в этом
участия.

— Толли! — бодро сказала миссис Кармоди.
— Поди погуляй, посиди, почитай на солнышке!
И ее возьми с собой. Или ты думаешь, что она
может расцвести и в тени? — хихикнула миссис
Кармоди. — Хотя она и считает, что солнце сия-
ет из ее собственных глаз, не это все-таки красит
в розовый цвет ее щечки!

Толли вздохнул, сунул под мышку учебник
по физиологии и кивнул Белли, чтобы шла за
ним. Чудесное безоблачное утро набросило
свой глубокий голубой полог на покоившиеся
в торжественной неподвижности, пушистые де-
ревья, к которым поля и луга вокруг, каза-
лось, спешили с венками первоцвета, одуван-
чиков и лютиков.

Они ушли на самый дальний край поля, у ко-
торого остановились фургоны. Толли устроился в
высокой душистой траве. Белли он отправил со-
бирать полевые цветы, пока он будет читать о
разновидностях умопомешательства и мозговых
воспалениях. В учебнике он вычитал, что врож-
денное сумасшествие неизлечимо. Но приобре-
тенное нарушение психики все же оставляет ос-
нования для скромных надежд на выздоровление.
Но только лишь основания, и только лишь в том

случае, если в семье помешанного никто не болел. Если же в семье и раньше были случаи болезни, то конечные перспективы остаются весьма и весьма мрачными. Конечно, будут наблюдаться и периоды полного отсутствия симптомов, и даже очень длительные, но рано или поздно они закончатся катастрофическим ухудшением, окончательным помешательством или даже смертью. Было бы очень жаль...

Толли посмотрел на Белли, собирающую цветы поодаль. Что будет с нею? Белли, почувствовав его взгляд, тоже посмотрела на него и улыбнулась. Потом она оглянулась на фургоны.

— Он следит за нами! — крикнула она.

— Кто?

— Этот гигант!

Толли вздрогнул и пригнулся. Зловещее пророчество миссис Арбетнот все еще преследовало его; он вспомнил вчерашний взгляд Черного Джека.

— Не уходи далеко, Белли.

Она поспешила к нему, путаясь в подолах своего старого муслинового платья, которое, даже подогнанное к ее фигуре, сидело на ней безобразно, напоминая старую тряпку. Весь ее гардероб представлял собой дикую смесь изорванных до крайности обносок и дорогих платьев на ребенке приблизительно пятилетнего возраста, которые носили и носили до тех пор, пока в некоторых местах не разошлись швы. Как будто когда-то эта девочка была словно бесценное яблочко в родительском саду, которое, однако, без сожаления выбросили вон, едва завелась в нем червоточина. Может быть, именно после этого и развилась ее болезнь? А совсем не от рождения?

Основания для скромных надежд... Толли надеялся. Толли размышлял. А может быть, ее

психика поражена очень глубоко, может быть, это у них наследственное, и поэтому скорый конец неизбежен?

— Цветы, Толли! Посмотри! Расскажи мне про них.

Она присела рядом, покашливая от возбуждения, и протянула ему букет цветов, изрядно помятых ее крепкими пальцами. Толли улыбнулся и с простодушием неопытного ботаника, рассказал ей о цветах все известное ему самому, полагая, что подобное содержимое лучше, чем какое-либо другое, подходит для заполнения пустых комнат ее памяти. Вполне возможно, они дошли бы до самых корней, — одному Богу известно, где кончалась ее память! — и заполнили бы ее голову хрупким обаянием вики, анютиных глазок и алого анагалиса. Она принесла новые цветы, о которых Толли и понятия не имел.

— Вот этот, Толли. Какой миленький! Как его звать?

Она протянула ему белый, хрупкий цветок, качавшийся на тоненьком стебельке подобно крошечному белому флагу, знаку капитуляции. Толли покачал головой. Он не знал.

— А твой дядя, морской капитан, — не отставала она, — он тебе, наверно, рассказывал, только ты забыл..

Толли снова покачал головой и поднял взгляд на Белли. В ее глазах отражались солнечные лучи, но, казалось, что глаза ее сияют сами по себе. Внезапно в нем вспыхнуло раздражение. Она, как видно, смеялась над ним.

— Толли, ну пожалуйста! — кривляясь, проканючила она. — Твой дядя, морской капитан, наверняка рассказывал тебе! Он все тебе рассказывал.

Она ткнула цветком ему в лицо и повозила по носу, размазывая пыльцу. Серdito выхватив у

нее цветок, он грозно посмотрел на нее и приказал перестать ребячиться.

— Но твой морской дядя, капитан...

— Оставь в покое моего дядю! — вдруг заорал он. Лицо его налилось кровью: ее насмешка задела его за живое. Может быть, в самом деле, он слишком часто вспоминал о своем мудром дяде, морском капитане?

— Тогда и ты тоже оставь его в покое! — сердито закричала Белли и, швырнув весь букет ему в лицо, поднялась и бросилась к деревьям.

Толли вскочил, полный раскаяния, стыдя себя за грубость по отношению к больной девочке. В три прыжка он настиг ее, схватил за руку так, что она упала в траву. Лицо ее залилось слезами, и стыд охватил его с удвоенной силой. Он встал пред нею на колени.

— Белли...

— Нет! Уходи! Иди к своему дяде!

— Белли, я обещаю, что не скажу о нем больше ни слова!

Она сразу же перестала плакать, так что Толли даже удивился.

— Никогда-никогда?

— Никогда... При тебе.

— И о море больше не будешь говорить?

— Не буду, пока ты сама не увидишь его.

Она взглянула на него, и смутные огоньки забродили в глубине ее светлых глаз. Он завороченно следил за ними. В какой-то момент ему даже показалось, что в ее глазах мелькнуло нечто большее, чем просто сумасшествие. Как будто ее сумасшествие было всего лишь внешним покровом, одеждой, столь же необычной, как и все остальное в ней, скрывающей ее истинную фигуру.

— Что ты изображаешь, Белли? — неожиданно для себя самого спросил Толли.

— “Бедное создание”, — ответила она и от-
вернулась, устремив глаза в траву; в ее голосе
слышалась горечь. Но тут же она встряхнула го-
ловой и улыбнулась ему.

— Расскажи мне о море, — попросила
она. Очевидно, она простила его и освободи-
ла от обещания не вспоминать дядю, морско-
го капитана.

Толли вздохнул и принялся рассказывать
ей — в который уж раз! — о море, о том, как
оно выглядит в разную погоду и в разные вре-
мена года.

— Представь себе, Белли, столько воды,
сколько хватит глаза.

— А как оно шумит?

— Оно вздыхает и шепчет, порой шлепает, а
иногда ревет.

— А какое оно, когда дует ветер?

— Мрачное и угрюмое. Оно встает во мраке
словно стена, с пеной на гребне. И тут же ру-
шится вниз и швыряет камни на берег.

— А когда сияет солнышко?

— Тогда оно похоже на огромное зеркало.
Очень гладкое и сияющее, очень спокойное.

— А что под водой?

— Зеленые сумерки, как в дремучем лесу.
Необычные цветы и травы, рыбы, затонувшие ко-
рабли и сокровища.

Белли закрыла глаза, словно хотела полу-
чить представление себе все, о чем рассказывал
Толли. А Толли рассматривал ее тонкое блед-
ное лицо, в эту минуту безмятежное, как море в
ясный солнечный день, которое он только что
описывал. Что таилось за этой маской спокой-
ствия? Какие зеленоватые сумерки таились в
глубинах ее души? Какие необычные цветы,
какие сокровища?

Неожиданно она открыла глаза.

— А почему ты не ушел в море, если ты его так любишь?

— Мой дядя, морской капитан, — начал он, но тут же остановился и улыбнулся в смущении. — Просто мой отец и мама погибли в море. Оно принесло нам несчастье, и мне принесет тоже...

— Наверное, Толли, это у вас на роду написано. Я имею в виду, как умирать...

Толли грустно улыбнулся и покачал головой.

— Ну почему же! Это ведь не болезнь!

Неожиданно он умолк. Ему в голову зашла мысль о болезни, подобной той, что мучает Белли. Он не мог ей сказать о том, что вычитал в книге о недугах, которые возвращаются в поколениях и сулят один и тот же печальный конец.

— Неважно! — заявила Белли, сидя рядом в траве и покачивая головкой так, что серьги, подаренные миссис Ханнах, позванивали, словно детские свадебные колокольчики. — Твой дядя, морской капитан, сделал очень правильно, что не пустил тебя в море.

— Почему?

— Потому что тогда ты не встретил бы меня, когда я выпала из кареты!

У Толли забилось сердце. Это было замечательно. Впервые она вспомнила то, что с ней произошло в прошлом. Его охватило возбуждение. Может быть, она вспомнит что-нибудь еще? Может быть, она вспомнит, с чего началась ее болезнь? Более того, может быть, она вспомнит о своей семье и...

Но он не успел высказать ни одного из бесчисленных вопросов, которые укрепили бы его надежду, как их разговор оборвался самым ужасным образом.

Шквал визга и крика разразился в лилипутском фургоне.

— Он все-таки осмелился на это! — шептал Толли, беспомощно вглядываясь в широкое окно фургона, который весь трясся и шатался. Перед его мысленным взором возник разъяренный Черный Джек, крушащий головы и ребра визжащих лилипутов. Кровь, море крови, океан крови, — падет на его совесть! Это он, Толли, и никто другой, вернул к жизни этого убийцу! Неожиданно фургон затрещал, словно пасхальное яйцо; из распахнувшейся дверцы выпрыгнул Черный Джек в своей черной “сутане” и побегал прочь.

Но вместо потока крови, выплескивающегося наружу, как ожидал Толли, из фургона выскочили шестеро лилипутов — четверо мужчин и две крошечные дамы, вопя и крича от ярости, пожалуй, не уступающей ярости Черного Джека.

— Нет, здесь что-то не то! — прошептал Толли. — Интересно, что же случилось?

Черный Джек тем временем во весь дух неся по высокой траве через луг, но ему мешало длинное платье, которое он так и не снимал, хотя оно давно уже отвратительно воняло потом. Под мышкой он держал какой-то ящик.

— Вор! Вор! — неслись пронзительные крики ему вослед, и Черный Джек, слыша проклятия, прибавил ходу так, что его гигантские ноги замелькали, словно спицы колеса.

Но лилипуты не отставали. Они почти настигли его, и Черный Джек, чувствуя погоню уже за спиной, вдруг резко повернул в сторону. Теперь он бежал как раз туда, где прятался Толли.

Мальчик уже отчетливо видел Джека, лицо, обрамленное черными, торчащими в разные стороны, нечесаными волосами, и его сбившуюся клочковатую бороду. Он услышал,

как рядом закричала перепуганная Белли. Он схватил ее руками, прижал к себе, укрывая своим телом.

Черный Джек наконец заметил притаившуюся в траве сумасшедшую девочку. Ноги его дрогнули. Страх и ярость смешались на его лице; он колебался. Он хотел было повернуть в другую сторону, но им овладела нерешительность. И через мгновение настигшие грабителя лилипуты с торжествующими криками набросились на своего обидчика.

Хотя они были малы ростом, их ушестеренная ярость смутила гиганта. Он пошатнулся, пытаясь отбросить их прочь, затем кинулся в сторону... Но все напрасно. Его ноги запутались; он зарычал и рухнул наземь.

Со всех сторон облепленный лилипутами, Джек бился и ворочался, словно гигантская рыба, которую отважные рыболовы выволокли на берег и вот-вот утихомятят железным багром.

Для Толли, который прекрасно знал силу и мощь этого чудовища, было совершенно очевидно, что он может расшвырять своих преследователей, как котят. Но не успел он и двинуться с места, чтобы как-нибудь спасти этих разъяренных маленьких людей от неминуемой гибели, они удивительным образом справились сами. Гигант зарычал, но не сопротивлялся. Они стукнули его еще разок-другой и забрали ящик, который гигант с большой неохотой выпустил из рук.

— Хотел нас ограбить! — сказал один из них мальчику, встряхнув ящиком. — Здесь вся наша выручка за последний месяц. Разве это не отвратительно? Такой здоровый дурак грабит таких маленьких, как мы! Пусть скажет спасибо, что его не повесили за это!

Отстояв имущество, лилипуты направились в свой фургон, тут же утратив всякий интерес к жизни или смерти Черного Джека.

Черный Джек поднялся на ноги. Он потер шею, на которой от недавнего напряжения проступили бледные следы, оставленные мистером Кэтчем. Затем он посмотрел на Толли с тем самым выражением, которое уже было знакомо мальчику. Взгляд его был полон злобы. В глубине его глаз Толли увидел блуждающее мерцание, исходившее словно со дна души этого страшного человека. Но вот Джек опустил взгляд и, не произнеся ни слова, быстро ушел, как будто растворился в лесу. Хотя исчезновение Черного Джека принесло Толли немалое облегчение, все же оно навеяло на мальчика некоторое уныние, заразившее и впечатлительную Белли.

Зато в фургоне "Тайн" праздновали триумф. Миссис Арбетнот немедленно отправилась к миссис Кармоди, гордая своей удачей.

— Ну теперь-то уж вам определенно следует заплатить мне, мадам, за мое пророчество. Потому что, позвольте вам заметить, немного найдется людей, которые поверят ему. За ним пойдут лишь простаки, которым все едино. Черный человек в Басингстоке! Я это предвидела! Я говорила об этом. И вот: это произошло! Итак, знайте же: берегитесь Хоршэма. В Хоршэме его ожидает гибель!

Миссис Кармоди пожала плечами, но это не смутило миссис Арбетнот, которая все это повторяла (с добавлениями) каждому, кто встречался у нее на пути. Она так всех перепугала, что, когда ближе к вечеру доктор Кармоди вернулся из Басингстока, все чрезвычайно обрадовались, увидав его живым и здоровым.

Его возвращение было радостным и по другой причине. Он не только привез желтого мус-

лину Белли на платье, но также и зеленую ливрею для Толли, которую он купил у какого-то швейцара.

— Почти бесплатно, дорогая! — ответил он супруге, когда она упрекнула мужа в расточительстве.

— Как это “почти бесплатно“, сударь? Это десять фунтов “почти бесплатно“? Да?

— Спокойно, мадам! Он теперь мой ученик. Он должен выглядеть прилично!

Миссис Кармоди, как и все остальные, взглянула на прекрасную, величавую голову доктора Кармоди и беспомощно покачала своей собственной головой. В самом деле, у него на лице было такое выражение, словно он собирался жить очень долго.

— Примерь, мой мальчик, — ласково сказал доктор, и Толли сменил свою изношенную, всю в пятнах куртку на красивый зеленый камзол.

— Смотри! Как он идет ему. Это цвет самой природы! Цвет простоты и щедрости! Даже цвет моря...

Толли весь сиял. Белли выглянула в окно фургона и захлопала в ладоши от восхищения. Неожиданно она воскликнула чистым и звонким от волнения голосом:

— Ох, Толли, если бы ты знал, как я тебя люблю!

И тут сердце Толли едва не разорвалось пополам между счастьем и ужасом.

— Боже Праведный! Что мне делать? — прошептал он себе. Но в ту минуту лишь один ответ был перед ним: исполнить давно забытый им долг.

Он должен, он в самом деле должен написать письмо своему дяде, морскому капитану. Уж он-то знает, как надо поступать в таких случаях...

10. Шантажист

тец лорда Сомерса из Райгита не усмотрел серьезных препятствий для женитьбы. Три недели спустя, после того как Белли призналась в своей любви к Толли, лорд Сомерс сообщил примерно то же самое мисс Кэтти Картер. Это произошло в особняке Картеров однажды вечером на званом ужине, между жареной индейкой и сыром. И хотя это событие не оказалось ни для кого неожиданным, оно было встречено с великой радостью и пламенным воодушевлением.

Солнце давно зашло, но во всех окнах особняка Картеров множеством свечей засиял новый день. Во всем доме, даже в верхнем этаже, еще хранившем печальную память о пребывании здесь "Бедного создания", не осталось комнаты, где бы не горело хоть маленькое подобие солнца. Казалось, Картеры лезли вон из кожи, чтобы показать всему свету, что им нечего скрывать и что даже естественной ночной тьме нет места в жизни, столь открытой постороннему взгляду, как их собственная.

Хотя ни Картеры, ни Сомерсы не делали никаких официальных публичных объявлений о своем грядущем родстве, чуть ли не весь Райгит, словно накануне подслушав у дверей их секрет, на следующее утро поспешил принести Картерам свои поздравления. То и дело к подъезду особняка подкатывали экипажи, и на столике в прихожей росла сладостная взору хозяев куча визитных карточек с витиеватыми изъявлениями самых горячих добрососедских чувств.

Но среди посетителей был один господин занятного вида, явившийся без визитной карто-

чки. Это был молодой человек, скорее мальчик, нежели юноша, одетый, мягко говоря, более чем скромно. Вел он себя весьма странно, хотя и не без солидности. Лицо его было скорее остреньким и хитрым, нежели тонким и пронизательным.

— Мое имя Хэтч, — представился он. — Я хочу видеть мистера Картера.

— Мистера Картера нет дома, — процедил слуга, одним взглядом смерив Хэтча от нечесаной макушки до разбитых башмаков.

— Тогда я подожду его, — объявил Хэтч, нимало не смутившись.

— Может быть, я поступаю не совсем учтиво, сэр, — хмуро выговорил слуга, который, подобно всем слугам, чью преданность ценит хозяин, рассматривал ее скорее как оружие, нежели как свойство характера, — но если я говорю, что хозяина нет дома, это означает, что его нет только для вас. Извините, не хотел быть невежливым, сэр. Если у вас есть дело, можете сообщить мне. Если же нет, тогда вам лучше удалиться. Наш хозяин, — настойчиво продолжал он, поскольку Хэтч не подавал признаков понимания, — сегодня не принимает ни торговцев, ни кого-либо еще того же рода. Приходите как-нибудь в другой раз. А теперь будьте благоразумны и ступайте прочь.

Хэтч, считавший, что в данный момент его природное нахальство не принесет большого проку, смиренно кивнул и обратил свой острый взгляд на серебряный поднос, заваленный визитными карточками.

— Как видно, у вас назревает счастливое событие? — спросил он.

Лакей пожал плечами.

— Если бы у меня была визитка, я бы охотно оставил ее, — смиренно продолжал Хэтч и

пошарил в карманах, — но, к сожалению, у меня есть только это. Я буду очень благодарен, если вы покажете эту вещь мистеру Картеру и скажете, что Хэтч в его доме.

С этими словами он вытащил на свет затаканный обрывок кружевной шали и положил его сверху на серебряный поднос для визиток.

Слуга вздрогнул, поднял руки к лицу, словно защищаясь. Он сразу узнал этот обрывок кружевной шали, потому что это был тот самый слуга с неизменно ироничным выражением лица, очень хорошо помнивший ту, которой принадлежала эта шаль.

— Откуда это у вас?

Хэтч, самодовольно усмехнувшись, покачал головой.

— В наших делах обычно предпочитают не говорить лишнего.

С искаженной от ужаса физиономией, слуга взял дрожащей рукой кружева и отвел Хэтча в маленькую гостиную, где оставил дожидаться хозяина дома.

— Хорошее у вас тут местечко, ничего не скажешь! — желая завязать разговор, любезно проговорил Хэтч, оглядывая дорогую мебель.

Но старый слуга ничего не ответил. Вместо этого он еще раз горько взглянул на юного посланца преисподней и куда-то ушел.

Было совершенно очевидно, что мистер Картер никак не ожидал подобного визита. Сбитый с толку, с перепуганным лицом, он вошел в комнату. Хэтч встал с дивана, чтобы приветствовать хозяина, даже ощущая своего рода жалость к этому старому, много пережившему человеку. Но сила молодости тут же поборола возникшее было в его душе человеческое чувство, и он улыбнулся. Как и всякий человек в этом мире, он должен был думать прежде всего о себе и прокладывать свою дорогу в жизни; но дорога, выпавшая ему

сейчас, была худшей из всех, которыми ему доводилось хаживать прежде. В конце концов, он ведь не злоупотреблял добродетелями других людей! Он просто пользовался их нечестностью и злоумием, которые помогали ему ничуть не меньше высоких достоинств. Другими словами, он был нечто вроде бича Господня, нечто вроде наказания Божия. И такое толкование своей роли в этом мире импонировало Хэтчу больше всего.

— Ну? — прошептал мистер Картер, разглядывая обрывок шали, словно желая прочесть на истрепанных кружевах судьбу ее обладательницы. — Что случилось? Она... мертва?

— О Господи! — воскликнул Хэтч, удивленный мощью произведенного им смятения и довольный возможностью сообщить добрую весть. — Нет, сэр, она жива!

— Тогда почему же они?.. Откуда вы, мистер? Вас послал доктор Джонс? Хорошенькое же время он выбрал! О Боже, как не вовремя ты о нас вспомнил!

— Очень не вовремя, — согласился Хэтч. Его честолюбивое молодое сердце билось так, что, казалось вот-вот разорвется. Он опьянел от возбуждения. — Но дело в том, что доктор Джонс вовсе не посылал меня.

— Тогда что же?

— Я просто шел мимо, — с невинной улыбкой сказал Хэтч, — и подумал, что вам захочется узнать, что... что все в порядке.

— Хм, вот как! Ну что ж, тогда спасибо вам, молодой человек, спасибо, — с облегчением сказал мистер Картер, совершенно успокаиваясь. — Ну а теперь до свиданья. Эй, проводите его!

— Что все в порядке... относительно! — повторил Хэтч, голосом нажимая на последнее слово.

— Относительно чего? — спокойствие мистера Картера снова пошатнулось.

— Относительно того, что ваши пятьдесят фунтов далеко не полностью идут на содержание известной вам юной леди, совершенно лишенной тех условий, которые ей полагаются.

Хэтч умолк, давая собеседнику время осмыслить сказанное, и принялся разглядывать богатую обстановку гостиной, краем глаза ловя искаженное ужасом лицо хозяина, которого словно облили ледяной водой.

— Но ведь я с ними договорился... — прошептал мистер Картер.

Хэтч усмехнулся.

— О чем вы договорились с доктором Джонсом, это ваше с ним дело. Я — о другом. Надеюсь, вы меня понимаете?

Хэтч старался выражаться повежливее. Мистер Картер был крепким и сильным мужчиной, и Хэтчу вовсе не хотелось отведать его кулаков.

Мистер Картер тяжело опустился в кресло. Его крупные руки в отчаянии мяли обрывок кружевной шали, когда-то принадлежавшей его младшей дочери. Он поднял глаза и пристально посмотрел на Хэтча, словно пытался разглядеть мрачную душу этого юного зловещего создания.

Хэтч, не вынеся взгляда, отвернулся.

— Не поймите меня превратно, сэр. Я вовсе не хочу вас расстраивать. Честное слово, не хочу! Я хочу только одного: чтобы все были счастливы. Я хочу, чтобы некая молодая леди тоже была счастлива, насколько ей позволит ее состояние. Я хочу, чтобы ее оставили в покое. А это, согласитесь, стоит денег. Поверьте мне, сэр, это стоит значительно больше, чем пятьдесят фунтов! Эх, доктор Джонс не оценил своей услуги и вполвину!...

Хэтч замолчал в удивлении, словно сам только что постиг справедливость собственной мысли.

— И потом, я хочу, чтобы вы и ваша прекрасная семья тоже были счастливы. Уж не думаете ли вы, в конце концов, — продолжал Хэтч с возмущением, — что я хочу, чтобы весь город узнал о вашей сумасшедшей дочери? Что вы законопатили свою дочь в сумасшедший дом, где ее содержат немногим лучше, чем скотину? Уж не думаете ли вы, что я специально ждал случая и теперь хочу испортить ваше торжество, которое, как я понял, не за горами, и даже совсем его расстроить? Уж не думаете ли вы, что я тащился сюда, в Райгит, из самого Ислингтона только для того, чтобы расстроить ваши планы? О, мистер Картер, я ведь не какой-нибудь негодяй! Поверьте, сэр, я пришел только для того, чтобы утешить вас! Но это стоит денег!

Хэтч еле остановился, упоенный собственным красноречием. Он словно вырос на целую голову. Его аппетиты, подогретые сорока фунтами доктора Джонса, теперь вознесли его на такие вершины, о которых прежний Хэтч не мог и мечтать.

— Сколько ты хочешь? — после долгого молчания сдавленным шепотом спросил мистер Картер; от его счастливого вида не осталось и следа.

— Вы настоящий джентльмен! — воскликнул в восторге Хэтч и упал на колени у ног своей жертвы. — Сто фунтов! Это все, что я прошу! Ведь это совсем не много, сэр! Зато ваша душа может быть спокойна!

Ошеломленный мистер Картер беспомощно кивнул, уступая, и Хэтч, тронутый до глубины души, не смог удержаться от комплимента.

— О сэр! Отец не сделал бы большего для своего ребенка! Да, сэр, вы мне как родной отец!

При последних словах мистер Картер почти с суеверным ужасом посмотрел на склонившееся у его ног исчадье ада. С этим выражением на лице он и вышел из гостиной и вскоре вернулся с требуемой суммой, еще раз с содроганием взглянув на Хэтча, словно не до конца веря, что этот кошмар с ним происходит не во сне, а наяву.

— Да, сэр, и шаль тоже! — почтительно попросил Хэтч. — Она, знаете ли, очень ценит ее. Я принес ее только показать.

Мистер Картер без слов выпустил из рук шаль, которую Хэтч тут же спрятал в карман.

— С ней все в порядке, ты сказал? Она... жива и здорова?

— Еще какая живая! Такие скандалы закатывает! — панибратски ухмыльнулся Хэтч. — И дерется, и царапается... Так что очень живая!

И тут, к вящему изумлению и ужасу Хэтча, мистер Картер, широко размахнувшись, треснул его по роже.

— Я вам не давал никаких поводов! — завопил Хэтч, больше всего боясь продолжения. — Ведь я не виноват, что она сумасшедшая! Это... Это воля Господа! Я только делаю то, что сделал бы любой в моем положении! Вы лучше скажите спасибо, что я не потребовал больше! Скажите спасибо, что я согласился хранить вашу тайну...

Внезапный гнев мистера Картера быстро утих и уступил место страху. Чего еще может потребовать за свое оскорбление этот шантажист? Хэтч осторожно потрогал горящую щеку и уныло, через силу улыбнулся.

— Ладно, ладно! Мы оба погорячились, сэр! Но теперь наша кровь успокоилась, и мы снова

друзья. После шторма всегда бывает чистый воздух, не так ли, сэр?

Мистер Картер сумрачно кивнул. Действительно, после шторма всегда бывает чистый воздух. Но когда воздух прояснился, что он увидел в его прозрачности? Ничего, кроме картины разрушения. Там, где он сеял ветер, он пожал ураган.

11. Возвращение гиганта

ошла уже одиннадцатая неделя, как он исчез, и до сих пор нет никаких вестей об этом ужасном человеке. Либо его поймали и повесили снова — на что я не надеюсь, — либо он занялся честным трудом — в чем я сомневаюсь. Но еще раз о девушке. Ее душевное здоровье продолжает улучшаться. Ее память намного лучше, и припадков у нее больше не бывает. Теперь все зависит от того, есть ли у нее в роду случаи помешательства. И это я непременно должен выяснить, — я уверен, вы согласитесь со мной. Как только я это сделаю, я тут же отправлюсь к вам, сэр...

Толли, развалившись в гамаке под фургоном Кармоди, сочинял письмо своему дяде, морскому капитану. Это письмо, до сих пор не написанное, откладывалось со дня на день: всегда происходило какое-нибудь замечательное событие, о котором дяде тоже интересно было бы узнать.

Караван, который Толли в своем воображении окрестил "Арго", путешествовал по Суссексу. Уже благополучно миновали Хоршэм, несмотря на грозные пророчества миссис Арбетнот, читавшей книгу звезд, словно вечернюю газету, полную происшествий, и море уже

было недалеко. Если письмо не будет написано в самое ближайшее время, то его нерадивому автору придется переступить порог дядино дома и пересказать это письмо собственным языком.

Последнее событие, о котором Толли хотел поведать дяде, было его первое выступление перед публикой в представлении с эликсиром, в той самой роли, которую Хэтч исполнял столь артистично. Но, поскольку дебют Толли оказался не очень удачен, он изо всех сил старался выбросить этот эпизод из своей памяти. Тем не менее мальчику он часто вспоминался.

Все было чудесно: и состоятельная публика, готовая без сожалений выложить лишние денюжки, и прекрасный голос доктора. Как и было оговорено, доктор протянул руку с бутылочкой, а Толли ловко выхватил ее и скрылся в толпе. И все, казалось, шло совсем неплохо. Но потом случилась неприятность, даже можно сказать, катастрофа. И надо же было ему остановиться рядом с этой полной, зажиточного вида женщиной! Ее добрая материнская душа словно была создана именно для того, чтобы заботиться о детях, оберегать их от опасностей и выхватывать у них из рук бутылки со всякой дрянью. Прежде чем Толли успел сделать хотя бы глоток, она очень ловко выдернула у него из рук злополучную бутылочку с эликсиром, и у Толли не осталось никакой возможности повторить весь фокус с самого начала. “Такой приличный, милый молодой человек! — нараспев проговорила она, с ласковой заботой успокаивая растерявшегося Толли. — Зачем тебе пить эту мерзкую дрянью? Вот, возьми, поди купи себе сладкого эля!” — с этими словами она сунула в его дрожащую руку новенький шестипенсовик.

И хотя с того дня прошел почти месяц, Толли никак не мог забыть тот курьезный случай, и

каждый раз, вспоминая о нем, переживал острое чувство унижения. Доктор Кармоди был разочарован в своем новом ученике и теперь смотрел на него лишь как на жалкую замену такого блистательного актера, как Хэтч. Не то чтобы доктор Кармоди внешне переменялся к Толли. Мудрость и доброта по-прежнему светились на его лице, внося покой и умиротворение везде и повсюду, даже в собственном фургоне. Сама миссис Кармоди, хотя и знала своего мужа вот уже много лет, все же питала убеждение, что в один прекрасный день его гений вспыхнет, засияет, изумив собою весь мир, и оправдает наконец эту ее безоговорочную слепую веру. Порой она взглядывала на него и качала головой, словно говорила: "Все же в нем что-то есть!"

Впрочем, не она одна, — все ожидали от доктора чего-то необыкновенного. Даже миссис Арбетнот соглашалась, что доктора подстерегает не какая-нибудь рядовая беда, сродни мелкой неприятности, а целая катастрофа, грандиозное и величественное трагическое событие, достойное его великой личности. Но, какие именно великие события грозили доктору, она предсказать не могла. Даже у самого доктора не было маломальски отчетливого представления о том, как, когда и где проснется наконец его гений. Тем не менее всеобщая вера в него тешила его самолюбие, а его, Богом данный величественный облик излучал надежду, которая извечно питала и питает то, что ее породило. Итак, Толли, вопреки своей неудаче, все-таки извлекал из нее некоторое утешение и даже вдохновение...

Он продолжал работать над своим воображаемым письмом, бормоча его чуть ли не во весь голос, по мере того, как мысли его нанизывались одна на другую в мягко поскрипывающей тесноте гамака. Он выбирал меж ними лучшие, чтобы убедить своего справедливого дядю, что его нео-

бычное ученичество уже начало приносить свои плоды и что он отказался от ремесла драпировщика вовсе не из легкомыслия или безделья.

— Как я уже сказал, сэр, немного о девушке... Теперь она уже не ходит грязная. Можно предположить, что чистый воздух повлиял на нее и прибавил румянца ей на щеки. В том желтом платье, что сшила ей миссис Кармоди, она выглядит вполне удовлетворительно. Даже, можно сказать, она начала поправляться и теперь смотрится гораздо женственнее. Если бы еще при этом была уверенность в том, что... — он умолк, подыскивая слово.

— В чем, Толли? — услышал он голосок Белли, проникший сверху меж плохо пригнанных досок настила в фургоне и вмешавшийся в его беседу с дядей. Толли немедленно отложил сочинение письма и, обменявшись с Белли несколькими фразами, пожелал ей доброй ночи.

Конечно же, Толли отчасти испугался, что она расслышала его мысли. Он представил себе ее, лежащую там, в фургоне, как раз над ним, со спутанными волосами, накрывшими ее маленькое личико, целующую доски настила, отделявшие ее от Толли. Ему даже показалось, что в щель меж досками упала прядь ее волос... Гамак под ним качнулся и заскрипел. И вдруг...

— Толли! Я знаю, ты не спишь. Я слышу, как ты...

— А те, кто подслушивает тайком, ничего хорошего о себе не услышат, — ворчливо ответил он.

— Ты сказал, что в этом желтом платье я хорошо выгляжу.

— Удовлетворительно, Белли. Я сказал, удовлетворительно.

— И женственно, — продолжала Белли с ноткой самолюбования.

Толли почувствовал, что густо краснеет.

— Я очень рада, что ты наконец это заметил, — произнесла она с гордостью. — Миссис Кармоди сказала, что скоро мое платье придется перешивать. Она говорит, что не видела, чтобы грудь у девушек набухала так быстро, как у меня. Она говорит, что это не от летнего солнца, а от ее кухни...

— Это естественный порядок вещей, вот и все, — сердито проворчал Толли.

— Тебе это не нравится, да? — испуганно спросила она.

— Нравится, нравится, успокойся. Спи.

Наступила долгое молчание, в котором шорохи летней ночи перебивались буханьем сердца в груди у Толли.

— Ты ведь не спишь, — вновь услышал Толли над собой, но из воспитательных соображений решил не отвечать ни слова.

— А я тебя вижу!

Толли всмотрелся в щель меж досками и разглядел смутное мерцание ее зрачка. Чувство стеснения нарастало в нем. Глаза Белли волновали его. Хотя в ее характере прежнее ласкательство сменилось обычной нормальной оживленностью, в ее глазах порой все еще проглядывала какая-то пустота, словно ее болезнь, уйдя, оставила после себя некие таинственные знаки, за которыми был скрыт глубокий смысл.

Что происходило в ее милой головке? Какие таинственные микробы поедали материю ее мозга?

От этих мыслей Толли охватил ужас, и он спрятал голову под одеяло, чтобы не думать о будущем Белли. И снова он услышал ее голос.

— Толли, почему ты не отвечаешь?

— Я сплю.

— Я люблю тебя, Толли.

— Спи, Белли, спи.

— Я не могу уснуть, Толли. Я не усну, пока ты не скажешь, что любишь меня.

В отчаянии Толли заглянул в свое сердце, чтобы найти правильный ответ. Напрасно обращал он свои мысли к дяде, морскому капитану. Никто не мог помочь ему. Его дядя был законченный холостяк, совершенно защищенный против сердечных стрел. В его скромной жизни не было места женщинам, а его скромный дом вела экономка, леди с лицом в бородавках, смахивающая на деревянную статую с форштевня каравеллы.

Образ Белли, которая была так близко от него, вырос в его воображении до гигантских размеров, грозя раздавить его своим полусумасшедшим вопросом: “Ты меня любишь?”

— Толли..

— Да, Белли..

Она негромко засмеялась.

— Над чем ты смеешься?

— Ты сказал, что любишь меня. Я спросила тебя, и ты ответил: “Да, Белли”. Теперь все решено. Мы останемся вместе навсегда. Когда мы поженимся, Толли?

Хотя ночь была теплой, Толли почувствовал, как озноб пробирает его до самых костей при виде катастрофы, которая обрушилась на него. Все было решено. И навсегда.

Белли все еще смеялась, очень тихо и с долей любовной насмешки.

— Толли, милый, так когда же это будет? В этом году? В следующем?

— Когда-нибудь, Белли, — устало ответил он.

Ее смех внезапно оборвался.

— А может быть... никогда? — прошептала она с горестной догадкой. — Зачем ты подобрал меня в лесу? Лучше бы я потерялась! Лучше бы я умерла!

Ее голос звучал так тихо и прерывисто, что Толли едва мог понять горестные слова.

— Когда кончится мое ученичество, Белли, — тихонько шепнул он и тут же сам удивился, как быстро и правильно дошли его слова, словно он гаркнул их во весь голос. — Когда я заработаю достаточно денег, чтобы заботиться о тебе, Белли. Когда у меня будет жилье... Квартира или, может быть, дом. Или даже корабль... У нас с тобой будет чудесный корабль, Белли, и мы с тобой сами выберем курс. Ветер наполнит наши паруса, а море будет спокойное, как зеркало... И звезды с неба будут падать нам под ноги...

Он умолк. Над ним слышалось лишь сонное дыхание спящего фургона. Он молился о том, чтобы все было, как он говорил. Засыпая, он уже видел все это.

— Толли, Толли... Ты здесь? Толли, Толли...

Слабый, словно шорох отползающей волны, тихий голос вернул его к яви. Он приподнял голову, ловя ухом едва различимый шепот. Кто это? Белли? Доктор Кармоди? Шепчущие голоса неотличимы друг от друга, как неотличимы души, несущие тайну.

Шепот, сопровождаемый неровным дыханием, доносился откуда-то сбоку. Толли выглянул за край гамака и вздрогнул. Прямо на него смотрело огромное измученное бородатое лицо. Это был Черный Джек. Он вернулся.

Фонарики! Фонарики! Фонарики! Они дрожали и качались над спинами фургонов, словно по волшебству выхватывая из ночной темноты встревоженные, любопытные лица. Это были миссис Арбетнот в своей изящной шали, никогда ничему не удивлявшаяся, и другие дамы с бумажками вместо папилюток в волосах. Миссис Арбетнот смотрела то в небо, то куда-то в темноту

и что-то бормотала; чтение звезд на этот раз не принесло ей триумфа. Хотя темный человек и пришел в Хоршэме, все же это оказалось не то, что она так горячо предрекала.

Черный Джек лежал в траве, хрипло дыша и издавая стоны. Он выглядел весьма изможденным и даже, кажется, избитым. Если, как предсказывала миссис Арбетнот, некий роковой час и пробил, то скорее всего для Черного Джека, а гордый доктор снова, и, как всегда, благополучно остался в стороне.

Но тише! Тише! Его губы шевельнулись. Он пытается что-то сказать. Он прилагал чудовищные усилия. Кровь запеклась в уголках его рта. Что он хотел сказать? Мальчик склонился ниже.

— Он хочет есть и пить! — сказал Толли.

— Ради... Бога... — прошептал Черный Джек.
— Я умираю...

Из фургона "Тайн" выглянул мистер Арбетнот, таинственный создатель изумительных колбас с полной тарелкой своих изделий. Тарелка дрожала в его руках, колбасы, как живые, шевелились в мерцающем свете фонаря. А еще для несчастного передали бутылку с бренди; ее передали из необозначенного фургона, обитатель которого пробормотал что-то невразумительное и тут же скрылся в своем убежище. Кажется, его звали Джед или Джем. Никто толком не знал.

Толли приподнял избитую голову Черного Джека, которая едва держалась на шее, и дал ему пить. Черный Джек зашелся в тяжелом кашле, затем знаками показал Толли, чтобы опустил ему голову. Почувствовав затылком землю, Черный Джек закрыл глаза и замер. В какой-то момент можно было подумать, что он умер. Но вот его глаза открылись, и жизнь снова засветилась в них. Он снова попытался заговорить: он вкладывал в каждую попытку так много сил, словно хотел сообщить нечто очень важное. Но,

даже если очень внимательно вслушиваться, нельзя было разобрать ничего, кроме: “Спасибо... вам...” Затем, видимо, он сам что-то понял, опять закрыл глаза и, похоже, провалился в глубокий сон. Доктор Кармоди, мистер Арбетнот, мистер Ханнах, Джек (или Джем) и Толли с трудом подняли Черного Джека и затащили в необозначенный фургон, внимая бормотанию его владельца о христианском милосердии. Черный Джек при этом продолжал спать мертвецким сном.

Толли остался с ним и весь остаток ночи просидел рядом, вспоминая, когда в последний раз видел Черного Джека спящим: это было в гостинной миссис Горганди, тем давним апрельским вечером.

Как и полагается человеку его комплекции, Черный Джек спал долго. Но Толли не оставлял его ни на минуту, опасаясь, что Джек впадет в панику, проснувшись один, и, чего доброго, еще разнесет фургон.

Было уже далеко за полдень, когда Черный Джек наконец открыл глаза, и Толли с большим облегчением заметил признаки улучшения в лице гиганта.

— Это ты, мой маленький святой? — проговорил Черный Джек со слабой улыбкой, открыв зубы, сломанные, сточенные ужасной едой, которой он, очевидно, питался последние недели. А в последние дни он, видимо, ел такую грубую пищу, что у него были изодраны даже губы. Он жевал колосья неведомых злаков, какие-то колючки, грыз какие-то корешки — словом, все, что мог засунуть в рот. Он жил дикой жизнью, и, кажется, не слишком благополучной. И теперь, когда здоровье его исчерпалось, ему еще разок захотелось увидеть Толли.

— А я думал, — пробормотал Толли, — что тебя поймали.

Черный Джек горестно взглянул на Толли, и в глазах его, казалось, мелькнуло прежнее застарелое презрение.

— Но тебе, наверно, с твоим здоровьем и с твоей силой никто не страшен? Я полагаю, разок или другой ты мог бы что-нибудь где-нибудь стянуть, а? Чего-нибудь из еды, например, в какой-нибудь харчевне. Неужели тебе не удалось больше устроить ни одного крушения? Ни одной кареты? Ни одной коляски?

(Господь Всемогущий! Что сказал бы его дядя, морской капитан, услышав от племянника такие советы?)

Глаза Черного Джека наполнились страхом и горечью.

— Эх, Толли, попадались мне и харчевни, и кареты...

— Тогда почему же ты?..

Вместо ответа Черный Джек поднял руку и указал на свою шею, все еще хранящую расписку законной власти.

— Больно... Там... Такая боль тебе и не снилась, Толли. О, Боже! Меня словно повесили еще полторы сотни раз! Ох, Толли! Как будто все мертвые и сгнившие мистеры Кэтчи вдруг воскресли, чтобы объявить мне о моих грехах! И каждый со своей веревкой! О Толли!

И он, в самом крайнем отчаянии, рассказал мальчику о своем странном положении. Когда бы он ни решался на грабеж или воровство, даже для поддержания своего здоровья и силы, у него в шее начинались такие ужасные боли, что он порой не мог шевельнуть и пальцем. Разве Толли не слышал прежде, как он стонал от боли по ночам? Как ему кажется, сказал Черный Джек, весь мир слышит его болезненные стоны.

Но Толли не слышал. В удивлении, он покачал головой. Он вздрогнул, почувствовав, как

Черный Джек вцепился в его руку, словно в последнее свое спасение. Черный Джек снова поднял глаза на мальчика, но теперь в его взгляде не было презрения.

— Со мной все кончено, Толли. Я уже не го-жусь для своего ремесла. Что еще осталось мне в этом мире? Какая польза от меня? Что я такое, Толли? Бедное громадное создание, которое следует повесить!

И тут, точно так же, как недавно Белли, он излил всю тяжесть своей души на несчастное безотказное сердце Толли.

12. Счастливый отец

е желая выделяться среди раскрашенных фургонов каравана, Джек свой фургон, до сих пор ничем не украшенный, разрисовал сценами из восточной мифологии. К несчастью, дождь размыл все его не успевшие как следует высохнуть художества, так что от сцен осталась лишь одна фраза на фоне бирюзового восточного неба: “Все продаю и все покупаю”, — подобная рекламе некоего божественного старьевщика для неисправимых земных мотов и транжир.

Но внутри фургона было вполне по-домашнему и даже царил некий романтический дух, происходящий, скорее всего, от сломанного коньякачалки, семейства покалеченных кукол и нескольких занятных деревянных штуквин, в отношении которых совершенно невозможно было заключить, что это были за предметы и для чего предназначены.

Кроме того, на стенах висела целая коллекция театральных афиш из Гринвича, Бристоля и

Ричмонда что в Йоркшире. Джек в дни своего расцвета был гениальным актером на амплуа героя-любовника; да, бывали времена, когда театральные подмостки многих городов стонали от накала его страсти.

Вот в каком обществе пришлось Черному Джеку медленно восстанавливать свои здоровье и силу, истраченные месяцами бездомной жизни. Его регулярно навещал сам доктор Кармоди, но убедить гиганта хотя бы пригубить чудодейственного эликсира ему так и не удалось. Даже Толли не смог добиться этого. Добротной кухне миссис Кармоди Черный Джек предпочел бренди Джеда и иногда колбаски мистера Арбетнота, который приносил их тайком от жены, надеясь, что звезды в небе и карты в колодах докладывают ей о более важных вещах, нежели колбаса.

Но, будучи очень запущенным, подорванное здоровье Черного Джека восстанавливалось медленно. До самого сентября он даже не выходил из фургона, а когда стал бывать на свежем воздухе, то никогда не оставался там надолго. Как будто длительное бродяжничество внушило ему отвращение к открытому небу, никогда не бывавшему для него добрым и солнечным.

А может быть, причина таилась в близости лилипутов, которых он однажды пытался ограбить? Из всего каравана лишь они одни не разговаривали с Черным Джеком и даже вообще старались не замечать его. Они и не собирались прощать его, словно, спрессованные в малых телах, их души утратили мягкость и доброту.

А может быть, его удручал бесконечный поток хоршэмских горожан, которые все еще бродили с любопытством и надеждой среди затейливо раскрашенных фургонов каравана. Или это было из-за уютной обстановки в фургоне Джеда и его болтовни о былых театральных подвигах и бле-

стяще сыгранных ролях в пьесах, о которых говорили афиши на стенах фургона. Но, поскольку речь Джеда, невнятная и путаная, больше походила на поросычье хрюканье, то вряд ли Черный Джек мог из нее очень много почерпнуть.

Толли навещал его дважды в день, но вместо оживленного разговора между ними часто царило молчание. Этот гигант мог часами сидеть и смотреть с глубоким скорбным выражением на бородатой физиономии, но так ничего и не сказать. Напрасно Толли пытался заинтересовать его чем-нибудь. Даже Белли, казалось, не интересуется безучастного гиганта.

— Ей уже гораздо лучше, Джек! Ты теперь ее не узнаешь.

Черный Джек кивал головой, а сам рассеянно глазел на афиши вокруг.

— Отелло! — вдруг воскликнул он без видимой связи с разговором. — Эта сказка о носовом платке... Она меня преследует, Толли!

Толли нахмурился, недовольный тем, что Черный Джек не хочет ни понимать его, ни слушать.

— Ее глаза сияют, а мысли почти ясны, Джек, — настойчиво продолжал Толли, все еще надеясь вернуть подавленному гиганту бодрое настроение. — Если бы только она могла вспомнить свое имя и свой дом. Тогда все было бы чудесно! Я уверен, в ее семье не было помешанных.

— Носовой платок с вышитой клубникой... — безнадежно бормотал Черный Джек. — А потом ее задушили. О Боже! Нужны ли наши шеи для чего-нибудь другого?

Но в день отбытия каравана из Хоршэма его настроение, казалось, немного улучшилось. Он

даже улыбнулся, когда миссис Арбетнот громогласно объявила очередное грозное пророчество в адрес гордого доктора Кармоди, которому предстояло испытать глубокое и унижительное падение либо в Кроли (следующая остановка), либо немного дальше. И снова Арбетнотов обвела вокруг пальца, опередила, перехитрила эта коварная миссис Кармоди, которая обошла их на дороге. Остаток утра — дело было в пятницу — миссис Арбетнот просидела рядом с мужем. Ее темные глаза таинственно мерцали; ее грудь теснилась от противоречивых желаний. Как всегда, перед ними качался, громыхая коваными ободами, другой фургон. Никогда у них перед глазами не было свободной дороги. Для миссис Арбетнот эта уходящая вдаль дорога была символом будущего, к которому она стремилась и которое считала своим достоянием и правом.

Во время остановки на обед Толли и Белли отправились вдоль фургонов с большим чайником в руках, наполненным эликсиром доктора Кармоди.

— Я бы не дала эту дрянь даже собаке! — сердито проворчала миссис Арбетнот, попробовав снадобье, и вылила только что наполненную кастрюльку прямо на дорогу, под ноги Толли. Ее голос в тишине ясного летнего полдня донесся до переднего фургона, и миссис Кармоди из своего фургона не замедлила презрительно ответить, что в заднице маленькой Кассандры гораздо больше тайн и предсказаний, чем во всем драном фургоне Арбетнотов. Толли ухмыльнулся и поспешил увести Белли прочь. Он опасался, как бы эта ведьма, миссис Арбетнот, не рассердилась на Белли за ее широкую улыбку, которой та отреагировала на едкую эпиграмму миссис Кармоди.

— Привет, Толли, — поздоровался с мальчиком Джек. Он стоял в дверях своего фургона с

кувшином в руке и улыбкой на лице. — Заходи к нам.

Толли взглянул на Джеда. Владелец необозначенного фургона, подмигнув мальчику, приложил палец к носу и кивнул. Сердце Толли забилося. Он искоса взглянул на Белли. Она выглядела вполне презентабельно. Это будет ее первый визит. В предыдущую пятницу Джек ее не пустил. Но сейчас он сам пригласил их! По всей видимости, гиганта уговорили, что сумасшествие не заразно. А может быть, он согласился, наконец, с доводами Толли, что ужасное сумасшествие оставило Белли. Навсегда.

— Это она, Джек, — с тревогой объявил Толли. Белли, в своем желтом платье, показалась из-за Толли и, волнуясь, приблизилась к помрачневшему гиганту.

Белли протянула ему букетик полевых цветов с таким видом, словно предлагала их попробовать. Но тут Джек, перед этим отступивший в тень и ставший как бы подобием его же собственных вещей, непонятных и ненужных, поспешил вперед и принял вместо Черного Джека букет цветов из дрожащей руки девочки, отыскивая глазами для них местечко получше. Затем, с видом обескураженным, но любезным, он сунул букет в кувшин с эликсиром, который все еще держал в руке, и снова отступил куда-то в тень, где и затаился, погрузив свой нос в цветы, так что копна его волос, накрывшая букет, стала походить на гигантский цветок какого-то странного растения.

Черный Джек посмотрел долгим взглядом на Толли, потом на Белли. Она стесненно улыбнулась и взяла Толли за руку. Но Черный Джек был не в силах улыбнуться в ответ. Его огромное лицо было очень мрачно, когда он смотрел на хрупкую, встревоженную девочку, вцепившуюся в руку Толли.

— Вылечилась, ты говоришь... Чудо исцеления, ты говоришь... Прекрасно, прекрасно, — одобрительно бормотал Черный Джек, тогда как его ввалившиеся глаза отнюдь не выражали одобрения, с которым он говорил, а были по-прежнему темны, хотя в них и появился какой-то странный огонек.

Белли в недоумении нахмурилась; Черный Джек с интересом разглядывал ее. Толли с надеждой ожидал от Черного Джека дальнейшего одобрения.

— Десять фунтов, — неожиданно произнес Черный Джек. — Мы бы сторговались и за меньшие деньги. Я хочу...

Но им не суждено было узнать, чего хотел Черный Джек, обрадовать или огорчить их. Задний полог фургона откинулся, на фоне яркого солнечного полдня показалась закутанная в платок фигура. Это была миссис Арбетнот.

— Радости и веселья вашим сердцам! — воскликнула она и тут только заметила Толли и Белли. — А не пойти ли вам отсюда подальше с вашим чересчур гордым доктором Кармоди, мои дорогие?!

— Но, мадам! — начал было Толли.

— Никаких “мадам“! Я видела, как вы скалили зубы надо мной, и ты сам, и твоя придурковатая сучка! Так что запомните, если не в Кроли, то уж в Райгите обязательно! В Райгите вы будете посрамлены! Это я вам говорю, — ошибки быть не может! Мне сказали об этом сами звезды!

Миссис Арбетнот была в таком негодовании, что не заметила своего мужа, который пришел, чтобы увести ее домой. Он вел ее к своему фургону, а она оглядывалась и кричала:

— Райгит! Это будет ваш конец! Райгит, запомните! Райгит!...

Но тут мистер Арбетнот дал ей хорошего тумака, и грозное пророчество сменилось жалобным визгом и хныканьем.

Брезентовый полог задернулся, словно ножом перерезав золотой солнечный луч. Все вновь погрузилось в полумрак. Ядовитые слова миссис Арбетнот, казалось, все еще витали в полумраке фургона, в его тоскливом молчании. У всех в ушах до сих пор стояли ее выкрики: "Райгит! Райгит!" — подобные проклятиям разъяренной ведьмы.

— Райгит!... Райгит!

Но теперь эти слова исходили от Белли. Толли, широко раскрыв глаза, посмотрел на нее. Даже Джед высунулся из своей спасительной тени. Послышался глухой удар и звон черепков: это Джед уронил на пол кувшин с эликсиром. Но никто этого даже не заметил. Черный Джек заворочался на своей скрипучей койке. Его глаза утонули в темных впадинах под насупленными бровями. Он тоже глядел, не отрываясь, на Белли.

Ее широко раскрытые глаза, потеряв живость, стали как у большой куклы. Бледность покрыла лицо. Она вся дрожала. И все-таки она продолжала смотреть с пристальной неподвижностью сквозь брезентовую стену фургона, словно увидела за театральными афишами настоящую сцену и живых актеров, играющих пьесу.

— Что там? Что ты увидела?

Голос Черного Джека, низкий, хриплый, был полон страха. Толли похолодел. Его охватил ужас от того, что сейчас будет: видения Белли возобновились. Он шагнул к ней, готовый схватить ее в обнимку и держать, чтобы она, если будет биться в припадке, не разбила себе голову в тесноте фургона. Но Белли спокойно отстранила

его руку, хотя и не выпустила другой его руки из своей вспотевшей ладони.

Выражение ее лица смягчилось: краска вернулась на щеки, губы порозовели, ожили глаза. Она смутилась, заметив, какой переполох вызвала своим странным поведением.

— Меня зовут Белли Картер, — отчетливо произнесла она, словно представилась незнакомым людям. — Меня зовут Белли Картер, и мой дом в Райгите.

Она оглянулась вокруг, словно удивляясь странной компании, собравшейся в странной обстановке. Она как будто ждала слов одобрения, почувствовав, что ее болезнь наконец прошла и что она снова здорова и в хорошем самочувствии.

— Белли... — с благоговением выдохнул Толли.

— ...Картер, — добавила она с нарастающей уверенностью при виде радостного, ошеломленного, такого дорогого ей лица, лица Толли. — Я из Райгита, ведь это правда! Ты же знаешь это!

— Белли, — тихо повторил Толли, и все его речи, все желания, все мечты и помыслы слились в этом единственном слове. Он даже не был уверен в своем праве сказать что-нибудь еще. В самом деле, все его душевные силы в этот момент ушли на единственное: удержать слезы счастья, целый водопад слез, да еще на то, чтобы удержаться самому и не запрыгать, не заплясать, не запеть от внезапно охватившей его безумной радости и вообще, как бы не развалить весь фургон, что, конечно же, совершенно изумило бы и огорчило его благоразумного дядю, морского капитана. И тут Белли решительно повернулась к Толли и поцеловала его. А Толли, не в силах сдержаться от радости, принялся неистово целовать ее в щеки, в нос, в лоб... в ее неожиданно теплые мягкие губы.

— Bravo! Молодец! — промямлил Черный Джек, тоже едва сдерживая охватившие его чувства, доселе, кажется, вовсе ему не ведомые. Он даже засиял от гордости, что такое значительное событие произошло в его присутствии и удостоило собой этот жалкий, ничем не примечательный фургон.

Толли обернулся к Черному Джеку, который от волнения не мог сказать слова. Этот когда-то страшный убийца, которого Толли однажды спас после повешения, смотрел на него с неизбывной нежностью. Губы его тряслись, но не могли выдавить ни слова. Вместо этого по его заросшим щекам катились крупные слезы, едкие, как уксус. Его спаситель, его вечный кредитор, теперь был потерян для него навсегда; теперь он принадлежал другому созданию, тщедушному и слабому, уничтожить которое он мог бы одним движением своего пальца.

— Да!.. Bravo!.. — бормотал Черный Джек в приливе чувства.

Доктор Кармоди обиделся самым серьезным образом на то, что чудо выздоровления произошло в его отсутствие и не в его фургоне, но все же тоже очень обрадовался. Он щедро обещал самые благодатные перспективы и видел для надежд самые прочные основания.

— Это я совершил! Это я совершил! — восклицал он, тряся руку Толли; глядя на его самоуверенное лицо, кто усомнился бы в его заслугах? Кто угодно, но не Толли, чья заветная мечта наконец осуществилась.

Белли все помнила. Последняя завеса в ее памяти, "ороговение брыжейки", как называл это доктор, наконец упала, и за нею открылась совершенно отчетливая картина ее детства. Она вспомнила свой дом, просторный, светлый, с бесчисленными залами и комнатами, залитый ярким светом дня или озаренный множеством свечей по

вечерам, наполненный радостными лицами, всегда готовыми ей помочь.

— Это она о слугах! — с умилением пробормотал доктор Кармоди.

— Белли! — прошептал Толли

Она вспомнила мать, отца и сестер. Туманные образы существ необыкновенной красоты (она улыбнулась при этом воспоминании), их мягкие руки и шелест шелковых платьев...

— Она из состоятельной семьи! — догадался доктор Кармоди.

— Ну, Белли! — выдохнул Толли с ноткой грусти в голосе, уже предчувствуя, что происхождение этой девочки, возможно, закроет ему, простолюдину, путь к ее сердцу.

Затем она вспомнила странный и жуткий день, в который как будто погрузилась в глубокий сон, и только сейчас настало пробуждение. Этот день стал роковым для нее, время сдвинулось и потекло вспять, и все события случились вдруг одновременно, утратив между собою всякую связь. Утро, ночь, снова утро — все перепуталось в диком соседстве, в едином буйном коловращении. Вместо родных и ласковых лиц вокруг столпились угрюмые, страшные рожи, пропадая и вновь возвращаясь.

— Она возбуждена! — прошептал доктор Кармоди, предупреждая Толли.

Затем, в зловещем мерцании, весь ее дом вдруг провалился в никуда, и вместо него осталась вокруг лишь маленькая темная комнатка, в которой...

Тут она нахмурилась и покачала головой. Дальше она ничего не помнила.

— О Господи! — вздохнула миссис Кармоди. — Бедное создание.

Белли быстро взглянула на нее, затем улыбнулась и пожала плечами. Все уже прошло, даже

ее страшные видения. Всем своим сердцем Толли молился, чтобы болезнь больше не возвращалась: слишком уж походили на припадки сумасшествия ее воспоминания.

Этот счастливый день был второй пятницей в сентябре. Караван приближался к Кроли. Толли дал себе торжественное обещание, что непременно напишет письмо своему дяде, морскому капитану, и расскажет ему обо всем. Дело в том, что через три недели "Арго" должен был "стать на якорь" в Райгите.

Всеобщая радость была неопишима. Она сквозила во всем, истекая, подобно блестящим капелькам воды в каждом закоулке, в каждой щелочке, в каждом сердце, в каждой душе, населяющей "Арго". Люди улыбались друг другу безо всякой видимой причины, словно зараженные счастьем, исходящим от Толли, а может быть, и от Белли. Это была настоящая эпидемия жизнерадостности. Но, как и при всякой эпидемии, нашлись люди, избегнувшие "заражения". В частности, миссис Арбетнот сумела уцелеть и жила все эти дни без малейшего следа улыбки на лице.

В самом деле, она всю эту историю посчитала оскорблением для себя и для своих ненадежных осведомителей: звезд и карт. Тем не менее она осталась верна им до конца и расхаживала везде с видом неизбывного уныния, безнадежно бормоча себе под нос: "Райгит! Райгит! Вот где они найдут свой конец!"

— Если кто-либо может указать причины, в силу которых им нельзя быть вместе, пусть этот человек выскажет их прямо сейчас, ибо потом он будет обязан хранить молчание...

Мистер Картер замер; его напрягшееся лицо, казалось, переняло цвет от его кроваво-красного

камзола. Но никто ничего не сказал; среди гостей, собравшихся в райгитской церкви на это великолепное пышное обручение, не было того остроглазого дьявола, которого так опасался мистер Картер.

— Так будьте же мужем и женою! — возгласил священник, и обряд был свершен. Кэтти Картер навсегда превратилась в леди Сомерс.

С огромным облегчением, еще не совсем веря услышанному, мистер Картер вздохнул и вытер платком разом вспотевший лоб и повлажневшие вдруг глаза. Хэтч упустил свой шанс. Страдальческая улыбка скривила губы мистера Картера при воспоминании о своем мучителе, которую окружающие, видя к тому же его влажные глаза, легко приняли за выражение радости престарелого отца при виде счастья своей дочери, смешанной с грустью от ее утраты.

Но чувства, вызвавшие эту странную полусчастливую, полугорестную улыбку на лице отца невесты, были совершенно иными. После зловещего визита этого маленького дьявола мистер Картер жил в адском мучении, ожидая каждую минуту возвращения шантажиста. Он мог появиться в любой день, в любую минуту; Хэтч виделся ему везде: в дверях, в окне, в саду, на дороге, наконец, в церкви, в самый разгар церемонии!

— Выше голову, мой дорогой! Изгоните печаль из своего сердца, ибо вы отнюдь не утратили дочь, но приобрели сына! — подбодрил его викарий; его бокал звонко тронул бокал мистера Картера. Мистер Картер наконец осознал, что он уже давно не в церкви, а в собственном особняке, в окружении радостных гостей и счастливых родственников, среди веселого шума и гвалта праздника.

— Вы должны решить все раз и навсегда, сэр!

Мистер Картер кивнул со странной улыбкой на лице. Он уже решил. Всем его действиям сообщила нервная торопливость. Даже тосты он провозглашал скороговоркой, заплетающимся языком.

— За пачливую чарочку! Ох, извините! За счастливую парочку! — поправлялся он, смеясь, и все смеялись его оговорке, словно удачному каламбуру. Все улыбались добродушному, радостно возбужденному отцу, который смеялся не переставая до тех пор, пока новоиспеченная леди Сомерс и ее муж не сели в свой экипаж, а миссис Картер в другой экипаж (она собиралась сопровождать молодых в свадебном путешествии во Францию), и все остальные гости, краснолицые, довольные торжеством, расселись по своим каретам, — словом, до тех пор, пока не опустели недавно наполненные шумом праздника многочисленные залы и комнаты, и во всем доме остался только хозяин да еще слуги.

И тогда улыбка сошла с лица мистера Картера. Он достал пистоль, тщательно зарядил его недрогнувшими руками и положил перед собою на письменный стол в малой гостиной. Если Хэтч заявится к нему опять, он просто-напросто пристрелит его!

Неожиданно ему в голову пришла новая мысль. Он вынул лист почтовой бумаги и гусиное перо. Лицо его озарилось улыбкой. Он отодвинул пистоль в сторону, взял перо и начал писать.

“Сэр, вы забыли о своем долге и обманули мое доверие. Я стал жертвой шантажа. Но я этого не потерплю. Я скорее сам с крыши собственного дома разглашу о своей трагедии, нежели допущу хотя бы еще день страха перед столь гнусным созданием, как ваш Хэтч. Таким образом, я требую, чтобы вы немедленно вернули мне мою несчастную дочь, Белли Картер. Я хочу, чтобы

она жила со мной. Будьте добры, сэра, привезите ее безо всякого промедления“.

Он запечатал письмо и надписал адрес доктора Джонса из Ислингтона.

Словно тяжкий камень свалился с его души. После женитьбы Кэтти скрывать свою сумасшедшую дочь далее было бессмысленно. Пусть говорят, что хотят. А если этот шантажист рискнет снова сунуть к нему свой нос, он встретит его презрением. Убивать его вовсе ни к чему. Мистер Картер поздравил себя с этой блестящей мыслью о письме, так вовремя осенившей его. Теперь отправить его поскорее, и катастрофа предотвращена.

А на столе в малой гостиной все еще лежал забытый хозяином заряженный пистоль...

13. Второй визит дьявола

этч, уважаемый, преуспевающий, процветающий и, надо признать, экстравагантный, был разочарован и даже оскорблен приемом в заведении доктора Джонса в Ислингтоне. Сам доктор встретил его в гневе, более приличествующем пациенту его заведения, нежели его содержателю. И пастор Холл вел себя ненамного учтивее своего хозяина. Хэтч заявился к ним не в лучший день. Накануне пришло письмо от мистера Картера.

— Ты вероломный маленький дьявол! — завопил доктор, схватив Хэтча за рукав новенького сюртука и волоча в прихожую.

— Т-такая встреча, сэра! А что, собственно, произошло? — Хэтч от страха даже начал заикаться. Пастор Холл с яростью захлопнул переднюю дверь и зловеще воззрился на Хэтча.

ли друг на друга. Сюда, из палат на верхних этажах этого частного сумасшедшего дома, доносились крики и возгласы больных, их дикий хохот.

— Нельзя терять ни минуты, Джонс! — воскликнул пастор Холл. — Немедленно отправляйтесь в Райгит.

Доктор посмотрел на своего друга и советчика.

— А кто повезет меня? — горестно спросил он. Пастор нахмурился. С мужской половины, нарастая, доносились вопли и лязг цепей. Словно извергнутые из своих тел привидения вернулись назад и обнаружили запертыми двери своих могильных склепов.

— Чертов Митчел! — в раздражении сказал пастор Холл.

Письмо мистера Картера было не единственным обрушившимся на них бедствием. Митчела, санитаря и кучера по совместительству, недавно похитили. Точнее говоря, он крепко перебрал вина в корчме “Ангел”, спьяну принял королевский шиллинг у сержанта-вербовщика и мигом превратился в рекрута армии Ее Величества. Однако, когда помощники сержанта под руки поволокли новообращенного героя вон из корчмы в сторону славы и полка лорда Делаваара, квартировавшего на другом конце города, Митчел обернулся к родному сумасшедшему дому и завопил что было мочи, чтобы “последний ураган налетел на вербовщиков, вырвал его из их хищных лап и вернул его домой”. Но поскольку это страшное событие не торопилось с осуществлением, то сумасшедший дом в конце концов остался без санитаря и без кучера.

— Пойду подыщу кого-нибудь в корчме “Ангел”, — сказал пастор Холл. — Это обойдется нам в пару гиней.

— Городской дилижанс обойдется дешевле, — возразил доктор, близко принимавший к сердцу все, что касалось экономии денег.

— Но он еле тащится, Джонс. А нам надо опередить этого маленького воришку.

— Но... — многозначительно подняв брови, хотел было возразить доктор, но пастор покачал головой. В лице Хэтча они столкнулись с каким-то сверхъестественным вероломством и предательством. Пастор Холл не сомневался, что этот маленький негодяй отправился вовсе не на поиски Белли, а к мистеру Картеру, чтобы еще разок потрянуть его карманы.

— Ну тогда... — многозначительно промолвил доктор, и пастор, соглашаясь, кивнул. Хэтч, конечно же, не поверил им. Как только он доставит им эту идиотку, то никаких денег он не дождется, и он это понял.

— Но зачем тогда?... — спросил доктор.

Пастор улыбнулся. Двадцать пять фунтов? Пустяки. Но если бы они ему не дали ничего, то он бы наверняка понял: они ему не верят. Пастор прекрасно разбирался в людях такого сорта.

— С двадцатью пятью фунтами в кармане Хэтч не будет слишком торопиться, зная, что мы будем ждать его целую неделю.

— Итак, надо спешить в Райгит, мой друг. Немедленно. У нас есть шанс убедить Картера отказаться от своего решения. Может быть, удастся поправить наши дела. Поверьте, мой друг, эти двадцать пять фунтов могут принести нам спасение...

Но пастор Холл переоценил Хэтча, которому едва исполнилось шестнадцать и который не был еще достаточно изощрен в интригах такого рода. Он не обладал способностью пастора ставить себя на место своего противника и действовать, предугадывая его намерения. Все стремления Хэтча сводились к одному: украсть.

Таким образом, выйдя из сумасшедшего дома, он припустил что было прыти на своих коротких сильных ногах в Саутворк, откуда ровно в половине второго в Райгит отправлялся пассажирский дилижанс. Он никогда не озадачивал себя вопросом, за что, собственно, доктор дал ему целых двадцать пять фунтов. Внутренний голос шептал ему, что надо поскорее удирать из Ислингтона. Внутренний голос также говорил ему, что если он не встретится с мистером Картером как можно скорее, то ему лучше вовсе не появляться в Райгите.

В то время, как пастор Холл объяснял доктору Джонсу образ мыслей и психологию поведения этого маленького негодяя Хэтча, сам Хэтч был уже на Рэг-стрит и направлялся к Лондонскому мосту. Он уже пересекал Чипсайд, когда готовая в путь черная карета доктора Джонса с новым кучером на козлах подъехала к крыльцу сумасшедшего дома. А когда пастор Холл одобряюще положил свою большую волосатую руку на плечо своего импульсивного друга, Хэтч уже летел по самому Лондонскому мосту. Он прибежал к Райгитскому дилижансу за пятнадцать минут до его отправления. Только теперь карета доктора Джонса выехала со двора и отправилась в путь. В ней находился сам доктор, тучный, в добротном темном сюртуке. Он был не один. Напротив, на мягком сиденье, не видимый никому, устроился Страх. Этот ужасный тип чуть ли не через каждый ярд задавал доктору каверзные вопросы, от которых у него мороз бежал по спине. Он что-то угрожающе бормотал о судебных предписаниях и исковых обвинениях в мошенничестве. Он то и дело поминал судебных исполнителей и намекал на каких-то докторов, посаженных в тюрьму, безо всякой надежды на освобождение...

— Сэр! Доктор Джонс! Доктор Джонс!

Знакомый голос прервал его гнетущие мысли. Кто-то кричал ему, очевидно, узнав его карету. Доктор высунул голову в окно.

— Доктор Джонс! Это я!

Бравый солдат в новеньком красном мундире и голубых бриджах махал ему шляпой. Это был Митчел. Его окружали четверо или пятеро той же братии в коричневых мундирах с такими зверскими рожами, что за будущее Митчела можно было не беспокоиться: оно беспросветно. У самого Митчела глаза сверкали бешенством и гордостью. Он снова заорал во всю мочь, и доктору показалось, что он слышит:

— К черту проповеди! Бей святош! Он уже близко, конец света! Скажи пастору, что он...

Но голос Митчела утонул в грохоте колес, и доктор потерял из вида новоиспеченного гвардейца-мессию с его зловещими, мрачными апостолами, которые поспешно поволокли его прочь.

Доктор Джонс, закрыв окно, удобнее устроился на сиденье, но мистер Страх, и так достаточно рослый мужчина, казалось ему, еще увеличился, заполнив собой почти все свободное пространство. Он был совершенно потрясен совпадением устрашающего предсказания бывшего кучера с его собственными обстоятельствами, пославшими его в эту вынужденную поездку.

— Быстрее, дружок! Быстрее! — закричал он вознице. — Дело идет о жизни и смерти!

Кучер, зараженный докторским беспокойством, принялся нахлестывать лошадей, и карета полетела стрелой. Очи с такой быстротой пронеслись через пригород, словно поводья держал сам Митчел. И если бы они отправились из Ислингтона немного раньше, то наверняка достигли бы Райгита до прибытия туда пассажирского дилижанса. Распряженные лошади еще дымились паром, когда карета доктора пересекла постоянный двор. Пассажиры уже разошлись. Кто пошел в

гостиницу, кто отправился в город. Лишь один из пассажиров, легко передвигающийся на коротких сильных ногах, повернул к особняку мистера Картера.

Было уже несколько минут седьмого; день угасал. Приближался тревожный, гнетущий вечер. Кое-где в особняке окна были открыты. Хэтч ухмыльнулся, предвкушая удачу. Ну как было ему не верить в удачу, если даже сама погода благоприятствовала ему! Он поспешил к зданию, стараясь держаться в тени. В эту минуту им руководил один лишь инстинкт, который пронизательно советовал, что лучше не стучать в двери парадного подъезда. Он прокрался вокруг дома, заглядывая в окна, пока наконец не нашел окно той самой маленькой гостиной, где он уже однажды побывал с большим успехом. Его ухмылка стала шире. В душе он возблагодарил судьбу за это тонкое чутье, которым она его снабдила.

Там, в гостиной, в кресле с высокой спинкой, закрыв глаза, со слабой улыбкой на утомленном лице, сидела ничего не подозревавшая жертва Хэтча: сам мистер Картер. Одна рука его покоилась на коленях, другой он опирался о маленький, стоявший рядом письменный столик. Распахнутое окно открывало путь свежему воздуху... а также и самому Хэтчу...

— Слава Богу, мы здесь! — воскликнул доктор Джонс, едва его карета остановилась у парадного подъезда дома Картеров. Он торопливо выскочил из кареты и взбежал по ступеням. Он поднял висевший на цепочке молоток и ударил раз, потом еще раз и хотел было ударить в третий. Но дом опередил его. Третий удар раздался сам по себе. Из глубины дома донесся оглушительный грохот, от которого задребезжали стекла в окнах, а сердце доктора едва не выскочило вон из груди.

14. Козни Джека

олли и Белли, Белли и Толли... Что бы ни происходило, они оставались неразлучны. Даже когда ночь разделяла их, они обитали в снах друг друга. Это была необычная любовь, не похожая ни на какую другую, о которой каждому из них доводилось когда-либо слышать. Хотя Белли первая призналась в своей любви, Толли был убежден, что ее источник ожил в нем гораздо раньше. Он мог бы даже отметить первые ее признаки еще тогда, в том апрельском лесу, когда они встретились впервые.

— Ох, Толли! — встряхивая головой, негодовала Белли, взъерошенные волосы падали на ее влюбленное насмешливое лицо. — А почему не раньше? Ты ведь любил меня всегда, не так ли? Неужели ты был такой бессердечный, что сидел и ждал, пока мы не встретимся?

Толли сокрушенно разводил руками и просил прощения. Потом, вместо оправдания, чрезвычайно торжественно целовал ее прямо в веснушчатый нос. В ответ на это Белли важно морщила лоб и соглашалась, что, хотя они без всякого сомнения любили друг друга чуть ли не с начала времен, все-таки именно та первая встреча дала имена их любви: для нее Толли, а для него — Белли.

Они кивали друг другу и умолкали, уже в который раз задумываясь о неповторимых особенностях их любви, вознесшей их столь высоко, что они казались себе летящими над землей, над городскими окраинами, над караваном ярко раскрашенных фургончиков.

— Ну посмотрите, разве они не любят друг друга? Сушие голубки! — в умилении произнесла миссис Ханнах, жена ювелира “всех корон“.

— Мистер Ханнах обещал сделать им пару настоящих золотых колец, когда они решат пожениться. Боже, пусть это произойдет поскорее!

Ее молитве сопутствовал согласный шум сдержанных голосов; всем было приятно видеть Белли и Толли неразлучными, как солнце и вода.

— Но Картеры, наверное, очень богатые люди, — бормотала миссис Кармоди с легкой тревогой в голосе. — Они могут не дать своего согласия.

— Не дать? — воскликнул доктор Кармоди с видом наивного удивления. — Не дать, мадам? Это после всего того, что этот мальчик и я для нее сделали? Разве такое возможно? Разве они не люди? Разве у них каменные сердца? Да их согласие — это пустая формальность! Мы так обставим дело, что они увидят свое потерянное чадо уже исцеленным. Они убедятся, что ее расстройство миновало самым чудесным образом и больше не повторится!

Миссис Кармоди вздохнула и покачала головой. Мучившие ее сомнения лишь разжигали в ее муже неистребимое самодовольство. Между тем начался октябрь, и караван уже подходил к Райгиту.

Стояло чудесное ясное утро, но в воздухе уже чувствовалось приближение зимы. Хотя солнце пряталось за облаками, тепло его лучей достигало земли, словно смутное воспоминание о лучших днях и чистом небе.

Толли, Белли и доктор Кармоди оделись красивее, но в соответствии с погодой. Миссис Кармоди бросалась то к одному, то к другому, поправляя шейные платки, одергивая воротники и вообще обихаживая их на свой женский манер, чтобы ничто в них не оскорбило взгляда и вкуса членов богатого семейства. Они собрались навестить Картеров. Миссис Кармоди с гордостью смотрела им вслед, довольная их видом, и даже

заставила Кассандру помахать ручкой “милой леди и ее прекрасному кавалеру“, которые шли рядом с папой.

Как всегда, они шли рука об руку, и, как всегда, в их походке было что-то от танца. Желтое легкое платье Белли порой выглядывало изпод серой теплой накидки, подобно ее возбужденной радости, время от времени прорывавшейся наружу. Толли смотрел на нее сбоку, не в силах оторвать глаз, и его лицо, которое миссис Кармоди привыкла видеть спокойным и сдержанным, теперь словно сияло и светилося всеми оттенками радости и гордости за свою спутницу.

— Благослови их, Господи! — вздохнула она, и маленькая Кассандра, увидев набегающие слезы в глазах у мамы, тоже начала кукситься и даже заплакала, наивно полагая, что всякие слезы происходят только от горя.

Наши путники подошли к постоялому двору и решили, что Толли и Белли будут ожидать в харчевне, а доктор Кармоди отправится в особняк Картеров и сообщит им о необычайно приятном сюрпризе, который их ожидает.

Более хорошего посла нельзя было и представить; само лицо его внушало доверие лучше всякой верительной грамоты. Доктора Кармоди принимали везде. Толли и Белли устроились в уголке за столиком и стали ждать с таким нескрываемым нетерпением, которое вызывало снисходительные улыбки даже у самых раздраженных путешественников, утомленных тяготами дорожной жизни.

Сначала они устроились на лавке у самой двери. Потом пересели на другую, ближе к очагу. Наконец освободилось местечко в укромном уголке, они перебрались туда с таинственными улыбками на счастливых лицах, как будто лишь они одни в целом свете понимали толк в уединении.

Они пили подогретый эль из одной кружки и целовались украдкой, выбирая моменты, когда никто не смотрел в их сторону. После поцелуя они, храня молчание, оглядывали одного за другим всех посетителей харчевни, смущая их пристальными взглядами, пока опущенные глаза соседей не говорили им, что можно поцеловаться снова.

— Ну вылитые попугаи! — проворчал хозяин харчевни. — Можно подумать, что всей остальной жизни им не хватит для этих глупостей.

Тем не менее даже он был невольно очарован юной парочкой в углу харчевни, и в душе понимал, да и многие из посетителей тоже, что перед ними была настоящая любовь, а не просто баловство и поцелуйчики. Да разве не случилось такого и с ними тоже?

Наконец дверь харчевни отворилась, и холод побежал по комнате. Огонь заметался в очаге, густо обдавая всех дымом.

— Дверь на петлях, сэр. Новейшее изобретение. Она захлопнется, лишь только стоит вам толкнуть ее обратно, — с мрачной иронией заметил вошедшему содержатель харчевни.

Доктор Кармоди потерянно кивнул и с убитым видом закрыл за собой дверь. Итак, он вернулся.

Хороший посол... Принимают везде... Наши влюбленные в углу харчевни, широко раскрыв глаза, смотрели на его нетвердую походку. Подобно октябрьскому солнцу, висящему в небе, но уже не дающему тепла, их улыбки словно застыли на лицах, не принося радости.

Найдя их глазами, доктор направился к ним в угол. И если его лицо правдиво говорило о состоянии дел, то, глядя на него, можно было безошибочно заключить, что все пропало. Наверное, впервые в жизни оно не светилось воодушевлением: оно не обещало никаких надежд.

Он тяжело сел к столу. Попытался улыбнуться, затем поник головой, вперив глаза в исцарапанный стол, словно вид счастливых Толли и Белли внушал ему безмерное горе.

— Доктор Кармоди...

— Ох, мои дорогие, — горестно проговорил он. — Я принес плохие новости. Мистер Картер, твой отец, Белли... Неделю назад... Он... Там у них случилось одно происшествие... Словом, он мертв.

Доктора словно раздавило это несчастье. Словно черная птица беды свила свое гнездо, но не на его плечах, а в самом его сердце. Никогда еще его красивое лицо не выражало столь глубокого уныния. Он был сбит с толку той быстротой, с которой мальчик догадался, что это еще не все беды. Страх ожидания застыл в его глазах. Тщетно доктор Кармоди пытался избежать его прямого взгляда. Он преследовал его, вопрошая, надеясь, страшась...

— Идемте отсюда, мои дорогие, — с трудом проговорил доктор Кармоди. — Нам здесь больше нечего делать.

— Но моя мама? — прошептала Белли. — Могу я с ней встретиться?

— Она уехала за границу. К счастью. И твоя сестра тоже. Она только что вышла замуж. Такое счастье... Но не для тебя, моя девочка. Каждая мелочь, учтена каждая мелочь! Законники, они, знаешь ли...

— Но его могила! — грустно сказала Белли, плохо помнившая человека, который умер, но тем не менее скорбящая о нем. — Я должна положить цветы на его могилу.

— Он похоронен в Лондоне, моя девочка. При подобных обстоятельствах... некоторые семьи... Эти похороны...

— Но мой дом?

— Идем отсюда, Белли, идем отсюда!

Это уже говорил Толли. Он взял ее за руку и, не глядя по сторонам, спотыкаясь, повел ее к выходу..

“При подобных обстоятельствах“. При каких обстоятельствах? “Одно происшествие“. Что за происшествие? Что скрывается за этой крошечной паузой между “одно“ и “происшествие“? Ужасная пауза, не шире, чем лезвие ножа, но такая же смертоносная. Он не мог смотреть на Белли. Он не мог говорить с нею. Он боялся, что она прочтет ужас в его глазах, в его голосе... Все, что он мог делать в ту минуту, это крепко сжимать ее руку и молиться, чтобы его пальцы не выдали ей того ужаса, который наполнял его душу.

К счастью, она казалась слишком погруженной в свою скорбь, чтобы ощущать его страдания.

Позже, на исходе того дня, когда они уже были дома и Белли не могла ничего услышать, доктор Кармоди по секрету рассказал Толли все то, о чем тот уже догадался и сам.

— Рядом с этим несчастным нашли его пистоль. Совершенно случайно первым его обнаружил врач. Он постучал в двери особняка перед самым выстрелом. Рука жизни стучала в одну дверь, образно выражаясь, тогда как рука смерти стучала в другую. Это оказался доктор Джонс. Выдающийся человек. Владелец частного сумасшедшего дома в Лондоне. Очень уважаемый... Один из виднейших людей города. Благодарение Господу, что лакей узнал его. Он тут же привел его к месту трагедии. Они не теряли времени. Доктор Джонс осмотрел несчастного. Даже принесли одеяла и бренди, хотя в этом случае... В общем, сделали, что могли. Но все напрасно. Жизнь угасла.

Доктор умолк, качая головой.

— Джонс считает, что пистоль выстрелил случайно, когда мистер Картер протирает его.

Доктор даже попросил мажордома поддержать его в этом мнении. Чуткий, добрый человек. И хороший профессионал. Он был чудовищно потрясен. Даже выпил бренди. Но он держал себя в руках. Даже когда смотрел бумаги на столе, в надежде найти предсмертную записку. Он ничего не нашел. Это многое прояснило бы, я полагаю. Иначе, остаются сомнения. Таково мнение доктора Джонса, хотя он допускает, что тут могла иметь место и иная история. Например, непонятное поведение мистера Картера в последние дни. Нервность безо всяких к тому причин; признаки мании преследования; даже посещения духов... И потом, эта его путаная речь на свадьбе дочери (зловещий признак, поверь мне). Все это было намеками и указателями. Увы! Подобные указатели расшифровываются неправильно, пока дорога не приведет к роковому концу. К несчастью, мы увидели их только теперь...

— Нет сомнений, мой бедный Толли, — продолжал доктор Кармоди свои увещевания, — что отец этой девочки наложил на себя руки. Это было самоубийство помешавшегося человека... Ей нельзя говорить об этом, но болезнь у нее в самой ее крови. На какое-то время болезнь затаилась в ее мозге, но лишь на время. Она вернется. Девочка как была, так и осталась сумасшедшей, поверь мне, Толли. И, подобно своему отцу, она погибнет, что будет для тебя трагедией. Подумай над этим!

Итак, это должно было произойти. Удар, которого он опасался больше всего, неизбежен. И этот удар был для него тем более тяжек, что надежда уже глубоко укоренилась в его душе. Он понял, что кому-кому, а ему и Белли не суждено счастье, к которому они так стремились.

Уныло он припоминал безрадостные слова своего дяди: "Остерегайся спокойного моря; в нем таятся штормы. Остерегайся чистых небес,

потому что из них может грянуть буря. Избегай безмерного счастья, и ты избежишь безмерного горя“.

Но вихрь уже захватил его, причинил острую боль, смял его, разбил его полную надежд душу. Сколько еще осталось ему перед тем, как он утратит Белли навсегда? Лучше уж вовсе не видеть ее счастья, чем, увидев ее, счастливую, наблюдать ее падение.

Ее обаяние, ее своеобразная прелесть, ее неизменная веселость, так быстро переходящая в серьезность и снова обращающаяся в ласковую насмешливость, сама ее улыбка... Все это должно исчезнуть, медленно утонуть во мраке помешательства и саморазрушения или, того хуже, сразу, грубо, распасться в ничто, оставив после себя скотоподобное существо, лишенное даже проблесков разума.

С ужасом он анализировал признаки ее грядущей гибели, грозные знаки распада. Как это будет происходить? Он очень хорошо знал как. Сначала вернутся ее страшные видения. Каждый поворот ее головы, каждый долгий взгляд теперь будет наполнять его тревожным ожиданием готового разразиться припадка. А она, ощущая его тревогу, будет каждый раз смотреть с грустью и вопрошающе на него и видеть в ответ его фальшивую счастливую улыбку, словно ничего не происходит.

Ох, эта проклятая улыбка! У него она будет, он чувствовал, как прибитая железными гвоздями! И тогда Белли улыбнется ему так же фальшиво и, тронув за плечо, оставит наедине с его тяжелыми мыслями, а сама уйдет играть с маленькой Кассандрой, к которой она так смешно и нежно привязана.

Его мысли. Еще задолго до этих дней он решил, что никогда не оставит ее. Но он не мог из-

бавить себя от грустных размышлений о том, что ждет его, когда ее душа окончательно утонет во мраке безмолвия. Или того хуже: что с нею станет, если он вдруг умрет или погибнет? Он трепетал при одной этой мысли и давал себе слово беречь свое здоровье, избегать всяческих ссор и драк, а также никогда не подходить к лошади сзади.

Но Белли ни в коем случае не должна знать, что ей суждено. Теперь он понимал, что ее гневливость, иногда задевавшая его глубокую и неизменную любовь, происходила от чужеродной примеси в ее крови. Ее беспечность также была вызвана ее болезнью, которая, он решил, уже прошла, хотя это было вовсе не так. Но она ничего не должна знать об этом.

Это были самые горестные дни из всех, какие ему выпадали в жизни. "Арго" громыхал своими коваными ободами из Суррея в Кент. Зима была на носу. Весть о том, что юная любящая парочка упала духом, непонятным образом облетела все фургоны. Даже миссис Арбетнот, несмотря на то, что ее предсказание наконец сбылось, утратила свой пыл. В самом деле, она сама так была напугана своей пророческой силой, что не смела поднять глаза в ночное небо из страха, что звезды опять покажут ей нечто ужасное. Таким образом, когда караван достиг Фавершемма и семья Кармоди снова оказалась первой на дороге, ей ничего не оставалось сказать, кроме: "Больше меня о будущем не спрашивайте! Не спрашивайте меня больше ни о чем. Я больше не отваживаюсь пророчествовать!"

Но однажды, ко всеобщему огорчению, кое-кто из путешественников исчез и не вернулся.

Черный Джек следил за мальчиком, погруженным в свое тайное горе. И, когда он наблюдал за Толли, в нем вдруг шевельнулось его собственное непостижимое сердце.

Он увидел очень многое, но еще о большем догадался. Черный Джек мог, если требовалось, ходить так бесшумно, как плывет облако. Возможно, это было самое страшное из его качеств. При своей гигантской величине и чудовищной силе, он не был лишен и хитрости. Это был противник гораздо более грозный, нежели предполагал Толли. Но с какой целью он следил за Толли и собирал о нем сведения, Черный Джек никому не говорил. Тем не менее Джек в своем фургоне почувствовал, что его могучий компаньон вынашивает некий план. По вечерам тусклый свет фонаря, казалось, выдавал след кривой улыбки в его дремучей бороде.

И однажды Черный Джек все-таки добился у доверчивого доктора Кармоди весьма умных советов — и это при собственных глупых отговорах! — и тех сведений, которых ему так не хватало.

Черный Джек ждал благоприятного момента до самой середины декабря, до того унылого воскресного утра, когда они отдыхали под Фавершеммом. Стояло холодное утро; сильные порывы ветра срывали с деревьев последние высохшие листья и разгоняли их с хрустом и скрежетом по темным заброшенным углам, где они бешено крутились и танцевали, словно помешанные, пока не успокаивались и не замирали совсем.

Толли и его хозяин, вместе с другими путешественниками, отправились на ближайший постоялый двор подыскать конюшню для своих лошадей, чтобы спрятать их от столь ужасного ветра. Их не было вот уже полчаса. Белли ждала их возвращения, то и дело выглядывая наружу. И тут ее увидел Черный Джек. Он окликнул ее и поманил рукой. Но ветер, растрепав ему волосы и бороду, заглушил его слова. Он снова позвал ее. Белли кивнула, надела накидку и побежала к фургону Джеда. Она совсем не боя-

лась гиганта. Она вовсе не подозревала, что он задумал ее погубить...

Черный Джек поставил для нее табурет рядом со своим. Белли покачала головой и осталась стоять. Он внимательно рассматривал ее миниатюрное личико. Ее глаза лучились таким небывалым светом, что Черный Джек не мог не засомневаться в душе своему тайному знанию о ее недуге...

— В Ислингтоне есть сумасшедший дом доктора Джонса. Ты из этого дома. Ты это знаешь?

Глаза девочки засверкали еще сильнее: в них показались слезы. Но ее лицо не выказало ни удивления, ни протеста в ответ на недобрые слова гиганта. Она, кажется, даже ожидала, что кто-нибудь рано или поздно скажет ей эти слова.

— А разве я не вылечилась? — тихо спросила она, и гигант, чтобы расслышать лучше, наклонил к ней голову.

— Наверно, причина в моем отце? — продолжала Белли. — Что-то такое было...

— Он покончил с собой, — угрюмо объявил Черный Джек. Он, как и Толли, оказался, на самом дне жизни, но хотел выбиться в люди любой ценой, не разбирая средств. — Им овладело сумасшествие. И в твоей крови та же болезнь. Она еще вернется к тебе. Она может вернуться в любой момент. И ты сделаешь то же самое, что и твой отец. У тебя нет надежды.

Слезы ручьем побежали из глаз девочки, стекая по щекам и падая на ворот накидки. Но она все смотрела на мрачного гиганта, смотрела без всякого гнева или раздражения. С мрачным удовольствием Черный Джек наблюдал за ее лицом, искаженным печатью безысходного горя.

— Я знаю... — лепетала она. — Он не хотел мне говорить. Ему было бы очень тяжело сказать мне всю правду. Может быть, мне самой следовало расспросить его? Но я не могла. Я так испуга-

лась, что он обвинит во всем себя, обвинит себя за то, что скрыл от меня правду...

— Он очень странный. Ты не находишь, Черный Джек? — с грустной улыбкой продолжала Белли. — Он так боится своих чувств... Мне кажется, это на него повлиял его дядя, морской капитан! Но если бы он знал, каким искренним, каким прекрасным бывает его племянник, когда забывает его советы! Я не знаю, что он с ним сделал! И ты, и я — мы ведь оба любим Толли? Правда, Черный Джек?

Гигант сурово смотрел на нее, не произнося ни слова.

— Но ведь ты здоровее и сильнее меня, Черный Джек, и лучше меня. Ты ведь знаешь это. Ну скажи, неужели я должна бросить его? Неужели я должна уйти в Ислингтон?

Она замолчала, вопрошая его доверчивыми глазами. Черный Джек посмотрел на нее бешеным взглядом.

— Да, да, да! — грозно подтвердил он. — Ты д о л ж н а ! Ты сказала, что любишь его? Тогда зачем ты хочешь испортить ему жизнь? Он ведь должен будет нянчиться с тобой, а сам будет ждать, когда ты покончишь с собой, как твой отец. Это фальшивая любовь. Ты хочешь, чтобы он ночей не спал и всю жизнь, изо дня в день, стерег тебя, опасаясь, что, как только он отвернется, ты убьешь себя? Ты этого хочешь? Странная это любовь, мисс. Не хотел бы я, чтобы меня любили такой любовью!

Лицо Белли в эту минуту выражало всю глубину ее горя. Но Черный Джек был неумолим. Может быть, он и сам отчасти верил в то, что говорил? Может быть, эти слова и ему самому наносили жестокие раны, кровоточащие внутри, но не имеющие внешних проявлений? Его лицо хранило каменное выражение, стереть которое, наверное, было под силу лишь землетрясению.

— Хорошо, Черный Джек! — прошептала Белли. — Я буду любить его той любовью, которую ты считаешь выше моей. Я обещаю тебе, эта любовь будет настоящая. Она будет велика.

— Насколько? — недоверчиво спросил Черный Джек.

Слезы бежали по щекам девочки. Она с мольбой взглянула на своего жестокого собеседника.

— Ты ведь останешься с ним, Черный Джек? — спросила она.

Гигант, подумав, кивнул.

— У нас с ним есть... есть одно незаконченное дельце, — нехотя буркнул он. — Я и Толли, видишь ли...

— Хорошо, я не скажу ему, что ты приказал мне...

— Черт возьми! — взорвался гигант. — Если не скажете вы, я сам ему скажу! Я не нуждаюсь в одолжениях, мисс!

— Нет, — спокойно ответила Белли. — Никаких одолжений. Я просто уйду, вот и все. Я не хочу, чтобы все переживали. Я уйду тихонько и никого не беспокою. Я пойду прямо туда...

— В сумасшедший дом?

— В сумасшедший дом.

15. Сумасшедший дом

ы гнусная, мерзкая гора дерьма! Ты отвратительный, бесчеловечный убийца! Чудовище как снаружи, так и внутри! О Боже, почему тебя не повесили как следует! Почему я тебя не задушил сразу и не оставил гнить в гробу? Тебя надо было отвезти в анатомичку и разрезать на куски, чтобы проверить,

есть ли у тебя сердце! Или заспиртовать в огромной банке и потом показывать всем как экспонат! Смотрите! Смотрите! Вот оно, исчадь ада! Он похож на человека, но это не человек! Один лишь Бог знает, что это такое!...

Так в припадке бешенства кричал Толли на Черного Джека, который безмолвно стоял перед ним, скрестив на груди руки, и с мрачным сочувствием наблюдал за мальчиком, никак не реагируя на оскорбления. Спокойствие гиганта взбесило Толли еще сильнее; он схватил валявшееся в ногах полено и бросился на Черного Джека. Тот равнодушно оттолкнул мальчишку, который от его толчка отлетел в дальний угол и больно ударился головой. Джек отвел Толли в фургон Кармоди и натер ему голову эликсиром. Толли пришел в себя и, вооружившись тяжеленным кувшином, снова отправился воевать с Черным Джеком. Джеду пришлось схватить мальчишку и держать, пока тот не одумался, а то бы Черный Джек убил его до смерти.

Дело в том, что Белли ушла, ушла тайком, и Черный Джек объяснил мальчику, почему она так сделала. Доктор Кармоди увез ее ранним утром, когда Толли еще спал. Черный Джек, конечно, ожидал от мальчика вспышки гнева, но даже он попятился при виде его ярости.

— Он убьет его, — пробормотал Джек, ставший свидетелем их стычки.

Но гигант словно сам был чем-то подавлен. Он думал, что давно понял этого мальчишку. Но то было в апреле. Теперь же мальчик сильно переменился. Хотя его гнев прошел, глаза его все еще лихорадочно блестя. Огонь, разбуженный в его душе Черным Джеком, и не думал угасать.

Вскоре после того, дня через четыре, на своем Стрикере вернулся доктор Кармоди. На луча-

щемся довольством лице доктора были написаны мудрость и спокойствие — пока он не увидел своего ученика.

— Где она? — спросил Толли, и доктор отшатнулся, столь ужасен был вид мальчика. На минуту ему стало страшно за свою жизнь. Глаза мальчика сверкали, выдавая крайнюю степень безумия, его взгляд был одновременно жалким и пугающим.

— Ох, мой мальчик... Мой дорогой Толли. Так будет лучше. У нее никаких надежд. Она не хотела ждать, когда ты проснешься. Она любила тебя. Понимаешь, боль расставания была бы так мучительна для нее, и для тебя тоже... Она просила тебя простить ее... и забыть, если сможешь. Ты должен забыть ее, мой мальчик. Время лечит все. Ороговение брыжейки...

— Куда вы ее дели?

— Не следует спешить в то местечко! Там за нею будут присматривать. Частная клиника для помешанных, самая лучшая. Я встретился с содержанием. Замечательный человек, очень достойный и очень честный. Видишь ли, за нее уже заплачено. Ее несчастный отец заплатил накануне своей... Так что она вполне устроена. За ней ухаживает очень милая женщина. Добрейшей души человек. Очень симпатичная. Своей лаской она творит с больными настоящие чудеса. А еще там был пастор. Религиозные наставления весьма необходимы в этом узилище скорби, сам понимаешь. В общем, успокой свое сердце, мой дорогой мальчик. Можешь считать, что ты счастливо отделался! Мы с доктором Джонсом, знаешь ли, долго беседовали. О, да! Мы сошлись во мнениях. Двое умнейших людей — и сошлись в одном мнении! Это ли не удивительно, мой мальчик! Вся беда, так сказать, причина ее несчастья — в отцовском самоубийстве. Вот в чем дело. Доктор Джонс согласился. Хотя сама она выглядит почти

здоровой (впрочем, как и другие члены ее семьи), самоубийство является неизбежным исходом для этой болезни. Не печалься. Она там будет счастлива. Там царит атмосфера доброты и дружелюбия. Ислингтон вообще считается весьма...

Неожиданно доктор Кармоди обнаружил, что проповедует... в пустоту. Его ученик исчез. При слове "Ислингтон" он лишь горько кивнул головой и бесследно исчез.

— Вернись! Вернись назад!

Но никто в целом свете не в силах был вернуть его обратно: ни доктор Кармоди, ни миссис Арбетнот, ни ювелир "всех корон", как они ни кричали ему вслед. Один лишь Черный Джек в унылом смятении молча наблюдал из окна фургона Джеда, как его юный спаситель в неистовстве устремился в направлении Ислингтона спасти свою сумасшедшую любовь.

Один лишь Бог ведает, что творилось в душе мальчика во время этого стремительного путешествия. Надеялся ли он выкрасть Белли из сумасшедшего дома или хотел, преклонив колени, умолять содержателя отпустить ее на волю? С попутными повозками, с фурами виноторговцев или попросту пешком, — он добирался к своей цели двое суток, хотя это время показалось ему одной нескончаемой, ужасной ночью, в которой проблески его мысли вспыхивали и гасли, подобно умирающим звездам.

Двадцать первого декабря он пришел в Ислингтон, где и нашел высокий, замкнутого вида особняк, в котором многие семьи скрывали свои грехи. Это был частный сумасшедший дом доктора Джонса.

Дверь было заперта. Толли начал стучать и колотил в дверь с такой силой, что чуть не отбил себе руку.

— Что случилось? Кто там? Сумасшедший? Подождите, сейчас!

Наконец дверь приоткрылась. Широкое лицо, обрамленное седыми кудряшками, взглянуло на мальчика.

— Белли Картер! — всхлипнул Толли. — Позвольте мне увидеться с нею. Ради Бога, я вас умоляю!

Настороженное лицо миссис Митчел смягчилось. Она улыбнулась.

— А-а! Ее воображаемый возлюбленный! — сказала она, с любопытством разглядывая Толли. — Пришел навестить! Нет, сегодня нельзя. Да ты не переживай так. С ней все в порядке. Приходи завтра, дорогой. Может быть, тебе и удастся по-видать ее.

Она захлопнула дверь и, после того как Толли колотил в дверь еще чуть ли не целую минуту, прокричала из глубины дома:

— Будешь колотить, вообще не пушу! Я же сказала, приходи завтра, а там посмотрим!

Толли все-таки стукнул еще четыре или пять раз и закричал:

— Белли!

Отойдя от запертой двери, он постарался хоть что-нибудь рассмотреть в зарешеченных окнах особняка, но тщетно. Тут ему показалось, что в окне первого этажа что-то мелькнуло. Кажется, чье-то лицо. Может быть, это Белли захотела взглянуть на него? Он вглядывался до рези в глазах, но больше ничего не увидел, кроме железных прутьев решетки и тусклого неба. Близилась ночь...

В это время внутри особняка блеснула пара острых быстрых глаз, и крепкая коротконогая фигура в новеньком суконном служебном фартуке ввалилась в холл. Это был не

кто иной, как сам Хэтч. Он теперь служил санитаром на мужской половине, взамен Митчела. Эту должность он получил благодаря доктору Джонсу, а также своей собственной сообразительности.

Хотя он и не любил копаться в прошлом, он не мог сдержать ухмылку, невольно вспоминая перепуганное лицо доктора Джонса в той самой маленькой гостиной райгитского особняка, где еще плавал синий пороховой дым только что прогремевшего выстрела, когда он, Хэтч, прятаясь за портьерой у окна, выглянул и прошептал: "Спасите меня, или мы пропали оба!" В этот момент лицо его было белее гусиного яйца! Но кто бы другой придумал столь блестящий выход? Доктор немедленно отправил всех прибежавших на гром выстрела слуг за одеялами, за бренди, как будто еще можно было оживить безжизненное тело старого Картера.

— В карету! Быстро! — выдохнул доктор, и Хэтч, никем не замеченный, мигом выпрыгнул в распахнутое окно.

Таким образом, все осталось шито-крыто. Хэтч, преисполненный благодарности к доктору и восхищенный его находчивостью, горел желанием услужить своему спасителю. И когда доктор назначил его на место Митчела, Хэтч наконец поверил в свою счастливую судьбу. Впрочем, доктор тоже испытывал нечто подобное к своему новому санитару.

— Это не человек! — бормотал он, раздумывая о Хэтче. — Это какое-то зловерное поветрие!

И это в самом деле было так. Хэтч в своем новеньком суконном фартуке, с неболь-

шим изящным стеком в руке, стал самым зло-
вреднейшим поветрием из всех, когда-либо
распространявшихся в Ислингтоне.

Стоило лишь зашуршать бумаге или скрип-
нуть доске, как пастор и доктор вздрагивали и
смотрели друг на друга, затем выглядывали за
дверь, чтобы убедиться, что за нею не прячется
Хэтч. Хотя в душе они надеялись, что кто-нибудь
из буйных больных рано или поздно проломит
Хэтчу голову, все-таки в ожидании этого счаст-
ливого исхода им жилось нелегко. Они не от-
важивались выгнать Хэтча вон, поскольку
Хэтч знал, что после мистера Картера еще оста-
лась богатая и влиятельная вдова, а также дочь,
являющаяся женой сына весьма значительного
человека.

— Он не посмеет! — шептал доктор Джонс,
на что пастор Холл лишь горестно усмехался.

— Кто? Хэтч? Вы плохо его знаете. Он спо-
собен на все. И притом, надо признать ко стыду
рода человеческого, что он тоже человек.

Одна лишь миссис Митчел, добрая душа,
приняла искреннее участие в Хэтче. Она его даже
полюбила и считала его молодым веселым на-
смешником

Она встретила его в холле, когда он спускал-
ся вниз по лестнице. Он подмигнул ей.

— Он все еще не ушел, миссис Митчел. Бро-
дит у дома по дорожкам. Злой, опасный, сущий
варвар! Попомните мои слова. Я полагаю...

— Не беспокойся, Хэтч, он скоро уйдет.
Ночь будет холодная.

— А что, если завтра он снова придет, ма-
дам? Как насчет завтра?

Тут миссис Митчел сама подмигнула ему.

— Что ты волнуешься, этаким ты плут? Ты
же знаешь, что “завтра” никогда не приходит!

Хэтч ухмыльнулся.

16. Пророк

“Января, 2, 1750 г.

Дорогой дядя!

не очень жаль, но мои новости не самые лучшие. В настоящее время я работаю слугой в трактире при гостинице “Ангел”, что в Ислингтоне. Я намерен остаться здесь до тех пор, пока “звезды не попадают с небес”, как поется в одной из ваших морских песенок. Я завязал кое-какие знакомства, которые очень трудно разорвать. Надеюсь, вы не разочаровались во мне, так как я уверяю вас, и трактирный служака, если будет стараться, может преуспеть и возвыситься и даже стать хозяином (как, например, мистер Уолкер). Честное слово, сэр, я думаю содержать в порядке дом, такой, как наш, например, и давать людям сердечное тепло и утешение, как, например, вы, — это не менее уважаемая жизненная стезя, нежели шитье одежды. Пожалуйста, передайте мои извинения мистеру Хадкастлу и уверьте его, что обстоятельства, при которых я оставил его, не зависели ни от него, ни от меня самого. С пожеланием доброго здоровья, сэр, и с надеждой на добрые вести от вас, остаюсь полный уважения к вам, племянник, Бартоломью Доркинг”.

Толли приостановился, перо замерло в его руке. Потом зачеркнул “Бартоломью” и написал: “Толли”. Написав адрес, он отдал письмо своему новому хозяину, чтобы тот отправил.

Уже пришла и прошла дюжина тех самых “завтра”, а эта ужасная женщина каркала и каркала ему из-за запертой двери:

— Приходи завтра, а там посмотрим!

Сначала он приходил в ярость, кричал и колотил в запертую дверь. Потом, испугавшись, что

Белли может его услышать и впасть в отчаяние, более глубокое, нежели у него самого, он стал просить, умолять, даже становился на колени. Потом он стал угрожать, но скоро смягчился из-за возможных репрессий в отношении Белли и снова умолял, но слышал в ответ одно и то же:

— Приходи завтра, дорогой, а там посмотрим.

И тогда он пришел, весь пропитанный вкусными ароматами и со смятением в душе. Он принес целую корзину разнообразных лакомств, какие только были в трактире "Ангел". В корзину он положил письмо, хитро спрятанное на самом дне.

— Благослови тебя Господь, — сказала тронутая миссис Митчел, заметив корзину. Она даже чуть не прослезилась. — Весь мир помогает влюбленным, и я не исключение. Мой бедный Митчел мог бы это подтвердить. Оставь свои подарки на крыльце и приходи завтра, а там посмотрим.

Когда он ушел, миссис Митчел отворила дверь и взяла корзину. Она крикнула Хэтча и направилась вниз по лестнице. Там, на кухне, она и ее развязный юный сотоварищ обыскали всю корзину и съели все, что, по их мнению, не подходило для стола бледной, тихой, с горестными глазами пациентки, посаженной на цепь в той же смрадной комнате, где уже сидели Полли и Сьюки.

Тут Хэтч нашел письмо. Он открыл его и пробежал глазами. Пожав плечами, он протянул листок миссис Митчел.

— Ах, он, коварный мальчишка! — прошамкала она с набитым ртом, прочитав письмо. — Это ж надо! Беспокоит несчастное создание тем, что ей никогда не суждено! Любовь! Ну разве он не коварный, а, Хэтч?

— Коварный, очень коварный, — хохотнул Хэтч, уплетая пирог, а миссис Митчел тем временем спрятала листок в глубинах своей необъятной пазухи.

— Она и так в тяжелом состоянии духа, а он...

Хэтч с интересом посмотрел на нее.

— Такая тихоня, такая спокойная, — продолжала миссис Митчел. — Вот и верь после этого таким тихоням. Никогда нельзя знать наверняка, что у них на уме. Никогда... не ведаешь, что...

В самом деле, миссис Митчел знала, о чем говорила. У нее был большой жизненный опыт подобного "неведения". Почти тридцать лет жизни! Уж в чем-чем, а здесь она разбиралась лучше многих.

Вернувшись домой, Толли увидел небольшую толпу, собравшуюся на гостиничном дворе. Все, задрав головы, всматривались в небеса. Среди них был и хозяин, мистер Уолкер.

— Что ты думаешь о небе, парень? — спросил у Толли мистер Уолкер.

— О каком небе, сэр?

— Разве у нас есть еще какое-нибудь? — глубокомысленно произнес мистер Уолкер. — Я имею в виду эту огромную грязную пустую дыру над головой, в которой прячется погода!

Но мысли у Толли были заняты совсем другими вещами. Он вот уже много дней не видел неба; его глаза неизменно понуро смотрели в землю. Да пускай небо будет разодрано в кровавые лохмотья, его это не тронет! Тем не менее он поднял голову и посмотрел вверх.

— Вон, смотри! — торжественно указал мистер Уолкер, словно ему за это небесное представление причитались личные поздравления.

В самом деле, в небе творилось нечто необычное. С небес словно спустился огромный зловещий занавес. Гигантские малиновые и фиолето-

вые складки пульсировали, гасли и вспыхивали, сворачивались и вновь разворачивались во всей своей ужасающей красоте. Словно в огромное, во все небо, распахнутое окно из неведомых звездных глубин дохнул Вселенский ветер и колыхнул цветастые, сияющие занавески

— Это Северные огни, — пояснил мистер Уолкер, которому однажды довелось быть в Шотландии, но он никогда не рассказывал с какой целью. — В наших краях этого еще не видали. Необыкновенное зрелище, не правда ли?

— Это конец света, — послышался голос рядом с Толли. — Скоро из-за этих небесных завес грянет последний ураган!

Это говорил гвардеец, затянутый в красно-голубой мундир. Его большое лицо вопросительно нахмурилось.

— Послушай, парень, я тебя, кажется, где-то уже встречал.

Посмотрев на него, Толли покачал головой. Он не узнал его. Конечно, в этом рослом, мускулистом солдате трудно было распознать упавшего и исцарапанного кучера, которого он когда-то видел на Кройдонской дороге.

Но у Митчела память на лица была получше, чем у Толли. И все же в тот далекий день, когда он увидел Толли, голова его гудела после удара оземь, а то, что творилось в тот момент в его душе, без сомнения можно было назвать апокалипсисом. И образ Толли в его сознании просто связался еще с одним необыкновенным явлением, творящимся в этот раз не на земле, а на небе...

Митчел в недоумении пожал плечами и пошел прочь.

Слегка озадаченный, Толли проводил гвардейца взглядом, пока тот не превратился просто в красное пятно, смутно видневшееся в мерцающей темноте, опустившейся на город; маленькая жаркая головешка в пепельной темноте ночи...

Северные огни! Они вспыхивали ночь за ночью, накрывая почти все небо своим мрачным убранством. Немыслимые цвета, перемежаемые черными тенями, разворачивались гигантским полотном, блистая все ярче и ярче, пока не достигли небывалой яркости в ночь на двадцать третье января. После этого огни стали медленно угасать и меркнуть, унося с собой страшные сны Толли, каким-то образом связанные с этими небесными явлениями и божественной волей, предрекая грядущую удачу.

Сколько еще потребуется времени, чтобы он потерял веру в этот вежливый квакающий голос, доносящийся из-за наглухо запертой двери? Но он никогда не потеряет. Каждый вечер он верил, что завтрашний день все переменит. Он верил, что окно распахнется, что дверь окажется незапертой, что Белли будет ждать его у забора...

Последний раз Северные огни сверкали в небе в ночь на четвертое февраля. Бледно-розовые тени, заслонившие полнеба подобно разорванной кисее, тускнели и меркли, пока не растворились совсем в темной пустоте небес. Но память об этом невиданном явлении сохранилась во многих отчаянных головах.

— Я слышала, что мистер Митчел стал важной персоной в городе, — не без гордости объявила миссис Митчел. — Регулярно проповедует в четырех часовнях и еще в молельном доме. Сущий бретер, если его как следует раздражить. Разглагольствует о каких-то ураганах, огне и дыме, о Содоме и Гоморре и тому подобном. Такой образованный человек, оказывается. Удивительно, в самом деле!

Хэтч кивнул. Часы показывали одиннадцать утра. В это время миссис Митчел доставала бренди, который покупала у виноторговцев.

— Важный человек. Гвардеец, — добавила она.

Миссис Митчел подошла к буфету и открыла его.

— Я не смогла его удержать. Как я старалась, Хэтч!

— Кто вас упрекнет, мадам?

Она достала бутылку с бренди, две рюмки и поставила на стол.

— Он далеко пойдет, Хэтч. Мне его не удержать...

Она умолкла, в удивлении. Бутылка с бренди и рюмка начали сами собой подрагивать, пританцовывать и звенеть самым необыкновенным образом. Затем неожиданно послышался глухой гул, словно где-то далеко выстрелила пушка. Миссис Митчел покачнулась, ошеломленная. Хэтч завopil от страха. Здание, все высокое прочное здание, казалось, вдруг повисло, шатаясь, между небом и землей. Оно качнулось раз, потом еще раз. Потом опустилось на свой фундамент и замерло, как стояло прежде.

— Что это? Что происходит?

Миссис Митчел отерла передником внезапно выступивший на лбу пот. Налив полную рюмку, она осушила ее одним духом.

— Ты знаешь, Хэтч, что это такое? Я думаю, это землетрясение! Землетрясение, Хэтч! О Боже! Митчел будет в восторге! Именно этого он и хотел! Знаешь, что я тебе скажу, Хэтч? Не будь я богобоязненной и религиозной, я обязательно посоветовала бы Всевышнему прислушаться к моему Митчелу!

Тут раздался громкий стук в дверь парадного подъезда.

— Это он, — пробормотал Хэтч. — Толли. Узнаю его буханье!

Они сидели и слушали гулкие удары в дверь, перемежаемые неистовыми криками.

— Белли! Белли! Ты жива?

Миссис Митчел допила вторую рюмку бренди и затопала вверх по лестнице. Она приоткрыла дверь, насколько позволяла цепочка. Бледный перепуганный Толли взглянул в ее невозмутимое лицо.

— О, с ней все в порядке, мой дорогой! Что ей это землетрясение? Разве что только конец света может обеспокоить эту публику! Поэтому, ступай домой и приходи завтра, а там будет видно!

Хотя землетрясение не очень тронуло пациентов сумасшедшего дома и вообще не вызвало в городе никаких разрушений, если не считать треснувшей балки в перекрытии городской богадельни, — оно, тем не менее, возбудило в городе великое множество самых зловещих слухов. Все здания и строения подверглись немедленно обследованию на предмет сдвигов и трещин, — такова была всеобщая боязнь, как бы Всевышний не повторил своей ужасной шутки.

Проповеди Митчела теперь пользовались еще большим успехом, чем прежде, и привлекли внимание влиятельных церковных кругов. К его пророчествам стали прислушиваться и широко заговорили о нем самом, к вящему удовольствию и гордости его жены в пригородном Ислингтоне, куда докатилась слава провозвестника Митчела.

Затем, мало-помалу, подобно Северным огням, постепенно угасающим в поблекших небесах, в умах горожан стала сглаживаться и ужасная память о жутком шевелении Земли. Всемогущий вновь вернулся на Небеса; церковные круги потеряли интерес к Митчелу, продолжавшему неистовствовать в полупустых молельнях, где его глас, глас вопиющего в пустыне, находил единственный ответ — гулкое эхо.

Теперь уже и наш ислингтонский трактирный служка, приобретший печальный опыт, отчасти стал склоняться на путь коварства и обмана. Он дважды подкарауливал доктора Джонса и один раз пастора Холла. Но они по отношению к бедному мальчику вели себя не более любезно, чем их кухарка и санитар женской половины. В самом деле, пастор просто-напросто пригрозил ему судом, если он не прекратит свои посягательства на пациентку и не оставит клинику в покое.

Тогда он решил подкараулить миссис Митчел у ворот, когда она выйдет на рынок за покупками, и уговорить ее пропустить его в клинику. Но она, похоже, никогда не выходила из дома, или, во всяком случае, до тех пор, пока он не уходил к себе в трактир исполнять свои обязанности. Острые глазки, выглядывавшие из-за штор окон первого этажа, слишком пристально следили за всеми попытками проникнуть в сумасшедший дом почти отчаявшегося трактирного служки.

Но Толли в самом дальнем уголке своей души хранил твердое убеждение, что никто и ничто на свете не заставит его отказаться от своего решения спасти Белли, будь это даже сам конец света. Хотя у него случались минуты, когда ему казалось, что сам Господь препятствует ему, что от горя он сам сходит с ума, тем не менее он продолжал обдумывать и планировать необычные и не похожие ни на что способы освобождения его любви из заточения. И наконец семнадцатого марта его осенила удивительная по своей простоте и отваге идея.

Он стащил в гостинице бельевую корзину, огромную разбитую корзину, которая жутко воняла от прогнивших прутьев. Еще он ухитрился стянуть несколько колбас, два черствых каравая хлеба и кучу копченой рыбы. В самом начале ночи, проявляя невероятную изворотливость, он сумел ускользнуть из трактира, прихватив корзину

с припасами, которую прятал в конюшне, где, кстати сказать, лошади уже успели попробовать припасенную им снедь.

Толли подкрался к сумасшедшему дому и дождался, пока не погасли все огни. Тогда он поставил свою огромную корзину на ступени перед дверьми и залез в нее, скорчившись в три погибели, а сверху завалил себя припасенными лакомствами, так что на первый взгляд казалось, что корзина доверху набита колбасой и копченой рыбой. Затем он притянул за веревочку и хорошенько закрепил крышку корзины, изогнувшуюся дугой над выпиравшей через край снедью. На крышке была прилеплена бумажка с надписью: "Для Белли Картер". Утром отпрут дверь, увидят корзину и, конечно же, занесут внутрь. При этой мысли он почувствовал такое одушевление, что даже отвратительный смрад, пропитавший корзину, показался ему сладким, как аромат роз. Итак, он ждал.

Это была для него очень трудная ночь. Ночь непрерывных мучений, полная боли, желания выпрямиться, ночь едва сдерживаемых стонов... Но бельевая корзина продолжала неподвижно стоять на крыльце сумасшедшего дома.

Полусонный, чувствуя боль в каждом суставе, в каждой клеточке своего тела, Толли все-таки дождался своего часа. Он всмотрелся в щель меж плетеными прутьями корзины, взглянул в безжизненный глаз копченой рыбины, уткнувшейся ему в щеку своей жесткой головой; ничего не разглядев, он снова прикрыл веки... и тут же проснулся окончательно.

Его как будто несли! Он сбросил остатки сна. Его окружала полнейшая темнота. Но корзина колыхалась, словно поднятая в воздух! Затем... Затем последовал такой страшный удар,

словно корзину изо всей силы пнул разъяренный циклоп!

В это же самое время, в половине шестого утра, какой-то лодочник, задремавший в своей лодке на траверзе Кингстона, ощутил сильнейший удар в самое днище, словно под его лодкой внезапно всплыло некое гигантское морское чудовище. Река вокруг взбурлила и пришла в бешеное движение, швыряя в диком смятении, словно щепки, баржи и баркасы.

В лугах овцы бросились в разные стороны; грачи с безумным криком сорвались с деревьев, которые затрепетали и затряслись, словно жалкие былинки; и из внезапно взболтанных прудов рыбы повыпрыгивали на трясущиеся берега. Словно отдаленный гром пронесся над всей землей...

Застывший в сонном оцепенении, весь город вдруг качнулся, подпрыгнул раз и еще раз... Четыре или пять толчков последовали один за другим. Вздогнул и жалобно зазвенел фарфор в буфетах, вздрогнули и замерли людские сердца, но никто не погиб. И все же, тревожнее всего было то, что эти толчки всколыхнули огромные церковные колокола, и над городом понесся неурочный и потому зловещий, подобный погребальному, звон.

По этажам сумасшедшего дома затопали ноги. Закричали голоса, и среди них, громче всех, торжествующий, зычный мужской голос. Это кричал Митчел, пришедший накануне навестить свою соскучившуюся жену. Он бросился к окну, чтобы посмотреть, что творится в мире. Картина, представшая его глазам, заставила его вздрогнуть. В темной аллее, куда при подземных толчках откатилась бельевая корзина, стоял мальчишка, которого он уже видел, когда завеса Страшного суда закрыла небеса. Несомненно, это был тот самый зловещий трактирный служка, чье появление предвещает бедствие!

— Это он! — пробормотал потрясенный Митчел.

Тут наш Толли, не дожидаясь, пока его поймут, схватил корзину и бросился бежать.

— Митчел! Дорогой! Ты уже уходишь? — воскликнула жена, видя, как гвардеец в страшной спешке напяливает свой мундир.

Он обернулся к ней, и она вдруг увидела его во всем его величии. “Его глаза, — впоследствии рассказывала она, — горели огнем! Горели, подобно двум восковым свечам!”

— Тебе же еще рано! Куда ты торопишься?

— Я д о л ж е н ! — с трагическим воодушевлением отвечал ее супруг. — Времени почти не осталось!

— Но еще нет и шести, дорогой мой!

И тогда он сказал ей тоном, заставившим ее затрепетать.

— Миссис Митчел! Молите небеса о Прощении. Скоро мы все предстанем пред Всевышним Судией!

— Скоро? Это когда, мой дорогой?

— Какое сегодня число?

— Восьмое марта, разумеется...

— Осталось ровно двадцать восемь дней, мадам. — Он застегнул последнюю пуговицу на своем алом мундире. — Это произойдет пятого апреля!

Миссис Митчел с восторгом и вожделением посмотрела на своего героя.

— Как это, мой дорогой?

— В первый раз Господь тронул пальцем этот погрязший в грехах город восьмого февраля. Второй раз — восьмого марта. Он тронет и в третий раз! И это случится ровно через двадцать восемь дней. Но уже тронет не как прежде, лишь пальцем. Нет! Он трахнет кулаком! Это будет конец света.

Митчел отряхнул штаны.

— Так когда же ты придешь снова, Митчел? Когда я вновь увижусь с тобой?

— У меня много работы, мадам. Очень много работы! Молитесь, мадам. Молитесь усердно, и, может быть, мы встретимся пятого апреля, на небесах!

С этими словами он ее покинул; высунувшись из окна, она проводила ошеломленным взглядом его спину, алую и широченную, словно устье пылающего очага.

— Пятое апреля... Пятое апреля... — меж тем бормотал Митчел, шагая по лужайке прочь от дома. Он поднял голову и взглянул в таинственное небо.

— О Боже! — взмолился он. — Благодарю Тебя за то, что Ты создал меня, твоего страшного пророка!

В это же утро, немного позднее, Толли, изрядно помятый, пропахший гнилью и копченой рыбой, вернулся к сумасшедшему дому. Пинком он зашвырнул в кусты колбасу, валявшуюся прямо на дорожке, затем тупо уставился на стены здания из серого песчаника и зашторенные окна. Ни расселины, ни трещины... Он вздохнул. Если рука Господа все-таки обрушится на город и на это здание, какая выгода от этого будет ему, трактирному служке? Он постучал в двери. Ему открыла миссис Митчел, еще не пришедшая в себя после визита мужа и его грозного пророчества.

— Когда? — в отчаянии спросил Толли.

— Пятого апреля, — отрешенно ответила миссис Митчел. В настоящий момент ее голову заполняло единственное: роковая дата. Пророчество мужа совершенно выбило ее из колеи. Может быть, этот чудаки имеет в виду фаршированного кролика с устрицами в Клафеме и прелестную ночь на сеновале?

— Пятого апреля, мадам? — повторил Толли, не веря своим ушам.

Миссис Митчел, бессмысленно улыбаясь, смотрела мимо него.

— Пятого апреля? Наконец-то! Наконец-то вы назначили определенную дату! Не какое-то неопределенное “завтра“, а точный, определенный день!

Миссис Митчел тут же пришла в себя. Она только теперь осознала, что именно пообещала этому сорванцу. Нахмурившись, она закусил губу. Свое слово она считала нерушимым и не могла попросту отказаться от него.

— Да, да! Черт тебя возьми. Я же сказала, пятого апреля! Приходи утром. В десять часов. Ты побудешь с нею часик, так и быть. А теперь брысь отсюда!

Едва не плакавший от счастья, Толли возвращался к себе в трактир. Он танцевал, преисполненный надежд, возбужденно размахивал руками, подпрыгивал, даже пел. Прохожие думали, что землетрясение помрачило его разум, а самые сердитые из них бормотали, что солнце напекло ему голову.

Хозяин встретил его хмурым взглядом.

— Ты, похоже, пьян, Толли?

— Нет, сэр.

— Тогда что это такое творится с тобой?

— Пятое апреля, сэр! Это число греет меня изнутри не хуже пинты самого крепкого бренди!

Хозяин пожал плечами. Толли понял, что он не сердится на него.

— Ладно. Тут вот письмо тебе принесли. Будем надеяться, что оно не угасит твой внутренний огонь. Уж лучше иметь дело с неунывающими людьми, когда кругом творится такой кавардак!

Он протянул Толли письмо. Оно пахло морем и табаком. Письмо было от его дяди, морского капитана. Толли улыбнулся. Он держал в ру-

ках весточку, прилетевшую словно из другого мира, который он давным-давно покинул.

“Племянник. Получил твое письмо от 2 января. Премного обязан. Но прежде всего весьма разочарован. После всего, что я для тебя сделал, и т.д., ты — трактирный служака. Жалкая участь. Но пока я еще твой дядя и брат твоего погибшего в море отца, и т.д. В общем, буду рад видеть тебя. У побережья были сильные шторма, затонуло много кораблей. Вследствие чего у меня прибавилось работы. Очень занят. Погода, течения и Божья Воля задержат меня в Гринвиче 4 и 5 апреля. Корабль называется “Философ” (фигура на форштевне — бородатый мудрец с бус-солью). Оснащен двенадцатью пушками. Корма — испанской работы. Передал твои извинения мистеру Хадкастлу. Глубоко сожалеет. Твой любящий дядя, к-н Доркинг. P.S. Моя экономка передает тебе привет и просит не забывать”.

Толли улыбнулся. “Дорогой мой дядя, морской капитан! — подумал он. — Гринвич, 5 апреля! С ума сойти! Мир стоит по-прежнему, сэр, но выбор сделан. У меня уже другие планы, и какие планы! Отказаться от них? Нет, сэр. Ни за что на свете, даже если наступит его конец!”

17. Освобождение

моего Митчела произвели в капралы! — с чрезвычайной гордостью объявила миссис Митчел. — Это показывает, как его ценят. Боже Всевышний! Никто не в силах знать Твои помыслы! — У миссис Митчел для гордости имелись все поводы. Капрала Митчела действительно обласкали. Он был боговдох

новен, в этом не было никаких сомнений. Ему верили. Огонь в его глазах, который первой увидела миссис Митчел, разгорелся еще ярче. Прихожане собирались толпами в молельнях, кулаками добывая себе местечко поближе к проповеднику, когда этот страшный капрал возглащал свои ужасные пророчества.

— Кайтесь! Кайтесь, покуда Вселенский вихрь не швырнул всех нас к ногам Вечного Судии! Нам уже посланы два предзнаменования. Грядет третья: пятого апреля!

Прихожане ошеломленно взирали на необычайного проповедника, которому алый мундир и новенькие белые капральские аксельбанты придавали весьма героический вид. Постепенно страх, охватывая всех, кто внимал этим ужасным пророчествам, передавался от души к душе, словно невидимая, но неотвратимая зараза.

— На колени! — ревел капрал, вздымаясь над кафедрой. — Грядет Вселенский вихрь! Огонь и дым пожрет нас, как Содом и Гоморру! Молитесь! Кайтесь!

И хотя его проповеди многих обращали к покаянию и молитве о прощении грехов, тем не менее по мере роста популярности нашего пророка в городе началось и стало нарастать странное поветрие. Вначале незаметное, оно крепло и приобретало безудержность и заразительность массового психоза.

Ехали семьями. Целые семейства с их пожитками, посудой, бельем, слугами, картинами, даже кое-кто с мебелью. Повозки с горами домашнего скарба, кареты, коляски, набитые бледными от страха беглецами, запрудили узкие улицы. На широких бульварах движение разливалось, подобно полноводной реке, оглашая город грохотом железных ободьев по мостовой и криками кучеров. По несколько сотен, даже тысяч повозок в день уезжали из города.

— Кайтесь в грехах ваших! — ревел по молитвенным домам капрал. — До Страшного суда осталось всего девять дней!

Но многие горожане, очевидно, не веря в прощение своих многочисленных грехов, предпочитали не каяться, а спастись бегством, чтобы, осев на окрестных пригородных холмах, наблюдать, как будет тонуть в море огня и серы прогневивший Всевышнего город. Бешено подскочили цены на жилье в деревнях и поселках, расположенных на холмах и возвышенностях, и богатые горожане платили не торгуясь, взыскав с душевным трепетом лишь одного: безопасности и возможности увидеть небывалое зрелище.

— Нигде не найдете спасения! — ревел капрал. — Господень кулак раздавит всех!

В пригородном Ислингтоне миссис Митчел просто цвела, купаясь в волнах славы своего, вдруг ставшего знаменитым мужа.

— Его сделают священником или даже архиепископом! — с гордостью объявляла она окружающим, внушая всем безмерное благоговение. — Даже сказать трудно, как высоко он поднимется!

— Восемь... Семь... Шесть дней осталось у вас, чтобы спасти ваши гнусные души! — отсчитывал капрал дни, оставшиеся до Дня Всеобщей Погибели.

— Пять... Четыре... Три дня... — шептал трактирный служака в Ислингтоне, считая дни до желанного часа встречи со своей любимой, заключенной в сумасшедшем доме.

— Вы действительно хотите впустить его к нам в четверг? — с тревогой спросил Хэтч; он не видел ничего приятного для себя в новой встрече с Толли.

— Помилуй, мой дорогой! — ответила, усмехаясь, миссис Митчел. — Конечно же нет! Вот еще!

— Но тогда...

— Не приставай ко мне, Хэтч. Я хочу помечтать о моем прекрасном капрале.

Она лучезарно улыбнулась и устроилась поуютнее в своем кресле.

— Кайтесь! У вас еще есть время! — вопил одержимый капрал, и все пред ним разбежались прочь, словно сумасшедшая листва перед сумасшедшей метлой. — Осталось три дня!..

Внезапно голос капрала умолк. Он достиг вершины своего вдохновения. Черные вихри закружили его, он потерял рассудок.

Его схватили и отвезли в Бедлам. Но это ему не помогло. Привязанный к койке, этот сумасшедший никак не мог остановиться и продолжал считать дни. Время для него сжималось, стягивалось в свою оболочку, подобно Вселенной, сжимающейся в одну точку, в одно сверхплотное ядро, и нашедшей в нем свою гибель. Три... Два... Один...

Опустевший, словно вымерший, обреченный город едва подавал признаки жизни. Как будто провалившееся в темноту скопление улиц, аллей, церквей, жилых домов и особняков уже трепетало, а обитатели бедных кварталов, оборванные и грязные, все тащились и тащились со своими перегруженными повозками и тощими лошадьми вон из города. Хотя все это был трудовой люд, жестянщики, трубочисты, уличные торговцы, — их легко было принять за чертей. Все дальше и дальше по холмам, уходили они, стремясь успеть, пока не наступил последний рассвет. До Страшного суда оставалось четыре часа.

Уже показалось большое кроваво-красное солнце и взглянуло на город, этот смертный одр бесчисленных и неотмолимых грехов. Все: и стаканы, и пивные кружки, и сами стены в обеденном зале трактира, — все окрасилось в этот

алый зловещий цвет, а тени казались столь густыми, словно это были глубокие трещины в земле.

Остатки города медленно тащились и катились мимо окон трактира, выискивая убежище от надвигающейся бури. Но везде уже было полным-полно беглецов, пришедших накануне. Из окон трактира было видно, как на дороге густеет поток беженцев. И вдруг...

— Боже мой! Что это?

— Ад крошечный!

— Кто это? Что это за чудище? Вот это гигант!

— Милостивый Боже! Пистолеты, быстрее! Он ломится прямо сюда!

Дверь залы распахнулась.

— Мне нужен парень по имени Толли Доркинг, — произнес Черный Джек.

— Ты все это время жил здесь? — пробормотал Черный Джек, когда Толли привели из кладовой, и они с Джеком вышли на улицу поговорить.

— Работаю слугой, — пояснил Толли.

Толли улыбнулся, с удовольствием увидев стоящий во дворе фургон Джеда. Наконец-то он оторвался от "Арго" и теперь на свободе плыл один.

— Я не прошу прощения. Я пришел не за этим, — сурово заговорил Черный Джек.

— А я и не предполагал, что ты придешь просить прощения, — ответил Толли. — Но все равно я рад тебя видеть.

Черный Джек скептически усмехнулся. Толли сердито закусил губу, но тут же улыбнулся, вспомнив, что уже близок миг встречи с Белли. Он поделился с Джеком новостями, не в силах удержать ликования, которое прорывалось как в его голосе, так и светилось на лице.

Черный Джек изумленно разглядывал своего юного спасителя. Он видел, как месяцами мальчика преследовали несчастья, но его похудевшее лицо сияло лихорадочным светом ожидания. Лицо гиганта избороздилось глубокими морщинами, словно волнами штормовое море.

— И все это ради одного-единственного часа? Джед! — вскричал он. — Взгляни! Он прислуживает в этом трактире! Все эти долгие дни, все эти недели ради одного-единственного часа! Что ты скажешь, Джед?

Джед подошел ближе и важно кивнул, словно в его голову пришла замечательная мысль, которую он, однако, не мог высказать. Черный Джек положил свою гигантскую лапищу мальчику на плечо, так что тот зашатался.

— Что, дружок, маловато у тебя силенки, да? — усмехнулся Черный Джек. Он взглянул Толли в глаза.

— Да уж достаточно, чтобы обойтись без тебя, — со злостью ответил Толли, стараясь удерживать слезы боли и обиды. Но глаза на этом ненавистном лице так пристально всматривались в него, что, казалось, хотели осушить так не ко времени подкрававшиеся предательские слезы. Наконец, на широченной физиономии Черного Джека появилось нечто, отдаленно напоминавшее обычное человеческое чувство. Сомнений не было: Джек смотрел на мальчика с восхищением. Внезапно он отпустил Толли.

— Жди здесь! — коротко приказал он.

— Ты куда? — забеспокоился мальчик.

— Я вызволю ее. Я силой заберу ее из сумасшедшего дома.

Толли с ужасом взглянул на Джека. Все пропало! Снова это чудовище лезло в его дела! Его долгожданный час ускользает от него!

— Нет! Не надо, Джек! Не надо...

Но Черный Джек уже направлялся так хорошо знакомой Толли дорогой, широко шагая, подобный рассвирепевшему монаху, спешащему на битву с дьяволом.

— Может, я не такой умный, зато у меня, Толли, достаточно силы! — прорычал он в ответ на мольбу мальчика остаться. — Я натворил, мне и исправлять! Прочь с дороги! Ни одна живая душа не остановит меня! Не мешай мне, парень! Ты меня не удержишь. Я готов противостоять самому Создателю!

— И кто же тебя создал таким?..

Гигант нахмурил брови.

— Мужчина и женщина, как и тебя, малыш, — отвечал на ходу Джек семенящему рядом мальчику. — Но только они были отверженными. Мой отец кончил жизнь на виселице; моя мать носила меня в это время, и ее пожалели. Но не надолго. Ее повесили, как только я появился на свет. Отверженным нет пощады. И мне тоже, дружок. За что? За то, что я рос здоровым и сильным. Я предъявляю свой счет, Толли. Я ничего не должен Богу. Я вырос, и Бог помог им поймать меня!

В сумасшедшем доме царили мир и тишина. Миссис Митчел сидела в гостиной и, грызя кончик пера, сочиняла меланхолическое письмо полковнику, под чьим началом служил Митчел. “Мой господин, он уже не сумасшедший. Если Ваша Милость соблаговолит прислать какого-нибудь *чуткого* человека, чтобы проверить его, то сразу станет ясно, что он совершенно здоров и в своем рассудке...” Внезапно в дверь парадного загремели чьи-то чудовищные удары.

— Хэтч! — закричала она. — Поди посмотри, кто это там! — а сама поскорее закончила письмо.

“История со Вселенским вихрем — это лишь его причуда. Эта причуда, я клянусь вам, беспо-

коит его с самого детства, когда его напугал сильный порыв ветра. Умоляю вас, Ваша Милость, освободить моего дорогого Митчела из этого ужасного Бедлама“.

Здесь ей снова пришлось оторваться. Страшной силы удар потряс парадное, и тотчас раздался вопль ужаса, за которым последовали жалобные стоны.

— Чтоб ты провалился! — пробормотала миссис Митчел. — Что он там вытворяет со своими несчастными идиотами? Опять этот мошенник издевается над больными и дразнит их своей палкой!

Тут из прихожей снова раздался шум и крики; она бросила перо и поспешила в холл.

— Спаси нас, Господи! — охнула она.

Массивная дверная цепь была разорвана, а полутемную прихожую всю заполнял зловонный чернобородый гигант в драном вретисе, отдаленно напоминающем рясу монаха! Из-за него, полускрытый огромной фигурой монаха, выглядывал тот самый трактирный служака, влюбленный в сумасшедшую.

— Спаси нас, Господи! — повторила миссис Митчел и только теперь заметила Хэтча. Одетый в свой форменный фартук, он лежал на ступенях лестницы. Он был, как потом она рассказывала, “страшно перепуган, у него дрожали колени, а зубы стучали, как шестерни маслобойки“.

— Ты пришел получить свои десять фунтов, да? — в отчаянии пролепетал Хэтч. — Я как раз собирался послать эти деньги тебе! Удивительно! Сейчас принесу! Немедленно! Честное слово! Десять фунтов, как на блюдечке! Бог свидетель! Бог...

Но какую еще роль Всемогущему хотел ответить Хэтч, сие осталось тайной. Чудовище, придя в себя от изумления, в которое повергла его встреча с вероломным пронырой, стремительно

бросилось к несчастному обманщику. (“Принимая во внимание его массу, — вспоминала миссис Митчел, — его подвижность казалась сверхъестественной; он был подобен бросающемуся на добычу морскому орлу, но только черному; он был черный, как смертный грех”).

Хэтч завизжал. Черный Джек схватил его за горло и потрянул так, что голова несчастного лишь чудом не отлетела прочь.

— Где девчонка? — свирепо прорычало чудовище. — Отвечай, или я сделаю тебя самого идиотом!

— Убийца! — завопила миссис Митчел и побежала искать доктора с пастором. Ее вопли эхом прокатились по коридорам и лестницам здания, будя всеобщий ужас. Перепуганные сумасшедшие подняли такой гвалт, что, казалось, в самом деле наступил долгожданный конец света. Вопли, крики, стоны, лязг цепей, на которых бились взбесившиеся идиоты, — все это заглушило вопли самой надзирательницы.

На лбу у Черного Джека выступил пот. Крупные капли его побежали по щекам в бороду, оставляя грязные потеки. Глаза его лихорадочно блестели. Он облизнул внезапно пересохшие губы. Полузадушенный Хэтч заметил перемену, произошедшую в Джеке. Он увидел, что гнев гиганта уступает место его давнему страху перед сумасшедшими. Хэтч понял, что в этом страхе Черного Джека — его спасение.

— Идиоты! Там идиоты, сумасшедшие! И она сумасшедшая! Она визжит и скрежещет зубами! Она сумасшедшая, как и ее отец! Разве ты не слышал? Он убил сам себя! У нее в крови зараза! Брось ее! Не трогай ее...

Даже в таком отчаянном положении Хэтч старался спасти свои капиталовложения.

Крики и вопли сумасшедших оглушили Черного Джека. Он замешкался, пошатнулся, отпу-

стил Хэтча. Юный надзиратель мужской половины тут же пополз по ступеням вверх, ища спасения от страшного гостя. На самом верху он обернулся и глумливо закричал:

— Идиоты! Полный дом идиотов! И все такие же, как она! Буйные! Ужасные! Они жаждут добраться до тебя, Джек! Слушай! Это они визжат!

Струхнувший Джек повернул обратно. Он искал глазами Толли. “Сбежал!” — подумал Черный Джек. Смятение охватило этого огромного человека. Он остался совсем один. Толли бросил его одного среди сумасшедших.

Но тут, перекрывая шум и гвалт, переполнявший этажи и коридоры сумасшедшего дома, до него донесся голос Толли:

— Она здесь, Джек! Я нашел ее!

Необъяснимым чудом Толли услышал среди этого адского шума и воя тонкий голосок Белли, призывавший своего спасителя! И он помчался к ней так быстро, как никогда не бегал в жизни. Он заглядывал в каждую комнату, отворял одну за другой все двери на своем пути, вихрем носясь по коридорам, пока наконец не нашел дверь, за которой его ожидала столь желанная встреча. Но дверь оказалась заперта. Вот тут-то ему и потребовалась мощь и сила Черного Джека. И он позвал его!

Черный Джек, услышав спасительный голос, рванулся на зов.

— Не ходи! Она не твоя! — завопил что было сил Хэтч.

— Хвала Всевышнему! Хэтч еще живой!

Миссис Митчел, доктор и пастор бежали во всю прыть спасать свое достояние. Но тут на пу-

ти у них выросла гигантская фигура Черного Джека; глаза его сверкали яростью.

— Будем спокойны... Будем миролюбивы... Будем рассудительны... — по привычке забормотал потрясенный доктор.

— Спокойны? Рассудительны? — скептически воскликнул Хэтч, который уже очухался от испуга и теперь желал сохранить за собой победу над Черным Джеком. — Это я остановил его! Я так его напугал, что у него в глазах померкло! Ха-ха! Я сказал ему про ее отца! Про старого Картера...

— Ах ты, проклятый дурак! — завопил в гневе доктор Джонс, сверкая глазами на своего надзирателя, видимо, не совсем понимая его слова. — Ты хочешь, чтобы нас всех повесили?

— Нет! Нет! — завопил Хэтч, впадая в панику. — Я только сказал, что он самоубийца. Я больше ничего не говорил, что его...

Тут он замер. Ужасная перемена произошла на его лице. Гигант, широко раскрыв глаза, не мигая, смотрел на него. Его чудовищные кулаки крепко сжались. Хэтч попытался отвести внезапно нагрянувшую грозу.

— Он самоубийца... Мертв и похоронен. С ним покончено. Все, похоронили...

— Да, погребен, — успокаивающе повторил доктор Джонс, в надежде, что этот громила ничего не понял в болтовне Хэтча. Но пастора Холла невозможно было обмануть. Его взгляд, всегда пронизательный и безошибочный, проник в самую душу этого чудовища. Пастор все понял и побледнел...

— Джек! Сюда! — услышал Черный Джек зов мальчика, но лишь покачал головой: перед ним была задача поважнее.

— Погребен? И где же... он погребен?

Доктор и пастор с ужасом взглянули друг на друга, поняв, чего добивается этот гигант.

— Уже... Уже прошел целый месяц! От него ничего не осталось! Даже если предположить, что... — лепетал перепуганный доктор.

— Где он погребен? Отвечай, черт побери! — загремел Черный Джек.

— Неужели вы намерены откопать мертвеца? — в отчаянии забормотал пастор. — Но это же не по-христиански!

— Я спрашиваю, где он погребен! — рычал Джек, готовый схватить доктора и вытрясти из него ответ, а заодно и душу.

— Теперь уже не найти! Могила не обозначена!

— Да успокойтесь! Вовсе не на Тайберне! — вдруг закричала миссис Митчел, ничего не знавшая о чудовищном заговоре доктора и пастора с Хэтчем и желавшая только одного: чтобы эти страшные гости поскорее убрались с женской половины. — Ты понял, грязный, вонючий убийца? Не в известковой яме за церковью, а в законном добропорядочном месте, на Старой аллее, где он еще долго будет ожидать Страшного суда, как и все добропорядочные христиане!

— Джек! Джек! — снова позвал Толли, и Черный Джек бросился к нему.

— Негодяйка! — заорал пастор на миссис Митчел. — Ты все испортила! Какого черта ты лезешь не в свои дела и помогаешь тому, кого проклял сам Господь? Эй! — крикнул он вдогонку Черному Джеку. — Не перечь Всемогущему! Он сокрушит тебя!

Но Черный Джек уже не слышал его слов. Оглушенный визгом и воплями взбесившихся сумасшедших, он, гулко топая, бежал по длинному коридору к Толли, бившемуся у запертой двери. Один удар плечом! Дверь вылетела из косяков, едва не прибив вовремя отскочившую девочку. Крик счастья, вырвавшийся у Толли, на мгновение перекрыл шум и гвалт, переполнявшие сума-

шедший дом. Джек опасливо посторонился, пропуская неистового Толли, спешившего обнять свою наконец-то спасенную любовь.

На ней было ее старое платье, измятое и кое-где разорванное. Неухоженные, невымытые волосы торчали в разные стороны. Глаза ее казались огромными на похудевшем лице. И все-таки это была та самая Белли.

— Если бы я знала, что ты придешь, я бы прибрала себя...

— Белли! — горестно воскликнул Толли; в глазах у него сверкнули слезы. — Идем отсюда, из этого ужасного дома!

Она печально взглянула на него и подняла подол своего платья. Только теперь Толли увидел прочную цепь, прикованную к стальному браслету на ноге у девочки. Слезы жалости хлынули у него из глаз. Он обернулся к Черному Джеку, который в напряженном молчании взирал на необычную встречу двух любящих сердец. Джек кивнул головой и ухватился за цепь обеими руками. Он встал на колени перед стальным крюком, вделанным в стену, и намотал цепь на руки.

— Нет! Нет! — застонала Белли. — Оставьте меня здесь! Я сумасшедшая! Сумасшедшая!

Черный Джек начал подниматься. Жилы у него на шее вздулись, словно веревки. Но крюк прочно сидел в стене. В коридоре закричали, затопали ногами, засвистели доктор Джонс и его приспешники, но ворваться в камеру не отважились.

Джек ослабил хватку, давая себе отдых, и снова взялся за цепь. Он тянул изо всех сил; лицо его, казалось, разорвется от напряжения. И крюк поддался! Еще один рывок, и крюк со звоном вылетел из стены; куски кирпичей и штукатурки градом посыпались из проломленной дыры; облако пыли наполнило комнату, словно само

здание охнуло от боли. В коридоре, не хуже своих пациентов, орали и бесновались владельцы сумасшедшего дома.

— Нет, нет! — стонала Белли. — Я не пойду!

— Грабители! Воры! Сумасшедшие! — завопила миссис Митчел и двинулась в атаку на Толли, размахивая своими длинными руками, подобными корабельным реям.

— Завтра! — мстительно ответил ей Толли. — Приходите завтра, а там посмотрим!

Он пригнулся, избегая ее кулаков, и тут же бросился головой вперед, словно пушечное ядро. Удар пришелся немного выше, так сказать, ватерлинии, между животом и грудью, в самый, так сказать, шпангоут миссис Митчел, остановив ее мощное наступление. Миссис Митчел охнула.

— Хэтч! На помощь! — крикнула она из последних сил и, побелевшая, осела на пол.

Черный Джек уже волок упирающуюся Белли вон из камеры, причем это стоило ему немалых усилий, потому что сумасшедшая девочка хваталась за все подряд: за привинченный к полу стол, за спинку кровати, за дверные косяки...

— Оставьте меня! — кричала она. — Я сумасшедшая! Я убью себя, как мой отец! Оставьте меня!

Она кричала, лежа поперек на плече у Черного Джека, лупила его кулачками по спине и мотала головой, болтая в воздухе неммытыми, нечесаными волосами, словно бригантина изорванными в штормах парусами.

— Хэтч! Хэтч! — вопили доктор с пастором. Более осторожные, нежели их поверженная надзирательница, они осмотрительно пятились перед наступающим Черным Джеком и призывали на помощь Хэтча. Но Хэтча не было.

Беглецы уже добрались до главного вестибюля. Толли семенил за Черным Джеком

и отрывал руки девчонки ото всего, за что бы та ни ухватилась.

— Толли! — стонала она. — Я люблю тебя! Я тебя люблю и поэтому хочу остаться! Брось меня! Ради Бога, оставь меня здесь, я не хочу быть для тебя обузой и мучением! Мое сумасшествие — оно еще вернется!

— Хэтч! Помоги же нам! — завопила очухавшаяся наконец миссис Митчел, хватаясь за перила лестницы.

— Оставьте меня! Я безнадежно больна! — визжала Белли в страхе перед свободой, хватаясь за двери парадного. Черный Джек молча, не обращая внимания на крики и визги, волок ее вон из дома.

— Да ты здоровая, как... черт тебя дерит! — сердился Толли, отдирая ее руки от дверей. — Такая здоровая, что вдвоем еле справляемся!

— Брысь! Раздавлю! — рыкнул Черный Джек на осмелевших противников.

— Сатана! — взвизгнул пастор, шарахаясь в сторону от гигантской ноги Черного Джека, едва не поддавшей служителю церкви хорошего пинка.

— Хэтч! Где же ты? — охала миссис Митчел, цепляясь за перила, видя, как ужасные гости беспрепятственно уходят и уносят с собой ее подопечную. — Куда ты запропастился, в конце концов? Хэтч!

Хэтч тем временем находился на верхнем этаже, в мужской половине. Лихорадочно дрожащими руками он отпирал двери камер и отмыкал замки цепей, освобождая взвинченных шумом идиотов. Он толкал их в коридор, на лестницу, тыкал и бил своей палкой, еще больше раздражая и зля их, орудовал кулаками, выгоняя на улицу, и даже пинал ногами особенно ленивых и недостаточно разозленных.

— Вон! Вон отсюда! Идиоты вы этакие! На улицу! Вон из дома! — орал он на сумасшедших. — Вон они, воры! Догоните их! Разорвите их в клочья! Бейте их, рвите их, грызите их зубами!

Он где-то подобрал старый, заржавленный кухонный тесак для рубки мяса, неизвестно как попавший сюда из кухни, и швырнул его на пол на самом видном месте.

— Вот вам! Это вам пригодится! Сделайте из них фарш! Топор! Топор!

Но идиоты бестолково тарасились на своего надзирателя, страхась покидать камеры, и лишь увертывались от больно бьющей палки, вопя и скуля.

— Эй ты, тюлень! Ты же когда-то был мясником! Узнаешь свой инструмент? Ну? Бифштекс! Рубленая котлета! Антрекот! Вспомнил?

Хэтч пристал к пожилому рослому идиоту с огромными желтыми руками.

— Давай! Выходи! Ну, живо! Бегом за ними! Нож! Топор! Возьми топор!

Хэтч яростно ткнул дылду своей палкой. Тот взвизгнул от боли и пустил слюну.

— Давай! Давай! Ну же! Выходи! — кричал Хэтч. Но идиот вместо этого ухватился за его острую палку и злобно потянул надзирателя к себе. Хэтч попятился к двери; гнев его моментально обратился в ужас.

— Не трожь меня! — вне себя от страха завопил Хэтч. — Я не дам тебе ужина!

Но дылда, злобно щерясь, крепко ухватившись за палку, тащил его к себе.

— Я скажу доктору Джонсу! — в страхе завопил Хэтч. — Доктор Джонс! Доктор Джонс! Наденьте на него смирительную рубашку!

Увы! Его угрозы не оказали на идиота никакого действия. В самом деле, очень небольшое осталось в этом мире, что имело значение для это-

го престарелого сумасшедшего. День и ночь давно смешались в его угасающем разуме, и, казалось, никакая тьма не пугает его, уже погруженного во мрак. Но все-таки кое-что еще оставалось в его помраченном сознании: он еще отличал доброту от жестокости, которая в эту минуту олицетворилась пред ним в надзирателе.

— Прочь! Не тронь меня! — завопил Хэтч, оставив палку в руках разъяренного идиота и бросаясь вон из камеры. Он, словно ветер, пронесся по коридору и через четыре ступеньки запрыгал вниз по лестнице, слыша за спиной топот и злобное сопение гнавшегося за ним сумасшедшего мясника, размахивающего огромным ржавым тесаком.

— Спасите меня! — завопил Хэтч, увидев в холле доктора, пастора и миссис Митчел, столпившихся перед входом. Но они, оцепенев в ужасе, лишь посторонились, давая дорогу убегающему Хэтчу и его свирепо рычащему преследователю с кухонным тесаком в поднятой руке.

— Он убьет меня! Держите его! — возопил Хэтч, пронесаясь в освобожденную дверь мимо своих хозяев. Его престарелый преследователь, словно подтверждая мысль Хэтча, взмахнул тесаком и издал грозный рык, который лишь утвердил импульсивное желание оставшихся в стороне зрителей не вмешиваться в ход событий.

— Неисповедимы пути Господни! — в благоговейном трепете пробормотал пастор. — Да свершится его возмездие!

Хэтч и его преследователь с тесаком в занесенной руке тем временем уже приближались к воротам.

— Я этого не вынесу! — вскрикнула миссис Митчел, закрыв лицо передником, страшась видеть кровавую сцену, которая вот-вот разыграется у ворот. — Бедная его душа! Он еще так молод!

Хэтч вылетел за ворота и во всю прыть помчался по дороге. За ним топал сумасшедший. Но... В силу естественного положения вещей, старик был слишком слаб. Хотя в нем жила душа ребенка, его руки и ноги были уже старческие. Еще у ворот он стал спотыкаться, а на дороге совсем обессилел, упал на колени и из последних сил швырнул свое оружие вслед Хэтчу, мчавшемуся прочь во всю прыть своих молодых ног.

— Хвала Всевышнему! — вскричала миссис Митчел. — Он все-таки убежал!

Доктор Джонс поспешил к воротам, чтобы поскорее увести в дом старика-идиота. Пастор покачал головой.

— М-да! — пробормотал он с сожалением. — Поневоле утратишь веру в неотвратимость Божественного Наказания.

18. Страшный суд

елли забилась в дальний угол быстро катящегося фургона и смотрела оттуда на своих спасителей огромными несчастными глазами. Зачем они свалились на нее, словно гром среди ясного неба, и вновь пробудили ее к жизни? Что они будут с ней делать? Что имел в виду Черный Джек, сказав: “Пока существует смерть, существует надежда”? О чем они с Толли шепчутся, бросая на нее косые взгляды?

У нее заныло сердце. Она подумала, что когда-нибудь ее недуг, таящийся в крови, потечет по венам и ударит в голову.

Неожиданно фургон остановился.

— Мы приехали! Собор! — сказал Джек.

Черный Джек и Толли взяли в руки по лопате.

— Мне вас ждать? — спросил Джек.

— Нет, — ответил Толли. — Поезжайте в Гринвич. Там должен стоять корабль под именем "Философ" с полуютом в испанском стиле. Вы с Белли ждите нас там.

Белли встрепенулась. На мгновение в ее душе вспыхнул озорной огонек.

— Это... это он, Толли? Это твой дядя, морской капитан? Да?

Она засмеялась; Толли нахмурился. Белли тут же перестала смеяться и напустила на себя вид самого глубокого раскаяния.

— А куда вы, собственно, собрались? — спросила она, оглядывая лопаты.

Толли покачал головой.

— Джек, вы куда? — спросила она Черного Джека, вдруг чего-то испугавшись.

— Воскрешать мертвецов, — мрачно ответил гигант.

Мир тем временем близился к своему концу. К шести часам вечера по небу с востока поползли зловещие тучи, диковинные очертания которых словно пророчили близкий конец всего и вся: в небе громоздились руины зданий, багровые в лучах закатного солнца. Среди них легко различался собор Святого Павла, Лондонская колонна, даже само Аббатство, распавшееся на медленно догорающие развалины.

Какой-то человек на Брик-лэйн продавал пилюли, предохраняющие от землетрясения.

— Пять шиллингов пачка! Очень хорошо помогает от колик и судорог! Сэр... Мадам!.. Пилюли от землетрясения!

Это был полный джентльмен с вкрадчивыми манерами, в молескиновой шляпе; он все принюхивался к воздуху, словно хотел уловить запах землетрясения. Запоздавшие беженцы, кому дела

не позволяли покинуть город до самого последнего дня, спешили мимо. И этот полный господин, зараженный всеобщей тревогой, тоже был намерен скоро оставить свою торговлю и поторопиться домой, чтобы, поскорее покончив с оставшимися делами, покинуть город: никому не хотелось оставаться на обреченных темнеющих улицах.

И все же некоторые люди не торопились уходить из города и вообще, казалось, намеревались остаться здесь, чтобы видеть все собственными глазами. Они, смеясь, выглядывали из окон верхних этажей на столпотворение внизу. Но и из этих домов, с их отчаянными владельцами, дети потихоньку бегали к господину в молескиновой шляпе за пилюлями от землетрясения, готовые платить даже десять шиллингов за пачку.

— Пять шиллингов пачка! Пять шиллингов! Покупайте! Эй, молодой человек! — он схватил за плечо Толли. — И ваш брат. О, Боже Всемогущий!

Продавец пилюль в смятении отшатнулся, в наступающих сумерках разглядев перед собой свирепого гиганта-монаха и мальчика с диким взглядом. Ящик с пилюлями, выбитый из рук, грохнулся на мостовую. Что за зрелище под губительными небесами! Они спешили с лопатами на плече, пугая и расталкивая встречаемых...

Продавец пилюль, чертыхаясь, нагнулся за своим ящиком, собирая рассыпанные пилюли. Подобрал свой товар, он оглянулся, ища глазами страшную парочку. Он увидел, как огромный человек посадил мальчишку и помог ему перебраться через высокую железную решетку, ограждающую кладбищенский двор за собором Святого Иоанна. Затем перелез и сам. Штык его лопаты мелькнул на фоне сумеречного неба, словно огромное черное копьё, и скоро гигант-монах со своим юным попутчиком скрылись сре-

ди склепов и могильных памятников. Побледнев, продавец пилюль в ужасе бросился прочь, догадавшись, что ангел с дьяволом уже прибыли, и скоро начнется выход погребенных для Страшного суда.

Отец Белли упокоился среди прочих Картеров, составлявших довольно старый род. Каждую могилу укрывало зеленое одеяло дерна. Здесь лежал и дядя мистера Картера, скончавшийся от болотной лихорадки. И его тетя, простудившаяся и умершая от жара, когда ей было восемьдесят лет. Бог спас их души, так же, как и души Соломона Картера, Элизы Картер, Якова Картера и Вильямса Картера, почившего в возрасте семи лет.

Но Дэвиду Картеру, трагически погибшему в свои шестьдесят три года, которому Бог простил его прегрешения, не суждено было обрести покой в этой могиле...

Большая лопата Черного Джека сорвала с могилы ломоть зеленого дерна, затем другой. Снова и снова лопаты вонзались в еще как следует не улежавшуюся землю и фонтаном швыряли ее по сторонам, забрызгивая соседние надгробия и зеленую траву вокруг. Двое, согнувшись, без усталости махали лопатами, не поднимая обращенных к земле лиц: одно огромное, бородатое, черное, как смертный грех; другое молодое, исполненное отчаяния, не ведающее, что лежит внизу. Одно лишь торопливое стремление владело ими. День был на исходе, в Гринвиче их ждал корабль, и фургон, грохоча колесами, катился в порт...

Они не произносили ни слова; все уже было сказано. Они берегли дыхание для работы, которая быстро продвигалась к концу.

Неожиданно они перестали копать. Их заметил церковный сторож. С фонарем в руке, он

приблизился к ним, осветив соседние надгробия и монументы.

— Мерзавцы! Богохульники! Что вы тут творите...

В тот самый момент, когда он сердито закричал на пришельцев, одна из лопат гулко ударила в дерево. Под ногами был гроб. Сторож охнул и замер в ужасе, увидев, как из разверстой могилы поднимается гигантского роста монах, подобный чудовищной живой пародии на каменное изваяние, зачем-то скребущий и убирающий землю с гробовой крышки. Рядом стоял и тяжело дышал мальчик, пристально разглядывая гроб и утирая пот со лба.

— Богохульники! — пробормотал сторож, опасаясь уже не за покойника, а за себя самого. Осмелев, он шагнул вперед, и чудовище из могилы, обернув к нему страшное черное лицо, вдруг сказало:

— Посвети мне. Мы очень спешим. Стой здесь, или я закопаю тебя живьем!

Гигант поддел своей лопатой крышку гроба и стал приподнимать. Затрещали винты, вырываемые из своих гнезд. Лопата остановилась: дальше не пускала земляная стена узкой могилы.

— Господи Боже мой! Только не голыми руками! — забеспокоился сторож. — Там трупный яд!

Но ручищи Черного Джека уже вцепились в приподнятую крышку. Постепенно, понемногу, скрипя остатками выдираемых винтов, крышка гроба поддавалась непреодолимой силе гиганта и наконец отвалилась прочь. Сторож содрогнулся, Толли вскрикнул, Черный Джек зарычал так, что сам покойник наверняка встал бы из гроба, если бы...

— Где он? Куда он подевался?

Великолепный черный дубовый гроб был... пуст!

Сторож задрожал, как осиновый лист; фонарь зашатался в его руке, отчего соседние надгробия задвигались, заплясали, как будто придавленные ими мертвецы вдруг воскресли и хотят выйти из могил.

— Я не виноват! — простонал сторож. — Он был в гробе! Это они, из погребальной конторы. Они должны знать. Спросите их. Ради Бога, спросите их! Угол Брик-лэйн, только на другой стороне. Они должны знать!

Погребальная контора располагалась в скромного вида здании. Окна дома, обведенные черной каймой, походили на траурные фотографии, на которых любой из прохожих мог увидеть собственную физиономию. Похоронные обряды для дворянства и мещан. Цены умеренные. Скромно и с достоинством. Скимпол и Горганди..

Тайбернская вдова сидела при свечах в своей гостиной. Солидная, в черном бомбазиновом платье, в полудреме, со слабой улыбкой на пухлом лице, она сидела в кресле, вздыхая и вспоминая, быть может, о прежних тяжелых деньках и постыдных шиллингах для мистера Кэтча, как вдруг..

— Ох! Кто это? — вскричала миссис Горганди, крестясь и закрываясь руками, словно от привидения. — О, Боже мой! Господи, спаси меня, грешную!

Пред нею стоял Черный Джек, тот самый гигант-убийца, повешенный год назад. И вероломный мальчишка, тот самый, которому она доверила свою добычу и который ее ограбил, стоял рядом с ним. Она запомнила их на всю жизнь. И вот они вернулись. Все это, вместе с мрачными предзнаменованиями, висевшими в небе над городом, уверили ее сильнее всех доводов здравого смысла, что настал конец света и сейчас произойдет Страшный суд.

— Ох, сжальтесь над бедной вдовой! — по привычке заголосила она. Заглянув за спины пришельцев, она спросила: — Там больше никого нет? О Боже! Что будет, если припрутся все остальные? Там с вами никто не шел сюда? Я имею в виду, когда вы вставали из гроба, сэр... воскресали, так сказать... У вас там, должно быть, немало знакомых — воскресших, я имею в виду. О Боже!

Это жуткое замечание исчерпало все способности миссис Горганди выражаться членораздельно.

— Быстрее... быстрее... — бормотал мальчик, но миссис Горганди лишь стонала в преддверии невообразимой перспективы.

— Картер, — произнес Черный Джек с видом, сулившим вечные муки. — Где он? Кому вы продали его? Картер из Райгита...

— Быстрее... быстрее...

Измучение боролось в ней с ужасом. Безумным взглядом она воззрилась на юношу, чьи сверкающие глаза уже однажды ее обманули. Но в этот раз они не обманывали. Они безжалостно жгли ее смятенную душу своим беспощадным огнем, и этот огонь понемногу разгорался в жуткое пламя. Если он не восставший из могилы мертвец, подумала миссис Горганди, то уж наверняка сумасшедший!

— Где он?

Воскресшее чудовище чуть ли не вплотную приблизило к ней свою огромную страшную рожу. Боже, какое от него зловоние! Впрочем, в подобных обстоятельствах это неудивительно. Если чистоплотность угодна Господу, то Черному Джеку, с его богопротивными делами, наверняка она не по нутру.

— Его купили те ужасные врачеватели с Варвик-лэйн! — выдавила наконец миссис Горганди,

готовая с радостью разделить павшее на нее проклятие со своими покупателями. — Они! Они во всем виноваты! Они злонамеренно заставили меня пойти на это, сэр! Ни стыда у них, ни совести! Всего десять фунтов за такого великолепного покойничка! Но что могла с ними поделаться несчастная свежеиспеченная вдова? Видно, Господь проклял меня за то, что я взяла их неправедные деньги! Пощадите меня! Пожалейте! Я несчастная вдова...

И тут в жизни миссис Горганди настал самый торжественный момент. Черный Джек, перегнувшись через стол, ухватил ее своими страшными лапами и вынул из кресла, словно она была не тяжелее ее бомбазинового платья. Затем, не обращая внимания на ее плач и стенания, страшные гости выволокли ее прямо в носках из дома и потащили по улицам пустеющего города на Варвик-лэйн.

Разрозненные встревоженные кучки беженцев, какие-то подозрительные компании в сопровождении факельщиков торопились по улицам, то и дело озираясь на тяжелые мрачные небеса, словно одеялом накрывшие город. Эта картина всеобщей спешки при свете факелов показалась миссис Горганди столь жуткой и сверхъестественной, что она задрожала. В голове ее родилась дикая мысль, что всеобщее Воскрешение произойдет именно здесь, в анатомическом театре Коллегии Врачей, в окружении изощренно изрезанных человеческих останков, чтобы сделать очевидной и усугубить ее вину...

Угрюмая призрачная громада собора Святого Павла предстала их глазам, густо окруженная факельщиками, как гнилой пень светляками. На ступенях в ожидании Страшного суда суетилась толпа, оглашая ночной мрак тревожным ропотом, словно это были людские души в париках и шляпках, страждущие спасения, но проклятые и

сброшенные в Геенну, в гущу свирепо пылающих и чадающих огней.

Здесь же, среди этих проклятых Богом людей, бегал человек в молескиновой шляпе.

— Пилюли от землетрясения! Если епископ вас не услышал, то купите мои пилюли! Пять шиллингов пачка! Покупайте...

Внезапно он увидел ту самую жуткую парочку, которая недавно лезла через кладбищенскую ограду. Он направлялись прямо к нему. Похоже, они охотились за ним! Он посторонился, но было поздно. Выругавшись, он нагнулся и принялся подбирать рассыпанный товар.

— Спасите! Спасите! — вопила миссис Горганди, но толпа у собора не обращала внимания на ее вопли, потому что все вопили примерно то же самое, а страшные спутники уже волокли ее в жуткий мрак, окутавший пустынную Варвик-лэйн.

Наконец они остановились перед зданием Коллегии Врачей. Толли посмотрел на пыльные окна и голые стены. Тут он почувствовал на плече руку Черного Джека. Обернувшись, он взглянул в его грубое лицо.

— А если твои надежды напрасны, что тогда? — спросил Черный Джек.

— Она не будет знать. Я ей никогда не скажу.

— Она все равно узнает, Толли. Рано или поздно она узнает, поверь мне.

— Я сделаю все, чтобы она никогда не узнала правду...

— Тогда идем отсюда прочь. У нас мало времени. Не будем их беспокоить понапрасну

— Ты боишься, Джек?

— Да, Толли, немного, — пробормотал гигант, переживший виселицу, кошмары сумасшедшего дома и раскопки мертвецов. — Да, Толли, немного.

— Ох, послушайте этого огромного джентльмена, молодой человек! — запрочитала миссис Горганди. — Не надо тревожить покой тех, кого уже отпустил Господь и лекаря! Давайте оставим этот обман в секрете; он уже никому не повредит. Счастье — в неведении, я это говорю вам как вдова. Боже, да если вы, юноша, узнаете хотя бы часть всех мерзостей, что сотворены за один лишь день, вы спать по ночам не сможете от стыда за род человеческий! Оставайтесь лучше в благословенном неведении!

— Но ведь должен же кто-то все знать! — воскликнул Толли; его доброе сердце глубоко тронули слова миссис Горганди.

Тяжелая рука Черного Джека легла на плечо мальчика.

— Тогда ты скажи ей, своей девчонке.. Нет, ничего не говори.

Толли все понял и кивнул. Страх исчез с лица Черного Джека. Он взошел по ступеням и принялся так колотить в дверь, словно намеревался превратить этот зловещий дом в руины еще до наступления Страшного суда. Гром его ударов разносился по всему зданию. Наконец сердитый голос из-за дверей приказал ему поберечь свой пыл. Дверь отворилась, и на пороге показался привратник. За его спиной стояли два дюжих помощника.

— Миссис Горганди! — узнал вдову привратник. — Что вас привело сюда в столь поздний час? Да еще к парадному подъезду!

— Мистер Милз! Я уже сама себе не хозяйка. Меня силой привели сюда! Они хотят посмотреть на мистера Картера из Райгита.

— Миссис Горганди! У нас имена не в ходу, вы же знаете. Назовите номер.

Сконфузившись, миссис Горганди достала из кармана маленькую записную книжечку.

— Номер сорок три, мистер Милз. Будьте любезны, позвольте взглянуть на беднягу “сорок третьего”.

В разговор вступил помощник привратника, одетый в служебный фартук. “Сорок третий” поступил месяц назад. Теперь у них в работе уже идут “восьмидесятые” номера. Так что увидеть его уже нельзя. Но...

Но — что? Быстрее! Время идет!

Но может быть, поможет Главная книга?

В этой книге могло быть записано то, чего теперь не увидеть глазами. Не только внешний вид, но и внутреннее состояние, о котором при жизни может ведать один лишь Господь. Ничто не скроется от опытного глаза врача-анатома, но только после смерти. Тогда не будет ли мистер Милз так любезен принести Главную Книгу?

— Принесите! — бросил через плечо привратник.

Огромный фолиант, подобный Библии, испещренный чернилами, словно договор об аренде, принесли и раскрыли под тусклым фонарем, висевшим над главным входом. Долго листали хрустящие страницы, и наконец...

— Номер сорок три. Упитанный мужчина. Возраст шестьдесят три. Этот? Да. Кажется, при отличном здоровье. Мог бы прожить еще лет десять и больше. Никаких внешних телесных повреждений, кроме... кроме сквозной пулевой раны в области сердца.

— Он.. Он выстрелил своей рукой? Вы можете ответить? — спросил Толли.

— Своей рукой? Что вы, молодой человек! — грустно улыбнулся помощник. — Для этого надо иметь слишком длинные руки! Хотя пуля прошла сквозь него без помех, грудная рана была больше, значительно больше, чем пулевое отверстие на спине. Мне очень жаль, но у вашего джентльмена, наверное, были враги, желавшие

ему смерти. Ничего другого заключить здесь нельзя, как только то, что выстрел был сделан ему в спину. Словом, он был убит.

Не отрывавший глаз от лица помощника, Черный Джек осклабился, даже зарычал от удовольствия и от избытка чувств шлепнул своей лапшей миссис Горганди по толстой спине, отчего та чуть не лишилась чувств. Толли даже подпрыгнул от радости и чмокнул миссис Горганди в напудренную щеку.

— Кто бы мог подумать, — воскликнул Черный Джек, — что ты на что-нибудь еще сгодишься в этом мире, эй ты, милая моя “свежеиспеченная вдовушка“!

19. Мой дядя — морской капитан

половине восьмого утра весь город уже был в движении. В Гайд-парке с шести часов утра знаменитый проповедник мистер Уайтфилд читал проповедь — степенную, благообразную, исполненную надежд проповедь, просто трещавшую по швам от избытка веры в спасение. Освещая дорогу факелами, люди семьями текли по Тайберну, сворачивая отдохнуть среди обступившей вдохновенного проповедника колыхающейся толпы. Вдали от страшных своей пустотой улиц и готовых обрушиться особняков, они жадно ловили и впитывали каждое слово проповедника.

— Пилюли от землетрясения! Пять шиллингов! Кому пилюли?! — неся крик вдоль Оксфорд-стрит; все тот же человек в молескиновой шляпе вел свою необычную торговлю. Но теперь он был весьма осмотрителен и то и дело вглядывался в толпу, чтобы заранее заметить чудовищного монаха и семяющего рядом с ним мальчиш-

ку, которые уже дважды сбили его с ног. Он внимательно высматривал их среди спешащей в предутреннем полумраке толпы, пробираясь по Бервик-стрит, хватая за рукава и плечи всех прохожих, спешащих к реке искать спасения на кораблях.

— Мы не найдем их, Черный Джек! Они, наверное, уже приехали.

— Садись мне на спину, Толли! Одному в такой толчее легче пробираться, чем двоим!

Вознесенный над толпой, Толли сгибался на плечах гиганта, когда на пути Черного Джека попадались висящие над тротуаром вывески магазинов или когда Черный Джек оступался на неровной земле. Склонившись к уху гиганта, Толли прошептал:

— Быстрее... быстрее...

Черный Джек обернул лицо назад, и его жесткая борода царапнула щеку мальчика.

— Быстрее? Ну тогда держись!

И он зашагал огромными шагами, почти побежал.

— Пилюли против землетрясения! Кому пилюли?!

Крик продавца теперь оглашал набережную, постепенно двигаясь по направлению к Блэкфрайерс. Человек в молескиновой шляпе ловко лавировал в толпе, уклоняясь от столкновений. У него оставалось еще шесть коробок и очень мало времени. Будет землетрясение или нет — в любом случае его торговля вряд ли продлится долее этой ночи. Поэтому он двигался с большой ловкостью, избегая столкновений и орудуя локтями.

— Пилюли! Пять шиллингов коробка! Последние заказы, любезные господа!

Того страшного монаха и его неистового спутника нигде не было видно. Но человек в молескиновой шляпе встретился с другой проблемой. Паренек в байковом переднике, очевидно,

подмастерье, остролицый, с короткими крепкими ногами, несся сквозь толпу прямо на него, совершенно пренебрегая опасностью столкновения. Рассерженный продавец пилюль свернул в сторону и сошел на скользкие булыжники набережной Святого Павла...

Переполненный ужасом, Хэтч стонал и задыхался, но все-таки бежал, не останавливаясь, словно за ним гналась целая свора небесных ангелов. В его помутившемся разуме оставалось одно: сумасшедший старик с топором в руках! Вот кто гнался за ним! "Он хочет зарубить меня!" — стучало в голове у Хэтча. Он никогда не страдал избытком фантазии. Не угрызения совести, не раскаяние и не другие тому подобные малоосязаемые вещи безжалостно гнали его по улицам напуганного города. Его гнал сумасшедший старик с топором. Порой Хэтч даже слышал, как он свирепо пыхтит у него за спиной. Порой, оглянувшись, он даже, кажется, видел его разъяренное лицо! И он бежал еще быстрее, то по течению людских толп, то навстречу горожанам, заполнившим тесные улицы. При всем этом он вполне владел собой! Ничто не мучило его: ни чувство вины за шантаж, ни даже страх Божьей кары за убийство! Эти пустяки не шли ни в какое сравнение с ужасом перед топором сумасшедшего. Он был поистине ослеплен этим страхом. Он прекрасно понимал, что возбудил в сумасшедшем великую ярость и что жажда мщения еще не утолена.

— Пилюли от землетрясения! Пилю... Черт тебя возьми, ты, маленький идиот!

Раздраженный до крайности, человек в молескиновой шляпе успел лишь, защищая свой ящик с пилюлями, выставить локоть и тут же полетел на мостовую.

Сбивший его с ног Хэтч, отчаянно балансировал на краю причала, затем, не удержавшись, с

криком полетел вниз. Все сразу: дома, мельтешащая на набережной людская толпа, черная стена причала — все это мелькнуло в его глазах и взлетело куда-то вверх, в темноту неба, словно вознесенное чудовищным вихрем. Взыбленные воды хлынули на него, бросив ему в глаза последним видением мерцающий свет факелов, осветивший ему на мгновение путь в бездну мертвенным, ледяным огнем Чистилища. Ему в уши ударил грохот, подобный гулу далекого пушечного выстрела, и тут же словно гигантский топор обрушился ему на голову.

На набережной человек в молескиновой шляпе сердито подбирал с мостовой раскиданные коробки с пилюлями. Две коробки упали вниз и теперь колыхались на волнах, поднятых проплывшим баркасом, который только что раздавил Хэтчу голову. Выругавшись, продавец пилюль руками отряхнул со штанов прилипший мусор и отправился своей дорогой. На набережной по-прежнему мельтешила толпа, даже не заметившая гибели Хэтча.

— Быстрее, Джек, быстрее!

Гигант повернул голову и взглянул в искаженное страстью лицо сидевшего у него на плечах мальчика.

— Быстрее, а то мы не успеем!

Вот они уже миновали Тулей-стрит, вот уже бегут по Ротерхиту, расталкивая встречную толпу людей, покидающих город.

— Последние места! Всего пять фунтов! Одно место! Осталось только одно место! — кричал лодочник. Переполненный баркас чуть ли не черпал бортом воду. — Торопитесь, а не то будет поздно!

У причалов, теснясь, колыхались освещенные мерцающим светом факелов баркасы. Они заполнялись живым, трепещущим от страха грузом, и, переполненные, уплывали на середину реки, где

передавали свой груз большим судам. Но был среди них один корабль, который не брал на борт пассажиров. Это был чистый, изящных обводов, свежееккрашенный парусник с высокой кормой в испанском стиле, которую уже успели местами поцарапать и побить своими мачтами и реями местные фелюги и кочи.

— Прочь отсюда, или сейчас переверну твое корыто! — то и дело раздавался крик с кормы парусника на какой-нибудь переполненный баркас, подплывший слишком близко.

— Джек! Джек! — понукал сверху Толли.

Гигант стонал и задыхался. Он был совершенно изнурен.

— Быстрее не могу! Не могу!

— Наш фургон! Вон он!

Оказалось, что Черный Джек был не прав. Он мог бежать еще быстрее. И он побежал, едва завидел впереди фургон Джеда. Подобно чудовищному черному вихрю, он понесся вперед, ночной воздух бил им в лицо, и Толли кричал, торжествуя:

— Белли! Белли! Ты свободна!

И все, кто в эту минуту оказался на Гринвичской набережной, тут же позабыли, что до светопреставления остался всего лишь один час. Они в изумлении наблюдали, как огромный монах с неистовым мальчиком на спине влетел в фургон, дожидавшийся их у реки.

Внутри этот необычный фургон освещался ярким большим масляным фонарем, так что снаружи он и сам сиял и мерцал, словно гигантская разукрашенная лампа. Он весь трясся и ходил ходуном, как будто в нем происходило маленькое, свое собственное землетрясение. Радостные вопли и хохот разносились из него по всей набережной, пугая прохожих. Топот, гогот, смех, крики радости, прерываемые громким плачем, крики "О!О!" — словно кто-то хотел сказать не-

сравненно больше и сказал бы, если бы хоть на минуту освободил губы, занятые поцелуями. Потом из фургона продолжительное время доносился сосредоточенный звук перепиливаемого железа.

— А ну, убирайтесь отсюда, а не то я этой свайкой продырявлю вам днище! — раздался сверху суровый голос.

Маленькая лодка плыла без фонаря. В ней сидели четверо, теснясь плечом к плечу; к ним и были обращены грозные слова. Но из-за шума на реке и громких команд капитана на квартердеке матрос не мог расслышать плеска весел утлой лодчонки.

— Убирайтесь прочь или считайте себя утопленниками! — крикнул еще раз матрос, вполне удовлетворившись тем, что утлое суденышко уплыло в темноту, прочь с его глаз.

Уйдя из поля зрения вахтенного матроса, эта бродячая лодка, однако, вновь повернула к паруснику и бесшумно скользнула под мутный свет кормового фонаря “Философа”. Тусклые блики фонаря открывали взгляду картину, которая утвердила бы вахтенного матроса в наихудших его подозрениях. Но он ничего не видел. На веслах сидел старина Джед, на корме скалой высился Черный Джек. Он обнимал грязного мальчишку и растрепанную девчонку, которая, казалось, только что сбежала из сумасшедшего дома. Нет, эти жалкие пассажиры были не для такого шикарного корабля, как “Философ”..

— Вон там разбитое окно, — тихо сказал Черный Джек. — Я подсажу тебя, и ты залезешь внутрь.

Футах в семи над ними, в корме парусника, зияло выбитое окно. Черный Джек встал во весь рост, а Джед подвел лодку под самую корму “Философа”.

— Сначала ее...

Белли протянула руки, но Черный Джек взял ее за талию и поднял прямо к разбитому окну в корме "Философа". И, когда он приподнимал девочку, его грубые губы легонько коснулись ее нежной щеки. Он что-то шепнул ей в самое ухо.

— Да, я обещаю... — прошептала в ответ девочка; в темноте мелькнули ее белые лодыжки, и она исчезла в черноте окна.

— Теперь ты, — Черный Джек обернулся к Толли. — А ты помнишь, как я тащил тебя из т о г о окна?

— Я никогда не забуду этого, Черный Джек. Никогда.

— И я. И я тоже.

Он взял Толли, поднял перед собой. Лодка опасно накренилась. Джек заворчал, выровнял лодку, и Толли залез в черную дыру разбитого корабельного окна. Белли ждала его. Она помогла ему пролезть, и когда он встал на ноги, то оглядевшись, понял, что они с Белли попали в кают-компанию. Он выглянул в окно. Внизу он увидел лодку и высящегося в ней гиганта. Тусклый кормовой фонарь проливал скудный свет на черную волнующуюся воду; волны казались ему холмами и долинами фантастического пейзажа, среди которого стояла, постепенно удаляясь, гигантская фигура Черного Джека со сверкающими глазами.

— Благослови вас Бог, Толли и Белли! — крикнул Черный Джек.

— И вас тоже, сэр!

— К пристани, Джек! Давай побыстрее. Осторожнее, черт побери, лодку перевернешь!

Плеснула под веслом вода, Джек развернул лодку, и скоро она скрылась в ночной темноте, смешавшись с другими суденышками, сновавшими по реке вдоль набережной. Белые на черном фоне разбитого окна лица провожали гигантскую

фигуру в монашеской рясе, которая стояла в удаляющейся лодке и смотрела назад, на стройный парусник с высокой кормой в испанском стиле. Лодка с гигантской фигурой уже почти скрылась в ночной темноте, а Толли все смотрел и смотрел, провожая ее глазами, пока Черный Джек из реального, живого, из плоти и крови человека не стал воспоминанием, глубоко врезавшимся ему в память и в душу.

— Ага! Попались, негодники! Убегаете из Гринвича?

Мистер Джарвис, старший помощник капитана, вооруженный абордажной саблей и с фонарем в руке, услышав шум, вбежал в кают-компанию, чтобы посмотреть, кто это пробрался тайком на корабль. Зрелище было не из приятных: от одного только вида этих оборванцев могло стошнить даже корабельную крысу. А какая вонь шла от них!

— Мистер Джарвис!

Вздрогнув от неожиданности, старший помощник капитана поднял фонарь выше и чуть не уронил его!

— Боже мой! Сдается мне, это сам Бартоломью! Ты — Бартоломью? Нет! Не может быть! Нет, это ты! Это он! Боже мой! Сейчас я позову твоего дядю! Побудь здесь! Не ходи никуда! Сейчас я приведу твоего дядю!

Запнувшись о порог, словно корабль раскачивался в жестоком шторме, он выбежал вон.

Белли вцепилась в руку Толли. В самом деле, все-таки его дядя — морской капитан! Всю ее насмешливость как волной смыло; остались лишь беспокойство и даже страх. Но из-за чего? Сейчас появится этот неведомый властитель души ее любимого Толли! Грозный, пронизательный, страшный морской капитан, чей дух суровой тенью сопровождал Толли всю жизнь!

В Гринвиче на башне ударили часы, и звон их прокатился над рекой. В ответ на кораблях вахтенные матросы пробили склянки, и тут же над рекой и над всем Гринвичем воцарилась зловещая тишина. А удары часов с городской башни неслись и неслись сквозь ночь, завораживая гнетущим звоном. Толпы людей застыли на улицах и набережной. Замерло столпотворение у церквей и на площадях. Часы отбивали последние удары последнего часа последнего дня. Четвертое апреля кончилось.

Все люди на улицах, джентльмены в тяжелых грубых плащах, дамы в стеганых платьях и дети, даже самые маленькие, и совершенно безгрешные, завернутые в теплые одеяла, — все смотрели в чистое ночное небо, в котором безмятежно светила взошедшая луна и ярко сияли большие звезды.

Так упадет небо на землю или нет? Пролет ли рука Всемогущего огонь и серу на несчастный, погрязший в грехах город? Или же Он передумал и пощадил их в своем безмерном божественном человеколюбии?

— Племянник! Бартоломью! Ты ли это?

Белли смотрела во все глаза, но никого не видела, потому что взгляд ее был устремлен чуть ли не под потолок.

— Отвечай же! Ты ли это?

Потрясенная Белли опустила взгляд ниже и вместо грозного гиганта-капитана, настоящего морского волка, увидела вбежавшего в кают-компанию суетливого, маленького человечка. Увы, командир "Философа", капитан Доркинг, вовсе не был высокорослым, грозным человеком. Белли обиженно закусила губки. Он был, если говорить честно, маленьким, сухощавым, сморщенным человечком чем-то напоминавшим крысу. У него был длинный крючковатый нос, а выдававшийся подбородок,

казалось, искал с ним встречи. Белли была совершенно разочарована и чуть не расхохоталась, вспомнив, каким его представляла себе по рассказам Толли.

Капитан Доркинг, заложив руки за спину, раздраженно ходил по каюте взад и вперед. Все мысли о надвигающейся катастрофе тут же вылетели у него из головы, едва он увидел, в каком плачевном состоянии и в каком ужасном обществе находится его племянник. Разве это был тот самый серьезный, богобоязненный законопослушный мальчик, которого он отдал учиться достойному ремеслу драпировщика? Этот грязный, худой молодой человек в трактирном фартуке с растрепанной, смазливой девицей на буксире, и в таких отрепьях, которые не годятся и на швабру, драить палубу, а не то что носить!

— Стыдно, дорогой мой племянник! Очень стыдно! И ты еще носишь фамилию Доркингов! Неужели в тебе не осталось ни капельки того, чему я тебя в свое время учил? Ох, Бартоломью, ты очень меня расстроил! Очень расстроил! И будь любезен, попроси эту леди попридерживать свои улыбочки. Я не вижу здесь ничего смешного!

Но Белли не могла удержаться. Ни правила приличия, ни стремление казаться серьезной, ни желание понравиться капитану Доркингу — ничто не помогало удержать чувств, которые ее обуревали, и неудержимая улыбка помимо воли растягивала ей губы и морщила нос. Ее глаза просто сами собой закатывались в смехе, а плечи тряслись от хохота.

— Белли! — приструнил ее Толли. — Мой дядя — морской капитан все-таки. Ну пожалуйста!

— Извините, — пробормотала Белли, изо всех сил удерживая на лице серьезное выражение. — Но... Но... Ох, Толли, мой любимый! Но

он... Он такой маленький и смешной! Такой маленький и смешной! А ты... а ты чуть не вдвое выше его!

Тут уж, к пущему неудовольствию капитана Доркинга, его родной племянник тоже разразился громким хохотом...

Уже целых полчаса прошло, как наступил День Страшного суда, а ничего не происходило, и толпы на улицах, не дожидаясь, когда же наконец пробьют так сильно запаздывающие небесные часы, с недовольным ропотом стали расходиться по домам. То там, то здесь предприимчивые проповедники растолковывали народу, что Всемогущий прислушался к их мольбам и переменил Свое намерение. Вполне возможно, так и было на самом деле. Но, может быть, все грехи Лондона, вместе взятые, больше досадили самой Церкви, нежели оскорбили Небеса, которые в этом отношении оказались гораздо терпимее.

Без четверти час ни у кого не осталось сомнений: кто-то крепко просчитался. Мир с треском провалился в своем намерении провалиться в тартарары.

Но на Ганноверской площади — не в соборе Св. Георгия, а прямо посреди площади, — какой-то священник весьма тонко выводил из всего произошедшего, вернее, не произошедшего, интересную мораль.

— Друзья мои! — возглашал он. — На нас в самом деле простерлась длань Господня! Мы все живы и невредимы! Разве это не чудо? И то, что это самое настоящее чудо, нас убеждает каждый новый благословенный день!

“Философ” отплывал с утренним отливом. Окно в кают-компании уже застеклили — не столько из опасения перед непогодой, сколько из предосторожности против других “племянников капитана”, желающих проникнуть на

корабль. Все-таки капитан Доркинг немного по-добрел. Мистер Джарвис, будучи семейным человеком, убедил его и заставил согласиться, что все кончилось совсем не плохо: могло быть гораздо хуже.

— Хуже, Джарвис? Куда уж хуже?

— Но, сэр, парень мог погибнуть! И не один раз. Вы сами слышали его рассказ.

— Да уж. В самом деле, могло быть и хуже.

Итак, Белли и Толли получили разрешение остаться на борту, а также благодатную возможность хорошенько вымыться, за что они были благодарны капитану корабля больше всего.

— А он, между прочим, очень похож на меня, не так ли, Джарвис?

— Да, сэр, особенно глаза, и еще подбородок.

— А девчонка... неплохо сложена, вы не находите?

— Да, сэр, превосходно.

Подул свежий бриз; на "Философе" поставили фоки и топсели. Под хорошим ветром миновали Вулвич и кивающим вверх и вниз бушпритом устремились прямо навстречу встающему из моря солнцу. Парусник направлялся в Новую Англию с грузом сукна, муслина и парчи. Это был прекрасный корабль с двенадцатью пушками, готовыми к бою в любую минуту. Все на паруснике сверкало чистотой и аккуратностью — все, кроме оборванной парочки, стоящей на шканцах. Ветер трепал их волосы и лохмотья, развевая и вытягивая их, словно вымпелы трудно доставшейся победы.

Над фок-мачтой кружились и кричали чайки, над палубой раздавалась песня вахтенного матроса:

Ты так прекрасна, моя милая,
Что я без памяти люблю тебя.

Вдруг Белли приникла к Толли и горячо зашептала ему в самое ухо, и у него от ее слов заледенела кровь:

— Толли, смотри! Ты видишь?

— Что, Белли?

Прекрасное утро вдруг померкло в его глазах.

— Что ты там увидела, Белли?

— Высокая, выше неба, черная башня с золотой крышей. И белые ангелы с белыми крыльями летают... И весь мир поет колыбельную солнышку... Оно завернулось в одеяло и ложится спать!

Толли в муке закрыл глаза. У нее вновь появились видения, этот зловещий признак сумасшествия. Болезнь возвращалась к девочке.

— Толли, дорогой, ты видишь?

— Нет! Нет! Нет! — завопил он, изливая свое отчаяние в истерическом крике.

— Открой же глаза, Толли! Посмотри хорошенько!

Он открыл глаза. О чудо! Словно вырванное из мрака ее болезни, ушедшей навсегда, чарующее видение предстало его глазам в ярком свете раннего дня!

Высокой черной башней, вонзившейся в самое небо, воздвиглась перед ним грот-мачта, и над нею — белоснежные чайки, подобные ангелам, торжественно реяли в вышине. Словно огромные белые одеяла, паруса брига укрывали сияющее солнышко, и матросы, работающие на палубе, как всегда, пели:

Я не оставлю никогда мою любимую,

Пускай хоть звезды валяются с небес.

— Даже тогда, Белли! Даже тогда я не оставлю тебя!

Вулвич давно остался позади. Бриг держал курс вниз по реке, к широко раскрывшему свои просторы морю. Белли и Толли, в восторге от сияющего дня и свежего ветра, кричали:

— Мы летим! Мы летим!

И под кивающим на морской волне бушпритом, казалось, тоже кивала, соглашаясь с их словами, деревянная носовая фигура бородатого философа с буссолью в руках, черты лица которого выдавали поразительное сходство с дядей Толли, морским капитаном.

— Хорошо идем, Джарвис!

— Да, сэр, превосходно.

О г л а в л е н и е

От редакции	
<i>(Предисловие к английскому изданию)</i>	3
1. Мертвец	7
2. Друзья поневоле	22
3. Еще один способ зарабатывать деньги....	38
4. Бедное создание.....	52
5. Эликсир доктора Кармоди.....	60
6. Полуночные песни.....	78
7. Новая профессия	86
8. Визит дьявола	99
9. Бегство гиганта.....	109
10. Шантажист	125
11. Возвращение гиганта.....	132
12. Счастливый отец	142
13. Второй визит дьявола	155
14. Козни Джека	163
15. Сумасшедший дом.....	175
16. Пророк	182
17. Освобождение	195
18. Страшный суд.....	212
19. Мой дядя — морской капитан	223

Леон Гарфилд
ЧЕРНЫЙ ДЖЕК

*Повесть для детей среднего и старшего
школьного возраста*

Редактор *Герасимова Н.К.*

Художник *Фадеева Н.А.*

Технический редактор *Злобина В.В.*

Корректор *Туркевич В.В.*

Сдано в набор 12.93. Подписано в печать 10.02.94. Формат
84x108 1/32. Бум тип №1 Гарнитура "Таймс" Печать
офсетная. Усл. печ. л. 12,6 Уч.-изд. л. 9,66 Тираж 50000 экз.
Заказ № 68.

Издательство ТОО "ЭСБИ" 630081, Новосибирск, Спекрасова, 44
Отпечатано в Новосибирской типографии № 4, ВО "Наука"
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25

В 1994 году издательство "ЭСБИ" планирует
выпуск третьей повести-сказки
Сергея Белоусова
о приключениях Печенюшкина
"СЕРДЦЕ ДРАКОНА,
или
ПУТЕШЕСТВИЕ С ПЕЧЕНЮШКИНЫМ"

По вопросам оптовых поставок
всех книг сериала
просим обращаться в компанию "ЭСБИ".

Наш адрес: 630081, Новосибирск,
ул. Некрасова, 44
тел. 8-383-2-24-83-09
факс. 8-383-2-24-85-52